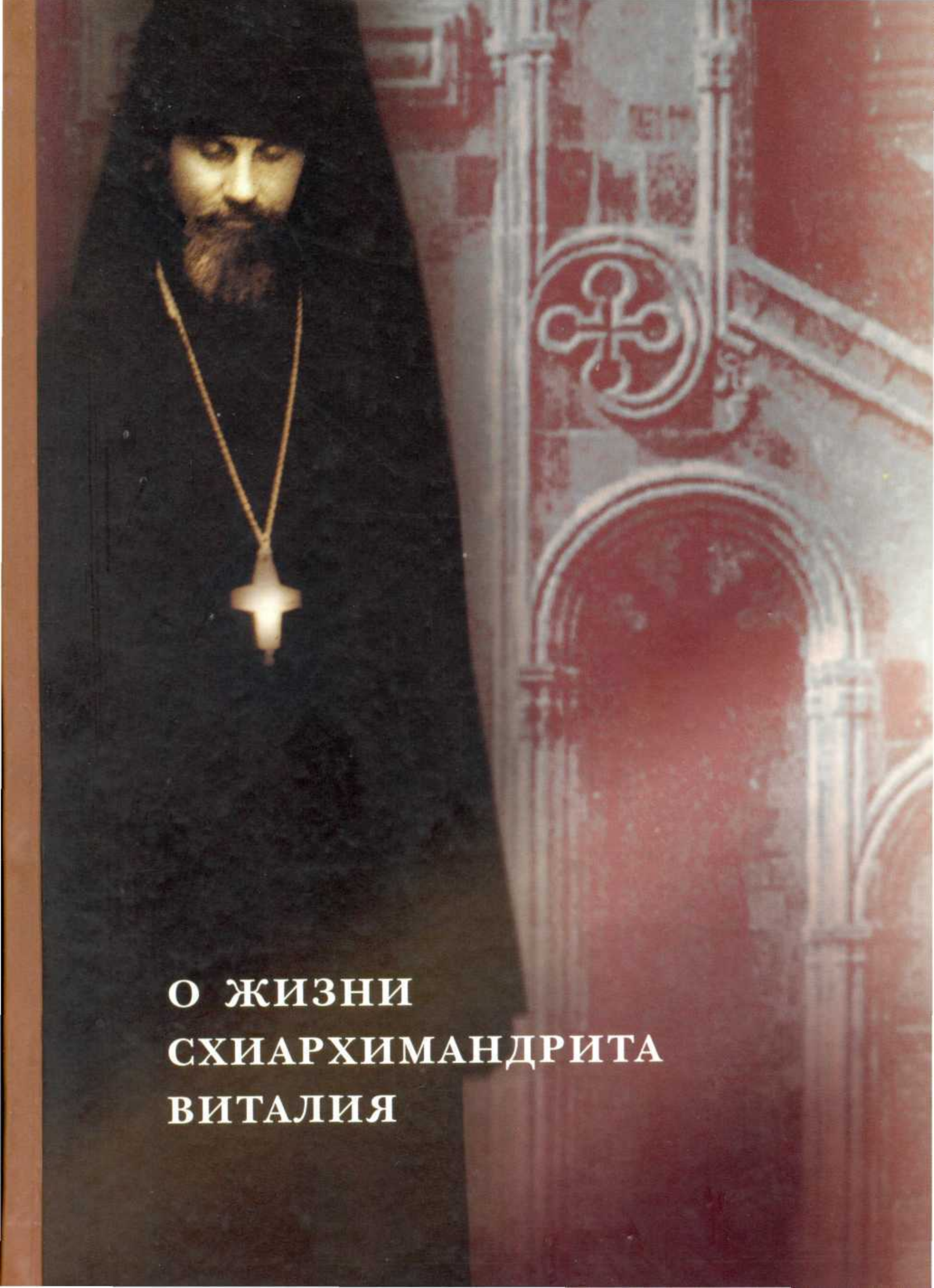

О ЖИЗНИ СХИАРХИМАНДРИТА ВИТАЛИЯ

О ЖИЗНИ СХИАРХИМАНДРИТА ВИТАЛИЯ

Воспоминания духовных чад
Письма
Поучения

МОСКВА 2006

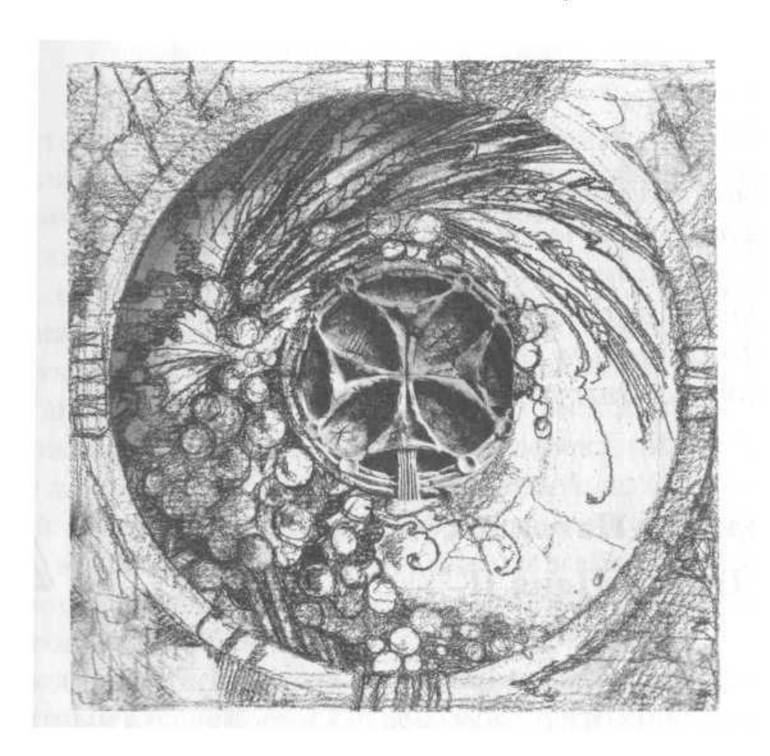
УДК 271.2-35-29
ББК 86.372
О-11

По благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

О жизни схиархимандрита Виталия.

Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения

ISBN 5-87389-022-6

სრულიად საქართველოს
კათოლიკოს-პატრიარქი

380005, თბილისი, მეფე ერეკლე II მოედ. №1
ტელ.: 99 03 78, 98 95 41 ფაქსი: 99532 98 71 14

Католикос-Патриарх
всея Грузии

Тбилиси 380005, Пл. Ц. Эрекле II №1
тел:990378,989541 факс:987114

Считаю, что книга о старце схиархимандрите Виталии, который долгие годы жил в Грузии, будет весьма полезной и поучительной не только для верующих, но и для духовенства. Схиархимандрит Виталий выделялся своей высокой духовностью, смирением и послушанием...

Католикос-Патриарх
всея Грузии Илия II

+ Илия II

Предисловие

Настоящее жизнеописание — первый опыт составления биографии удивительного подвижника — схиархимандрита Виталия, в миру Виталия Николаевича Сидоренко (1928–1992).

Воспитанный в традициях Глинской пустыни у великих старцев, он прошел путь и монастырского послушника, и странника-юродивого, и монаха-пустынника. Явившись, наконец, пастырем многих Христовых овец, как истинный христианин он сам исполнил Евангелие всей своей жизнью.

Читая эти страницы, мы увидим человека, никогда и ни в чем не дававшего себе поблажки, добровольно выбиравшего самый тяжелый жизненный крест: страдания, унижения, гонения, непосильные труды — и все это для того, чтобы смирить свое сердце, сделать его достойным принятия Божественной благодати и любви.

Пред нами тесный путь подвижника, кажущийся почти невероятным в наше время. Он доказывает, что христианство двадцать веков назад и сегодня остается тем же, ибо «Иисус Христос вчера, сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). И в какие бы времена ни жили люди, истинное благочестие не блекнет в темноте общего беззакония. И это мы видим на примере тех светильников земли Русской, которых еще посылает миру Господь для нашего спасения.

Отец Виталий родился в России XX века, в трагическое время гонений на Православную веру, подобное первым векам христианства. Но никогда и ни в чем он не отступил, не предал заложенного в нем с детства Божественного дара веры и любви. Он претерпел гонения и в мнимо благополучную эпоху «мирного сосуществования» Церкви и государства, застал он и явные грозные признаки последних времен. Свою жизнь и служение старец посвятил тому, чтобы не только взрастить и уберечь вверенное ему стадо Христовых овечек среди апокалиптических реалий нашего века, но и соделать их достойными вечной жизни со Христом в веке будущем, явив тем высокий образец благодатного старчества, столь редкого в наше скудное время. И самой большой наградой для него могли бы стать слова Спасителя: «Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб...» (Ин. 17,12).

Пусть же не смущает читателя обилие чудес, происходивших по молитвам отца Виталия – это естественное проявление святой жизни. Его духовные чада жили в лучах его святости, среди «моря чудес», а потому и рассказывают о них просто, как о реальных событиях.

Небольшой промежуток времени, отделяющий нас от дня кончины приснопамятного схиархимандрита Виталия, позволили нам собрать воспоминания непосредственных свидетелей его жизни, знавших старца на протяжении десятилетий. Некоторые из духовных чад были знакомы с его родными, которые рассказывали о детских годах маленького Виталия. И сам старец в последние годы любил вспоминать свое детство и рассказывал много назидательного из своей жизни. Эти воспоминания и рассказы и легли в основу настоящего жизнеописания.

Мы благодарны всем, кто с любовию откликнулся на нашу просьбу и принял посильное участие в этой работе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детство

В 1928 году, в селе Екатериновка Краснодарского края, в маленьком чистом домике с мазаным глиняным полом родился младенец, которого нарекли Виталием. По одним сведениям это произошло 5 мая*, в день памяти преподобного Виталия, монаха Александрийского. По другим — в день Святой Живоначальной Троицы, который праздновался в тот год 3 июня. Так или иначе, знаменательно, что младенец этот стал обителью Святого Духа от самого своего рождения.

В бедной крестьянской семье Николая и Александры Сидоренко это был второй ребенок после дочери Валентины. Когда мать носила его под сердцем, она молилась: «Господи, дай мне такое дитя, чтобы оно было угодно Тебе и людям». И увидела во сне два ярких солнца. Она удивилась: «Откуда два солнца?» Ей ответил голос: «Одно солнце в твоем чреве». Когда восьмидневного младенца крестили, он все время улыбался, а в купели встал на ножки.

На сороковой день, по благочестивому обычаю, Александра принесла своего сына в церковь, чтобы, как сказано

---

* Здесь и далее все даты, приходящиеся на период после календарной реформы 1918 года, даны по новому стилю.

в Евангелии на Сретение, «представить пред Господа» (Лк. 2, 22). Священник занес младенца в алтарь и, почувствовав особую благодать, исходившую от него, положил его у Престола Божия на горнем месте. Из алтаря он вынес младенца и вернул матери со словами: «Это дитя будет великим человеком». Дома мать неоднократно слышала чудное ангельское пение над колыбелью мальчика.

По многим признакам видно было, что этот необыкновенный ребенок родился в святости и избран Богом еще от чрева матери. За это и восстал на него враг рода человеческого с самого раннего детства, действуя через самых близких людей. Родные отца – сестры и бабушка – ненавидели ребенка и желали его смерти. Они не отпускали мать с поля покормить младенца; в течение целого дня мальчик мог пролежать голодным, мокрым. При этом он никогда не плакал, вызывая пущую злобу свекрови и невесток – они затыкали ему рот соломой, бросали о землю со словами: «Негодяй, ты еще и молчишь». В отсутствии мужа они обижали Александру, так что ей приходилось даже уходить к своим родителям. Когда муж возвращался, он забирал жену и очень жалел ее.

О своих родителях отец Виталий вспоминал всегда с большой любовью и нежностью. Отец его погиб на фронте в Великую Отечественную войну. «Если бы он не погиб, – говорил отец Виталий, – он был бы великим человеком*. Он был очень добрым, умным, трудолюбивым, много помогал бедным и сиротам».

Мать свою отец Виталий всегда жалел за ее тяжелую жизнь, и, хотя она часто била его в детстве, никогда не обижался на нее, считая это необходимой жизненной закалкой.

---

* Слово «великий» здесь следует понимать в духовном смысле. Мать Виталия впоследствии говорила, что будь его отец жив, то подвизался бы вместе с сыном в горах Кавказа.

Спустя много лет в письме он скажет: «Меня мама порола до крови – вот и помогла»*.

В пятилетнем возрасте Виталий начал поститься: мяса не вкушал совсем, а в среду и пятницу отказывался от молочной пищи. И в дальнейшем проявлял он относительно поста большую ревность. Были случаи, когда в те скудные и голодные годы он в столь юном возрасте отказывался есть постный картофельный суп лишь из-за того, что его помешали «скоромной ложкой», то есть ложкой, которой касались и скоромной пищи. При этом Виталий рос здоровым и резвым ребенком.

Когда ему исполнилось восемь лет, он пошел в школу, как и все его сверстники. Учеба давалась ему легко. И хотя дома уроков он почти никогда не учил, успеваемость имел весьма хорошую, и учителя этому удивлялись. Как только он освоил грамоту и стал хорошо читать, его любимым чтением стало Евангелие. Божественное слово оказало на его чистую душу столь сильное воздействие, что он просто не мог не поделиться этим знанием с другими. Он постоянно носил Евангелие с собой и читал его всем – ребятам в школе, деревенским старушкам, приходя на их посиделки. Домой возвращался поздно, и мать наказывала его за эти «проповеди», – ведь в то безбожное время всякая «пропаганда религии» была далеко небезопасна и преследовалась. Мать пыталась прятать от него Евангелие, но где бы она его ни спрятала, Виталий все равно находил. Вообще, в домашних делах и трудах он был послушным ребенком, но в отношении прекращения «проповедей» – никак.

Позже Виталий стал просить людей давать ему читать «Жития Святых», а также другие духовные книги. Днем читать было некогда – читал по ночам, и мать стала его ругать,

---

* Когда в преклонном возрасте мать смертельно заболела, отец Виталий постриг ее в монашество, а затем и в схиму с именем Андроника.

что много фитилей и керосина сжигает. Тогда он стал украдкой читать на чердаке.

В те юные годы он уже начал свой молитвенный подвиг. У него были свои уединенные места, где он любил молиться. Летом это было кукурузное поле или заросли камыша на реке, где заедали комары, а то спрячется в лодке и забудет, что надо идти домой, и матери приходилось его искать. Когда ему было лет 8–10, он вырыл в огороде яму и подолгу молился там. По солнцу он знал время, когда отец должен вернуться с поля, и к этому часу закидывал яму сеном, чтобы тот не ругал его.

Испытав действие и силу молитвы, Виталий старался избегать всего, что мешало ей постоянно пребывать в его сердце. Как-то Виталий зашел в клуб – молитва прекратилась – значит, в клуб ходить не надо. Купила ему мать новую кепку, он надел ее залихватски, как носили сверстники – и молитва остановилась. Натянул кепку на уши, не думая о том, как выглядит со стороны – молитва «пошла». Значит, красоваться одеждой не следует. Так с детства он искал лишь того, что приближало его к Богу.

Виталий всегда тянулся душой к верующим людям, туда, где можно было услышать о Боге. Особенно же любил он церковные Богослужения и не пропускал ни одной службы в сельском храме. Впоследствии отец Виталий так вспоминал об этом времени в письме к духовной дочери: «В юности работал в колхозе, но не давали мне зарплаты. Мать выпорет до крови, поплачу, раны заживут – и слава Богу. А не давали за то, что ежели среди седмицы праздник, то я бросал работу – и в Божий храм. Вот и не давали». Бригадир не без злорадства говорил ему: «Твою зарплату галки съели» – поскольку вместо трудодней ему в табеле частенько проставляли пустые «галочки».

Еще Батюшка рассказывал, как он работал в колхозе и возил зерно от комбайна на ток, но едва заслышав церковный звон, выпрягал лошадей и бежал в храм. Однажды кто-то перевернул фурманку – и зерно рассыпалось, когда же он

вернулся после службы, то зерно чудесным образом оказалось на месте собранным, будто его никто и не трогал.

В колхозе Виталий начал работать с девяти лет. И хотя он любил трудиться и все у него в руках спорилось, кормильцем семьи, к великому огорчению матери, он так и не стал. Мало того, что за трудодни ему не платили, он еще и не всякий заработок принимал. Вот один пример. Чтобы как-то прокормить семью, бабушка стала выращивать на продажу табак. Почитая курение за грех, Виталий, вместо того, чтобы табак сушить, поливал его водой — табак так и сгнил. За это мать секла его до крови, а один раз чуть было не убила, но Господь не допустил: чья-то рука в поруче перехватила ее руку и погрозила.

Односельчане любили Виталия. С детства он отличался рассудительностью, особой отзывчивостью и всем всегда стремился помогать, чем мог, причем самое трудное брал на себя. Стали замечать за ним и некоторые необыкновенные свойства. Однажды, в Великую Пятницу, собрались колхозники засеять поле. Виталий стал их останавливать: «Сегодня нельзя работать — у вас все поломается». И действительно, только один раз объехали поле, как сеялка и бороны вышли из строя. «Что за хлопец такой?» — удивлялись люди.

Когда Виталию было 9 лет, послали его пасти колхозное стадо. Он выгнал скотину на пастбище, а сам стал читать Евангелие и не заметил того, что коровы забрели в пшеницу, объелись жита и слегли. Тут появился бригадир и поднял крик: «Скотина погибает, на ноги не встает!» Тогда Виталий стал подходить к каждой корове — обойдет вокруг, перекрестит, и коровка поднимется. Так он поднял все стадо и погнал в село.

Как-то раз в селе Екатериновка произошел случай, о котором рассказывали многие. Тракторист решил напрямки проехать через заброшенную усадьбу и, не заметив в высокой траве колодца, угодил прямо в него. Крепко увязла машина — ни вперед, ни назад двинуться не может. Мужик хо-

дит вокруг, ругается. Послали было за краном, но верующие женщины посоветовали позвать Витальку. Все недоумевали, чем здесь поможет хрупкий мальчуган. Виталий же, помахивая кнутиком, трижды обошел вокруг трактора, перекрестил и улыбаясь говорит трактористу: «Тяни, сейчас вылезет!» А тот ему: «Отстань, не до тебя!» Наконец нехотя, с ворчанием уступил уговорам и пошел к машине. Завел, чуть тронул, – и трактор легко, как по маслу вышел из ямы...

Разговаривая как-то с одной женщиной-баптисткой, которая не признавала икон и называла их обыкновенными досками, Виталий уверял, что Господь может явить Свою любовь и к ней, заблуждающейся, если она будет иметь веру. Тогда она сказала, что уверует, только если увидит чудо. Виталий стал молиться вместе с ней пред образом Божией Матери – и икона вдруг засияла необыкновенным светом. Так по его детским молитвам баптистка уверовала в истину Православия.

Среди учеников и учителей своей школы Виталий без боязни продолжал свидетельствовать о Боге, искренне желая, чтобы все были просвещены светом Христовой веры. Молчать или тем более лукавить, скрывая свои убеждения, он не мог. В 7-м классе, когда его вызвали читать стихотворение Некрасова «Железная дорога», он прочитал так: «В мире есть царь, этот царь безпощаден – Сталин». Терпение учителей лопнуло. Зная, что никакие наказания на него не подействуют, они побоялись держать такого ученика в школе. Помимо презрительного ярлыка – «верующий», на него повесили еще один – «политический», и выгнали из школы.

Так для Виталия Сидоренко закончилось детство. Начинался новый этап его жизни, полный трудностей и лишений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Путь в Глинскую. У старцев на послушании

Уже в юные годы Виталий иногда исчезал из дома. Как услышит, что кто-то собирается ехать на престольный праздник – и он с ними. Женщины его спросят: «А мама знает?» Он только отмахнется: «Да знает». Первый раз он ушел на престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы в окрестное селение. Мать его за это сильно била, но наказания не убавили его ревности к Дому Божию.

С 14 лет он взял на себя подвиг странничества. Часто ночлегом ему служили: стог сена в поле, заброшенный сарай, тамбур вагона. Уже тогда, в те сталинские годы, он испытал на себе, что значит встреча с блюстителями порядка. Его положение странника сильно осложнялось тем, что Виталий сознательно отказался иметь какие-либо документы, в 16 лет порвав свой паспорт. Он желал быть воином Царя Небесного, желал стать гражданином Неба, потому о земном гражданстве не хотел иметь попечения. Это действие – уничтожение паспорта – означало сознательное принятие скорбей, ибо он получил взамен «паспорт испытаний». Так поступали Христа ради юродивые, раздражавшие людей своим видом и поведением. Они постоянно несли скорби, но

тем самым сохраняли драгоценнейший дар смирения, при котором действовали дарования Святого Духа – любовь, молитва, дар прозрения. Подобный жизненный путь избрал себе от юности и отец Виталия.

В 16 лет он подвизался в Таганроге, где в то время жил слепой старец отец Алексий, пострадавший от немцев во время войны. Не видя очами телесными, он получил от Бога дар видения духовного, и многое для него было открыто. Виталию он сказал: «Выбирай – или служить в армии, но потом уже таким не будешь, или странничать». Виталий свой выбор уже сделал. Предвидя будущее юноши, отец Алексий скрыл Виталия от матери, когда та приезжала в Таганрог разыскивать сына. Он благословил Виталия на монашеский подвиг и впоследствии говорил: «Я щенок против отца Виталия».

В 1948 году Виталий, желая послужить Господу в монастыре, поехал в Свято-Троице-Сергиеву Лавру, только что открывшуюся после войны. Там он трудился на восстановлении лаврских стен. Но его желание остаться в обители преподобного Сергия не исполнилось. По существующим законам он не мог быть принят в число насельников без документов, а тут еще по вражескому наущению один из братии оклеветал его в воровстве. Опытные лаврские монахи посоветовали ему поехать в Глинскую пустынь, известную своими старцами.

Этот монастырь, расположенный в глухих лесах Курской епархии, был основан в начале XVI века на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы*.

На протяжении веков эта обитель славилась высоким духовным настроем глинских монахов, чему в большой степени способствовал строгий афонский устав и процветав-

---

* Об истории этой обители см.: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. М., 1994.

шее здесь старчество. Уставная жизнь обители была насильственно прервана в 1922 году и возобновлена лишь во время войны, в 1942-м. За 20 лет монастырь был почти полностью разрушен и разграблен. Большинство из братии Глинской пустыни в 1930–40-е годы перебывало в ссылках и лагерях, но как только стало известно об открытии монастыря, те, кто был на свободе, стали возвращаться в родную обитель.

Первые годы были особенно трудными. Монастырь держался лишь благодаря добровольным пожертвованиям прихожан. Поступающие в монастырь также приносили у кого что было: хлеб, продукты. Так привели три коровы, одну лошадь. В монастыре не хватало одежды, обуви, – ходили в лаптях. По нескольку дней на трапезе вместо хлеба братия получала лишь вареную свеклу, а то и совсем голодала. Не было муки для просфор, вина для совершения Божественной Литургии. Но иноки того времени безропотно терпели эти лишения и благодарили Бога и Пречистую Его Матерь уже за саму возможность жить в святой обители.

Такой застал Глинскую пустынь молодой послушник Виталий Сидоренко в 1948 году. Но при всей внешней убогости и бедности этого монастыря в нем сохранилось его главное богатство, которым он был знаменит, – старческое любовное попечение о душах. В эти годы духовной жизнью обители руководили три замечательных старца, продолжатели традиций глинских подвижников. Это настоятель монастыря схиархимандрит Серафим (Амелин, 1874–1958), схиигумен Андроник (Лукаш, 1889–1974) и иеросхимонах Серафим (Романцов, 1885–1976)*.

Под руководством этих мудрых наставников стал проходить юный послушник Виталий науку постижения монашеской жизни. Его духовным отцом стал (и оставался до кон-

---

* О глинских старцах см.: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. М., 1997.

ца своей жизни) отец Серафим Романцов. Он был братским духовником, строгим и требовательным. В монастыре его называли «отец Серафим-столпник», так как он жил на втором этаже единственной уцелевшей башни. Все глинские старцы обладали благодатными духовными дарами.

Первый и главный урок, который получил Виталий в Глинской пустыни — это всецелое послушание старцам до полного отсечения собственной воли. Отец Серафим в письме к своим духовным чадам привел один поучительный рассказ о великом значении послушания: «Один прозорливец видел в видении пустынника-странноприимца и послушника. У послушника на шее была золотая гривна, или цепь. Прозорливец спросил: «Почему послушнику такая честь?» Ему в ответ было сказано: «Пустынник, хотя и много трудился, но по своей воле и по своему желанию, а послушник жил в отсечении своей воли и своих желаний».

Видимо, к этому времени относится и запись брата Виталия в своем помяннике: «Подобает монаху, тем более мне, послушнику, терпеть с крайним смирением и крайним послушанием до самой смерти старца своего. Кроме только двух зол — ереси в вере и плотской любви — спасение послушника не есть иное, как только послушание. Или же он слушаться не будет, то да не ждет себе спасение, но ожидает муку».

О том, как непросто бывает слушаться старцев, говорит один эпизод, происшедший с братом Виталием. Отец Серафим велел ему переложить поленицу дров. Виталий переложил. Следом шел отец Андроник и велел переложить обратно. Послушник переложил второй раз. Возвращается отец Серафим: «Почему не сделал?» Виталий побежал за отцом Андроником, и ему досталось от обоих.

Он часто брал вину на себя для того, чтобы сгладить конфликтные ситуации и сохранить мир между людьми. Опыт монастырской жизни постепенно приводил к понима-

нию того, о чем говорил иеродиакон Ефрем*: «весь секрет спасения — в смирении».

Но понимание это не давалось без внутренней борьбы. «В чем преуспевание духовное? — поучал отец Андроник. — В смирении. Насколько кто смирился, настолько преуспел».

В пустыни не было разделения на важную и неважную работу, почетную и низкую. Так, например, перебирать картофель шли и новоначальный послушник, и схиигумен. Брат Виталий проходил в монастыре самые разные послушания. Был сторожем, работал в трапезной. Вместе с послушником Петром** молол мелкую картошку для пекарни. Там в нее добавляли толченое просо, немного муки и пекли хлеб. Он получался ломкий, как глина, а если засохнет — хоть топором руби. Но тогда и этот хлеб казался очень вкусным. Во время этой работы брат Виталий особенно любил петь 33-й псалом, который знал наизусть и исполнял на лаврский распев. Празднословия он избегал.

Одно время брат Виталий нес послушание за свечным ящиком. После службы он считал выручку и возвращался поздно. Чтобы не будить братию, он ложился спать у дверей братского корпуса прямо на улице.

---

* Иеродиакон Ефрем, подвизавшийся в Глинской пустыни, нес подвиг юродства. Многие еще при жизни почитали его как подвижника святой жизни, получившего от Бога благодатные дары прозорливости и слезной молитвы. Одновременно с братом Виталием он нес послушание ночного сторожа. После закрытия монастыря был насильно заключен в психиатрическую больницу, находившуюся на территории Вышенской пустыни под Рязанью. Там он продолжал юродствовать и принимать людей, во множестве приезжавших к нему по духовным нуждам. По всей видимости в Вышинской пустыни и закончил он свой жизненный путь и был погребен чадами где-то в Рязанской области. Отца Виталия с отцом Ефремом связывала духовная близость, схожесть их подвигов. Батюшка всегда с большой любовью рассказывал о нем, как о старце высокой духовной жизни.

** Ныне схиархимандрит Гурий (Мищенко).

Любое порученное ему послушание Виталий выполнял ревностно, памятуя слова преподобного Серафима Саровского о том, что «послушание превыше всего, превыше поста и молитвы, и не только не отказываться, но бежать на него надо!»*

При этом он навыкал всякое дело совершать с молитвой, с памятью о Боге. Позднее в письме к своим духовным чадам он напишет: «В монастыре одни – повара, другие косари, третьи пастухи, четвертые огородники, пятые сторожа, шестые певчие, седьмые писари – и все получают спасение. Делайте – и Иисусову молитву творите; и будет двойное дело: и молитва, и труд – и тако всегда с Господем будете».

Это желание пребывать с Господом всегда, ежечасно, побуждало его на особые подвиги. Стремясь к уединенной молитве, однажды зимой он пошел на речку, встал на колени и стал молиться. При сильном морозе ноги его примерзли ко льду. В это время отцу Андронику было откровение. Он увидел Матерь Божию, которая произнесла: «Спасай чадо мое!» Стали искать брата Виталия, побежали на реку и увидели, что он не может встать. Пришлось вырубать лед**.

Уже тогда, в монастыре, Виталий выбрал путь смирения, часто граничащий с юродством. Например, всячески уничижая себя, он часто воздерживался от общей монастырской трапезы и ел отбросы. Прежде чем они шли бычкам, он их перебирал и употреблял в пищу. Старцы ругали Виталия за это, говорили, чтобы он, хоть ограниченно, но кушал со всеми. Его поступки не всегда были понятны, а иногда вызывали порицание, но искреннее его смирение и полная незлобивость не позволяли долго сердиться на него.

Как-то раз, во время отсутствия отца Серафима, брат Виталий, на которого тот оставил свою келию, стал раздавать

---

* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. Ч. II. С. 455.

** Записано в Тбилиси со слов схимонахини Елизаветы (Орловой), которой этот случай рассказал сам отец Виталий.

из нее богомольцам вещи, посуду, деньги на дорогу; монахиням из Золотоноши, которым помогал тогда монастырь, он отдал одеяла. Вернувшись и узнав о случившемся, отец Серафим был грозен*. Вещи пришлось вернуть. Но через два года, когда закрывали обитель, отец Серафим сам все раздал нуждающимся.

В 1958 году 18 октября дня обитель постигло большое горе – скончался любимый всеми настоятель, схиархимандрит Серафим (Амелин), благодатно руководивший обителью в течение пятнадцати трудных лет. С его смертью связан такой эпизод. Когда гроб с телом отца Серафима был поставлен на ночь в храм и братия разошлась на время отдохнуть, Виталий открыл свечной ящик, достал оттуда все свечи и пучками поставил их у каждого образа. Необычайно яркий свет в храме заметили отец Андроник и отец Серафим. Думая, что в церкви пожар, они побежали в храм и увидели там брата Виталия, читающего Евангелие. Отец Серафим рассердился: «Кто тебя благословил столько свечей зажечь?!» Виталий отвечает: «Отец Серафим». – «Я?!» – «Благословил Святой отец Серафим Амелин» –спокойно произнес послушник. Старцы ушли, оставив его до утра**.

Господь вознаградил его усердное служение братии. Когда Виталий трудился в трапезной, он часто мысленно говорил: «Приимите, убогое служение мое» – и кланялся братии. А через некоторое время зажглась вдруг в его сердце непрестанная Иисусова молитва. Так за смирение и любовь он получил благодать самодвижной молитвы, которую многие ищут годами подвигов***.

---

* Этот эпизод вспоминает и О. Н. Вышеславцева, присутствовавшая при разговоре отца Серафима с братом Виталием, из которого она получила «урок послушания, незлобия, благодушия и смирения». // Глинская мозаика. М., 1977. С. 140.

** Записано со слов монахини Андроники (Пискуревой).

*** Этот рассказ отца Виталия записал пустынник монах Константин, когда Батюшка по смирению говорил якобы об одном глинском послушнике.

Было что-то и в облике этого худенького юноши, одетого в порыжевший от ветхости подрясник, что поражало тех, кто его встречал, и надолго врезалось в сердечную память. Это была светящаяся в движениях, взгляде, тихом слове любовь.

Инокиня Евфимия:

«Кажется, это было в 1952 году. Я приехала со своими подружками помолиться в Глинскую пустынь. После службы пошла я в трапезную взять обед, а там в дверях ставили скамейку, чтобы паломники не заходили на кухню, но я не знала этого, переступила через скамейку и подошла к послушнику, прося обеда. Он был еще весьма молоденький и, как мне показалось, похож на Архангела Гавриила. Волосы у него были свободные, длинноватые, и, чтобы не падали на глаза, перевязаны тесемкой. Он удивленно посмотрел на меня, но сказал без упрека, ласково: "Сюда не заходите, стойте там, около двери". Потом принес обед.

Пробыв там около недели, мы уже собирались уезжать из пустыни, и вот пришлось мне увидеть следующее. Там какое-то время как странница жила одна женщина. Но она была буйная и не только сильно кричала, нарушая благочиние, но даже некоторых избивала кулаками. Отцы позаботились приготовить телегу, чтобы отправить ее куда-то в город, кажется в больницу. Она вырвалась и хотела убежать, но ее с большим трудом уложили и привязали к телеге веревками: "Перемолилась, видно, своевольница..." Мне было жаль беднягу, которая, будучи привязана, смирилась и замолчала.

Вдруг к телеге подходит брат Виталий. Мне показалось, что он подходил к этой женщине как к родной матери. Подошел, молча протянул руку и погладил по лицу эту измученную бесом бедную женщину. Она, по-видимому, сразу почувствовала это молчаливое сострадание и лицо ее сразу изменилось. Мне хотелось плакать. Что было дальше – я не знаю, так как за мной пришли подруги и увели готовиться к отъезду».

В те трудные годы люди, как овцы, не имущие пастыря, тянулись к монашеству, ища в духовном совете опору в своей безпокойной жизни. Брат Виталий по любви к ближнему не отказывал в беседе, если к нему обращались со своими вопросами, сомнениями, делились бедами. Вокруг него часто собирался народ.

Власти, проводившие антицерковную политику, особенно следили за теми священниками и монахами, к которым тянулся народ за словом утешения и духовной поддержкой. Брат Виталий, не имевший даже прописки и живший в монастыре нелегально, был объектом особого интереса со стороны местных властей, за ним охотились. При каждом визите блюстителей «порядка» Виталий должен был незамедлительно куда-нибудь скрыться. Однажды милиция нагрянула неожиданно, но настоятель обители отец Серафим успел спрятать брата Виталия, дав расписку в том, что того нет в монастыре.

Старцы сочувствовали его трудностям и очень жалели. По благословению отца настоятеля Виталий некоторое время жил у его духовных чад на ближайшей станции Локоть или в городе Глухове в благочестивой семье Пискуревых, известной своим страннолюбием. Переждав таким образом опасность, он снова уходил в монастырь.

Монахини Андроника и Виталия*:

«Отца Виталия мы впервые увидели в 1948 году. Это было холодной осенью. Нашу калитку открыл юноша в потертой шапке-ушанке, рваном сюртучке и спросил Ивана Кирилловича. Во дворе была старшая сестра Мария, она побежала в амбар и позвала отца. Вышел папа и ...остолбенел. Он нам

---

* В миру Матрона и Валентина Пискуревы. Их отец Иван Кириллович Пискурев, духовный сын схиархимандрита Серафима (Амелина), был глубоко религиозным человеком. В 1930-е годы его репрессировали за то, что он принимал у себя монахов и странников. Ссылку отбывал с будущим владыкой Зиновием (Мажугой), который был также родом из Глухова. Вернувшись, продолжал вместе с женой Анастасией принимать

потом говорил: "Сколько прожил, а лица такого ангельского не видел. Это будущий столп России". Брат Виталий упал папе в ноги, отец завел его в хату.

Родители полюбили Виталия как сына, а мы как брата. Мы, дети, спали на печке, а брат Виталий "облюбовал" себе место под полком – там, где зимой хранились овощи. А с ранней весны до заговен на Филиппов пост он спал в соломе на чердаке сарая. Сколько он спал – знает только один Господь. Ночами он молился, а днем работал с отцом в кожевенной мастерской – кожи крутил. Это был очень тяжелый физический труд. Когда брат Виталий выделывал кожу, она получалась особенно мягкая. Из нее потом выходили прекрасные сапоги для глинской братии. Наш отец удивлялся, а Виталий, улыбаясь, говорил: "Так ведь с Иисусовой молитвой, отче".

Ел всегда только после нас, и только то, что останется на столе. От рыбы всегда отказывался, а картофельные очистки ел – чтобы мы не выбрасывали.

В селе Локоть он жил у матушки Фени [впоследствии монахини Харитины]. Она спросит: "Куда наливать суп?" Брат Виталий покажет на собачью миску: "Вот сюда!" Матушка нальет, и он съест. Ей он запретил есть сало. А Фене однажды очень захотелось сала, она тайком вышла на улицу, надкусила и тут же подавилась. А когда вернулась, брат Виталий спрашивает: "Подавилась? Не ешь больше".

у себя паломников Глинской пустыни, помогать братии монастыря. В 1978 году, когда в преклонном возрасте его парализовало, отец Виталий приехал из Тбилиси, чтобы по благословению владыки Зиновия совершить его постриг. Считая себя недостойным, Иван Кириллович согласился не сразу. Отец Виталий постриг его с именем Андроник и предсказал, что он поправится и будет ходить. Так и произошло. Иван Кириллович прожил в монашестве еще семь лет. Перед его смертью отец Виталий прислал Пискуревым посылку, в которой был один спелый грецкий орех и все нужное для погребения, тем самым предсказав кончину праведника. Матроне и Валентине Пискуревым отец Виталий предсказал монашество, когда они были еще девочками. Предсказание это сбылось спустя сорок с лишним лет, в 1995 году.

Годы были тяжелые. Папу преследовали за то, что он занимался кустарным ремеслом. Но пока брат Виталий жил у нас, к нам ни разу не пришли блюстители тогдашней власти. Но у самого брата Виталия были неприятные встречи с милицией. Его обвиняли в бродяжничестве.

Как-то раз он возвращался из села Локоть через лес, и вдруг навстречу конный милиционер: "Стой! Давай документы!" Виталий снял с плеч котомочку и стал в ней рыться, а в это время конь вдруг вырвался и поскакал галопом, милиционер за ним. А Виталий тем временем зарылся в снежный сугроб и до утра там просидел».

В конце 1950-х годов контроль со стороны властей ужесточился. В Глинскую пустынь стали все чаще наведываться проверяющие. Братии было запрещено кормить паломников и оставлять их на ночлег. У всех было предчувствие, что обители осталось существовать недолго. Брату Виталию стало опасно находиться в монастыре, и он уезжает в Таганрог.

Глинская пустынь вторично была закрыта в 1961 году.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Таганрог. Период странничества

Этот город был знаком ему еще с юности. В 16-летнем возрасте он впервые прибыл сюда и с тех пор неоднократно находил прибежище в Таганроге, будучи уже глинским послушником. Здесь он особенно любил посещать городское кладбище, где покоился блаженный старец Павел (Стожков), почитание которого в народе началось еще при его жизни*.

Целые дни и ночи проводил Виталий на могиле этого подвижника, молился и у могил других неведомых миру праведников, но особенное духовное родство соединяло его именно с этим блаженным старцем. Юный Виталий мог повторить слова старца Павла: «Все мое желание от юности было — молиться Богу, а намерение — идти по святым местам».

Павел Стожков после смерти отца раздал все свое немалое наследство бедным, покинул родной дом и отправился в заветное странствование по святым местам. Блаженный старец всегда брал с собой в паломничество спутников, обыч-

---

* Старец Павел почил о Господе в 1879 году, а в июне 1999 года состоялось его прославление в лике Святых. Сведения о нем см.: «Жизнь и подвиги в Бозе почившаго прозорливаго старца Павла Таганрогского... // Собрал и изложил свящ. Иоанн Алексеев. М., 1911.

но простых женщин, которые приходили к нему за наставлением. Он видел огромную духовную пользу таких странствий в том, чтобы не только поклониться святыням, но и понести труд, пост, различные лишения на этом пути. Молитва паломников, как указывал старец, имеет особое, спасительное значение.

В своей убогой келье он принимал всех, кто нуждался в духовном совете. Некоторых оставлял пожить у себя, уделяя особое внимание воспитанию в своих чадах послушания, трудолюбия и усердия к молитве. Он был для таганрогской паствы любвеобильным отцом и опытным духовным кормчим. В тяжелые безбожные годы XX века Господь послал Таганрогу достойного преемника этого блаженного старца. Как не может светильник находиться под спудом, а тайное надолго быть сокрытым, так смиренный и убогий с виду монастырский послушник Виталий не утаился от таганрогских жителей. К нему потянулось множество людей, изголодавшихся по духовной пище.

Раба Божия N. (г. Таганрог):

«Узнали мы его в 1954 году, несомненно по Промыслу милосердного Господа, пославшего к нам, не знавшим истинного пути ко спасению, такого дивного пастыря. Напишу, как моя убогость его узнала. Я тогда прочитала небольшую книжицу об отце Иоанне Затворнике Белгородском. Никогда не слыхав и не зная совершенно ничего о монашестве, я подумала: "А есть ли еще такие люди на земле?" Вскоре после этого я встречаю знакомую, которая ездила на Богомолье по святым местам. Она и говорит: "Была я в Киеве, Почаеве, видела и монахов, и подвижников, и старцев, но такого, как сейчас появился в нашей церкви, не видала. Какой-то он особенный, становится в укромное местечко в храме, чтобы его меньше видели, и благоговейно молится с земными поклонами".

Я попросила ее узнать, не придет ли он к нам в дом. Она передала ему просьбу, и он обещал прийти. Все это время у меня в ушах звучало Евангельское чтение, которое я слышала в церк-

ви: "Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозем, Мария же благую часть избра" (Лк. 10, 41–42). Но смысла этих слов я тогда не понимала. Пришел этот дивный монах и, дойдя до порога нашего дома, стал говорить эти же Евангельские слова, которые были у меня в ушах целую неделю, и добавил: "Выбирай Мариину часть". Это совпадение его слов с моим внутренним голосом меня так поразило, что я долго не могла прийти в себя. Войдя в дом, он пропел "Богородице Дево, радуйся", потом "Достойно есть". Помолившись, сел на пол. Я в изумлении, не зная как мне поступить, встала перед ним на колени. Мне казалось, что предо мной не человек, а Ангел. Ему было все открыто: и моя скорбь, и мое душевное состояние, хотя я не сразу это поняла и пыталась объяснить ему свое состояние по своему разумению. После его посещения нашего дома я была в такой радости, что была готова всем повторять, какого Ангела нам послал милосердный Господь. Спустя некоторое время при встрече брат Виталий вдруг сказал мне: "Сестра, не хвали меня", – хотя при нем я никогда ничего такого не говорила.

Шли за ним в те времена из храма, как за Господом: и молодые, и старые, и мужеский пол, и женский. Где в каком доме собирались – там была вечеря любви, смотри да слушай: дивно напитает душу».

Останавливаться брату Виталию приходилось в самых разных домах — куда приглашали. И везде собирались люди. Обычно ночь проходила в молитве: спать ложились часа в три. А утром, кто работал, уходили на службу, оставшиеся же дома выполняли разные послушания. Без дела никто не сидел, даже во время отдыха сестры занимались плетением четок. Когда все собирались на трапезу, читали вслух жития Святых, как это принято в монастырях.

Видя подвижническую жизнь брата Виталия, вокруг него стали собираться его будущие чада. Особенно сплотили паству совместные паломничества ко святым местам. Как

когда-то таганрогский старец Павел, брат Виталий исходил многие версты российских дорог, чтобы поклониться святыням, потрудиться во славу Божию для украшения православных храмов.

В этих паломничествах его сопровождали в большинстве своем простые верующие женщины, сестры во Христе, о которых отец Виталий говорил, что их даровала ему Сама Матерь Божия.

Мария Дьяченко*:

*«Странствуя с ним, мы не имели ни денег, ни двух одежд. Бывало, ночевали в поле, утром молились, клали поклоны и дальше шли. Идя как-то по дороге за отцом Виталием, я подумала, зачем он носит такую тяжесть на себе**, и как мне помочь ему понести этот груз. И так стало больно на душе. Тут он остановился и тихо мне сказал: "Сестра, придет время – все тебе отдам". Я тогда обрадовалась, потому что не понимала, о какой тяжести он говорит***.*

Помню, в день праздника Преображения Господня, после Литургии в храме села Обуховка возвращались мы в Таганрог на пароходе. Отец Виталий, стоя на корме и задавая нам тон, стал петь церковные песнопения. Мы испугались: "Отец Виталий, нас арестуют!" А он на это отвечает: "Ничего, они нас не увидят". Видно, наше пение далеко разносилось по воде, потому что люди на берегу останавливались, крестились и кланялись до земли.

В городе Снежном Донецкой области был такой случай: шли мы из храма, было холодно, моросил осенний дождь. Я немно-

---

* Она же – мать Мария, впоследствии схиигумения Серафима – келейница отца Виталия.

** Близкие духовные чада отца Виталия свидетельствуют, что он с семнадцати лет носил железные вериги.

*** После смерти отца Виталия к схиигумении Серафиме стали обращаться за советом люди, знавшие старца. Для многих из них она стала духовной матерью.

го отстала, а отец Виталий подошел ко мне и сказал: "Смотри сестра – идут схимницы, монахини-черноризницы и одна пустынница". И Господь, ведая судьбы каждой души, так и устроил в свое время – они стали монахинями и схимницами, детьми отца Виталия в постриге».

Во время этих странствий паломники видели немало назидательного и чудесного, что укрепляло их веру. В конце 1950-х годов брат Виталий с сестрами ездили в село Петровка под Ростовом-на-Дону. Там находился живоносный источник Божией Матери – «криничка», воды которого были издавна известны своими целебными свойствами, но к тому времени источник был уже заброшенный и замусоренный. Попросили разрешения у местного начальства расчистить криничку, отслужили молебен и приступили к работе: приходилось выгребать большие камни, сучья, доски, для чего брата Виталия спускали на канате в самую глубину колодца.

И вот, наконец, заблестела вода. Оказалось, что по подземному руслу святой источник брал начало под алтарем расположенного неподалеку храма. После расчистки источник оградили срубом, вокруг посадили цветы – место стало неузнаваемо. Но наутро случилось непредвиденное – криничка высохла. Все решили, что это произошло из-за того, что многие потщеславились, погордились понесенными трудами. И лишь после сугубой молитвы брата Виталия вода пошла снова.

Анна П.:

«Вода в криничке была необыкновенная, целебная. Каждый день мы ее пили и выливали на себя по 2–3 ведра – все почувствовали себя крепкими, здоровыми. Болящие же духовно, испытывая на себе действие этой воды, кричали на весь лес.

Всем нам отец Виталий дал разные послушания: кто Псалтирь читал в храме, кто криничку благоустраивал, кто сушняк собирал, кто пищу готовил».

Схиигумения Серафима:

«Как-то раз кончились у нас продукты, а отец Виталий мне говорит: "Испеки пышки, да навари борща побольше. Народу будет много". А я подумала: "Из чего же я буду варить?" А утром приходит к нам совершенно незнакомый юноша и говорит: "Мама прислала вам свеклу и капусту на борщ". Из старой лапши испекла я лепешки, они получились такие пышные, вкусные. Вдруг к вечеру приехала машина с людьми из Таганрога и Ростова – и всех накормили».

Особую благодатную силу этих мест по молитвам брата Виталия чувствовали духовно больные, одержимые нечистым духом.

Лидия:

«С нами были две болящих: у девушки Вали так тряслись руки, что за трапезой приходилось ее кормить, а женщина по имени Анна часто кричала. Рядом с криничкой находился храм, в который во время войны попал снаряд и разбил мраморный Престол. Осколки святого Престола были вынесены во двор храма, болящая Анна нечаянно прикоснулась к ним, да как закричит: "Ой, огонь!" – и сделалась как мертвая. Ее отнесли в сторонку и положили один из этих камней ей под голову. В 12 часов ночи Анна стала выкрикивать: "Я царь всех бесов, братья мои убежали, а мне Виталий, хоть и сбил корону и загнал меня в мизинный палец, но я от Анны не уйду за ее гордость до самой ее смерти". Нам всем стало жутко. Отец Виталий сказал, что это бесы злобствуют и велел всем читать Иисусову молитву. Анна продолжала кричать: "Дура Анна, связалась с Виталием! Как нам с тобой, Аннушка, хорошо было – где хотели ходили, блудили". Позже, по молитвам отца Виталия, Анна успокоилась».

Анна П.:

«Мы закончили работы на криничке к Петрову дню и поехали на престольный праздник в село Дьяково, где служил отец Па-

вел. Когда мы приехали, вышли из машины и пошли на горку, где стоял храм, Батюшка сказал: "Сейчас отец Павел выйдет нас встречать". Мы устремили глаза к храму и видим – выходит отец Павел и направляется к нам, хотя никто его не предупреждал о нашем приезде. Он, видимо, был прозорливый. Отец Виталий нас предупредил, чтобы мы поклонились в ноги и подошли под благословение, а батюшка Павел обратился к нам со словами: "Дорогие мои крестоносцы".

После службы была трапеза. Отцы посадили болящую сестру Анну между собой, а она кричала: "Ой, с ции стороны огонь, а с ции – пламя. Замучилы мэнэ! Чего я, дурак, приихов сюды!"

По пути в Дьяково мы заехали к одному благочестивому садовнику, которому отец Виталий предсказал недалекую кончину такой притчей: "Был один садовник. Насадил он деревья и усердно ухаживал за ними, поливал их сначала изо рта, потом из кружки, потом из ведра, а затем отошел ко Господу". А когда садовник со своей старушкой-женой предложили нам фрукты, отец Виталий выложил из них на блюде крест и поднес его хозяевам».

Во время этих странствий брат Виталий, как мог, оберегал своих спутников от блюстителей «порядка». Но встречи с ними были неизбежны. В те времена на группу из нескольких странников смотрели как на шайку преступников. Иногда спасало юродство.

Схиигумения Серафима:

«Возвращались мы из храма в городе Снежном Донецкой области. Была поздняя осень. Не дойдя до дома, мы столкнулись с милицией. Тогда отец Виталий, увидев около одного дома корыто с дождевой водой, не раздумывая лег в него во всей одежде и в сапогах, и стал плескаться. Милиционер испугался и закричал: "Скорее ведите больного домой, а то замерзнет!" Так отец Виталий спас нас от ареста».

Он побеждал зло своим смирением, незлобием и искренней любовью ко всем людям без исключения.

Однажды мотоцикл с вооруженными милиционерами остановился прямо пред отцом Виталием, когда он шел с людьми. «Кто такие? Откуда? Документы!» Но он так ласково к ним обратился, что они были крайне изумлены. Поклонился, поцеловал их в плечи со словами: «Вы наши ангелы-хранители, наши защитники». Вся злоба их растаяла, и они, попросив его помолиться, уехали. Только спустя некоторое время он сказал: «А ведь они специально за мной ехали».

Среди выписок из творений святых Отцов, которыми руководствовался в жизни отец Виталий, мы нашли в его помяннике одно поучение, принадлежавшее святителю Димитрию Ростовскому: «Если ты хочешь одолеть врагов своих без брани, победить без оружия, укротить без труда и покорить себе, будь кроток, терпелив, тих, незлобив, как агнец, и ты одолеешь, победишь, укротишь и покоришь». Эти слова святого стали его жизненным правилом.

Странствуя по России, брат Виталий ходил всегда в подряснике и с дорожным посохом – его невозможно было не заметить. И почти в каждом селении его поджидала милиция. Он рассказывал своим чадам об этом времени: «Я иду – на пути речка, перешел через нее – стоит постовой. Я ему в ножки поклонился, он повернулся спиной, как будто не заметил – я и прошел. А в другом месте меня как барина встречали на машине. Возили меня в дом, очень красивый. Там меня гладили». Это означало, что его били.

Он любил вспоминать юродивого отца Андрея из Киева, с которым жил одно время в Глухове. Тот сам себя стегал ремнем. Виталий же с благодарностью принимал побои от других. «Вот, били в милиции, – писал он в письме, – учили, чтобы у меня не было ленности. Всегда благодарите, и будете дети Божии».

Когда его избивали, он говорил, что играл в футбол или что его «ласкали и в голову, и в живот, и по спине».

При этом к своим обидчикам он не только не испытывал никаких враждебных чувств, но отвечал им любовью, называя своими братиками.

«Как воду жизни пей поругание от всякого человека», – советует Святой Иоанн Лествичник. Таким образом приобретается смирение.

«Надо себя хулить, винить, пороть, наказывать, а всех любить, считать Ангелами», – прочитаем мы в одном из писем старца Виталия. Став, как «сор для мира, как прах, всеми попираемый» (1 Кор. 4, 13), он восшел на высшую ступень смирения, когда любое уничижение переносится с радостью. Из своего опыта отец Виталий познал, что «смиренный – из силачей силач» (строки из его письма к чадам). Смирение делало его неуязвимым в любых ситуациях. А попадал он в положения, для других почти невыносимые.

Вот что рассказывал о себе Батюшка по воспоминаниям одной духовной дочери: «В одном городе донесли на меня, и я попал в милицию, а потом в тюремную камеру. В камере было несколько человек, среди них был преступник, которому присудили 25 лет за убийства и кражи. От табачного дыма в камере стоял густой туман. Заключенные стали бить меня кулаками и ногами так, что не помню, как очутился под нарами. Но Господь милостивый утешил меня благодатью. Я лежал на прохладном полу и молился. Дым от табака стал похожим на благовоние ладана. Через некоторое время меня зовут: «Попик, а ну вылазь к нам – расскажешь что-нибудь». И стал я с ними беседовать. Такая беседа пошла, со слезами и покаянием, что не заметили, как прошла целая ночь. Все это время за нами в глазок подсматривал дежурный. И наутро меня за эту беседу избили уже тюремные надзиратели».

После этого он вспоминал, как хорошо было в тюрьме: «Читай все время Иисусову молитву – никто не мешает. Такое блаженство».

Однажды в Таганроге, в милиции, отец Виталий был избит так, что его отвезли в больничный морг. Врач осмот-

рел привезенного – пульс не прощупывался: «Что же мне написать в заключении? Вы же его убили!» Нянечка, верующая женщина, узнала его и стала плакать. В 12 часов ночи она вдруг услышала, как брат Виталий запел: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!» Она побежала к врачу: «Он живой!» Врач изумился: «Не может быть!» Приходят они в морг, а Виталий сидит среди мертвецов и поет пасхальный канон. Тогда его на неделю оставили в больнице, чтобы подлечить*.

Но эти побои не прошли безследно для здоровья отца Виталия. У него была раздроблена вверху кость бедра и ее осколки потом выходили долгие годы, в этом месте образовалась страшная рана, которая доставляла ему мучительные боли на протяжении всей жизни, но никогда не подавал он виду и выполнял любые послушания.

Он испил полную чашу страданий гонимого странника. Сколько раз приходилось ему ночевать просто под деревом, а то и зарывшись в сугроб, чтобы преследователи не заметили черного подрясника. В те суровые годы странствований он простудился и заболел туберкулезом.

В Таганроге в 1954 году его устроили в больницу. Врачи поставили диагноз – туберкулез в последней стадии. Начался распад легких. Надежд на выздоровление – никаких. Множество людей стремилось тогда посетить брата Виталия в больнице. Скорби их не было предела, все боялись потерять «дорогого братика». Одной скорбящей сестре Виталий сказал: «Если Божия Матерь заменит мне легкие, то я буду еще жить».

В палате он лежал вместе с летчиками. Они удивлялись: «Мы такого не видели – не пьет, не ест – все больным раздает. Чем он живет?» Медсестры его за это ругали, говорили, что ничего не будут ему давать. Но он падал им в ноги, просил прощения и не вставал, пока ему не ответят: «Бог про-

* Этот случай записан со слов иеросхимонаха Рафаила и иеромонаха Николая.

стит». Брат Виталий служил каждому, кому чем мог. Перед тяжело больными по ночам вставал на колени и молился. Несколько человек, которые попали в больницу после попыток покончить с собой из-за бедственного материального положения, получили от него деньги и вышли утешенными и ободренными. Он явил собой пример евангельского служения ближним до полного самоотвержения. И Господь сотворил чудо — брат Виталий выжил.

В Таганроге вокруг него сплотилась и окрепла его будущая паства, увидевшая в глинском послушнике черты великого старца. Здесь он встретил верных спутников, помогавших ему переносить жизненные испытания и лишения.

Уезжая из Таганрога, он оставлял здесь свет Христовой любви, который зажегся во многих верных сердцах. И свет этот для духовных очей был реальным зримым огнем. Через много лет, проезжая через Таганрог на поезде, отец Виталий показал монахине Марии множество горящих свечей над городом: «Сестра, смотри, горит город и столбы к небу!» Так, незримо для очей плотских, «горел» Таганрог молитвами духовных детей отца Виталия, верных Господу чад Православной Церкви.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В пустыне*

Где бы ни странствовал брат Виталий, он всегда возвращался в Глинскую пустынь к отцу Серафиму, руководства которого строго держался.

Когда усилились слухи о закрытии Глинской пустыни, отец Серафим поехал на Кавказ. Сам он в 1920-х годах подвизался в Драндском монастыре в Абхазии и видимо надеялся, что местные условия окажутся более благоприятными для монашествующих. Но монастыри были разорены и здесь. Однако часть монахов тайно проживала в труднодоступных местах Кавказских гор. Это было далеко не безопасно. Так в 1930 году власти жестоко расправились с братией Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, которая после насильственного закрытия обители переселилась в район высокогорной долины Псху. Почти никто из монахов не остался тогда в живых...

Но и в период хрущевских гонений на Церковь, когда было закрыто большинство монастырей, уцелевших после первой

---

* В главе использованы записи бесед монаха Константина со схимонахом К., жившим в пустыне вместе с отцом Виталием, а также сведения из книги: Меркурий, монах. «В горах Кавказа. Записки современного пустынножителя». М.: Паломник, 1996. В этой книге под именем «больной брат» рассказывается об отце Виталии. Личные воспоминания отца Виталия об этом периоде даются в пересссказе его духовных чад.

волны безбожия, путь уединенного пустынножительства стал единственным способом сохранить иноческий строй жизни.

Вернувшись в Глинскую пустынь, отец Серафим решает направить на Кавказ брата Виталия. Ночью два старца – отец Серафим и отец Андроник – постригли его в рясофорного инока, и Виталий отправился в Сухуми, а оттуда в горную местность – Барганы. Кроме старцев об этом тогда не знал никто. Это произошло приблизительно в 1958 году.

Как когда-то египетская пустыня, Кавказские горы тоже издавна служили местом аскетических подвигов христиан, всецело посвятивших себя Богу. Этот край был освящен апостольской проповедью и мученической кончиной ученика Христова, святого апостола Симона Кананита. Сменялись столетия, но горы, как чудное творение Создателя, всегда были желанным прибежищем для тех, чья душа жаждала уединенной молитвы. Укрывшись в пещерах или тесных срубах, они могли ощущать себя живущими в святой огромной келии, которая вмещала и лес, и быстрые реки, и вершины гор, и где всякое создание Божие непрестанно славило своего Творца. Это счастье особой сопричастности и близости к Богу дано было познать и брату Виталию во время его пустыннической жизни на Кавказе.

В Сухуми Виталия встретили женщины, знавшие отца Серафима, и показали дорогу к жившим в горах пустынникам. Почти одновременно с ним пришел и брат В. из Москвы (в будущем схимонах К.), которого на монашеский путь благословил отец Андроник.

В то время в горах подвизался один старый монах по имени Самон, бывший насельник Ново-Афонского монастыря. Узнав о твердом намерении двух молодых людей подвизаться в пустыне, он по-братски принял их, предоставив им на первое время часть своей келии, а также снабдил на зиму картошкой. Брат В. купил в городе мешок пшеницы и мешок овсянки, и до снега успел принести две

ноши груш, которые Виталий начал сушить в печке на зиму. Вот с таким запасом продуктов начали они свое пустынническое житие.

Первое время особенно поражала в горах тишина. Брат Виталий наслаждался безмолвием величественной природы. Только глубокой ночью их тревожил крик одной птицы, она будто призывала: «торопись, торопись, торопись», побуждая пустынников к молитве.

Келейное их правило начиналось в 4 часа утра и продолжалось до одиннадцати. Затем исполняли необходимые дела, обедали, и около четырех часов начинали вечернее правило. В течение суток прочитывались: Псалтирь, две главы Евангелия и две главы Апостольских посланий, акафисты Спасителю и Божией Матери, по четкам читали Пятисотницу.

«Ноги наши были отекшими, как бревна, – вспоминал впоследствии схимонах К., – вечером дожидаешься, чтобы только положить голову на чурбак, который лежал в изголовье вместо подушки».

Брат Виталий ложился спать на узкую дощечку, чтобы просыпаться на ночную молитву, когда захочется повернуться на другой бок. Но враг – ненавистник молитвы – часто устраивал так, что он просыпался только утром, обнаружив, что в течение ночи незаметно для себя повернулся.

Через несколько лет отец Серафим изменил правило и вместо десяти кафизм велел читать десять кругов по четкам. Круг состоял из двух четок Иисусовой молитвы и одних четок – Божией Матери. Таково было старческое «облегчение» правила.

Одно время они договорились произносить за сутки не больше 24-х слов. Если была нужда что-то спросить, а условленное число слов уже сказано – общались знаками.

Исполняя обширное молитвенное правило, братья не успевали обрабатывать большой огород. Вначале они поса-

дили семь ведер картошки, а собрали восемь, так что после этого уже больше и не сажали.

Как вспоминал схимонах К., поваром был брат Виталий, и кулинарное дело он вел по-своему. Каша считалась «готовой», как только крупа заливалась кипятком. Груши, которые сушились в печке и потому были в золе, перед приготовлением компота никогда не мылись. Кукуруза (часто прелая, которую им давал лесник за их помощь) бывала непроварена и ее приходилось размалывать зубами. Так старались они идти «путем тесным» и считали для себя немалым утешением, что каша хоть сколь-нибудь постояла на огне.

Со своей плотью Виталий вступил в настоящую войну, не давая ей того, что хочется, а только то, что необходимо для поддержания жизни. В одном из писем он писал: «Ничто до такой степени не содействует к умилостивлению Бога к обращающемуся грешнику как пост, как мы научены примером обращения ниневитян. И ничто так не умерщвляет душу, как чревоугодие». Против этой «всем любезной госпожи страстей» он подвизался добрым подвигом не только вначале, но и всю свою жизнь. Отсюда становятся понятными некоторые его странности в глазах других. Например, часто на братской трапезе он вместо салата из свежих огурцов собирал и ел огуречные очистки, или вместо арбуза доедал зеленую кожуру. Собирая грибы, он не выбрасывал червивых и варил все, а когда его сокелейник возмущался обилием червей в супе, говорил, что бояться нужно лишь червей внутренних — сластолюбия и чревоугодия.

Одно время братьев постигло тягостное искушение: местный лесник начал использовать их как безплатную рабочую силу. Весной звал сажать свой обширный огород, летом — на его прополку, осенью им приходилось охранять огород от медведей и барсуков, а потом убирать кукурузу, картошку, капусту, — и все это почти безвозмездно.

Как-то брат В. посетовал, что лесник ничего не дает им за их труд:

– Как не дает?! – удивился Виталий, – и капусту дает, и кукурузу.

– Дает! Качаны все забрал, а листья разделил на две кучи – одну своим свиньям, а другую нам.

– Ну хоть и листья, но ведь они же капустные, – уточнил брат Виталий.

– А кукурузу-то какую дал? – с неудовольствием продолжал брат В., – почти вся прелая, такой, наверное, и колхозный скот не захочет есть!

– А ты разве не знаешь, что хорошей кукурузы за свой труд даже колхозники не получают. А мы с тобой в колхоз идти не хотим. Так что, как говорится, чья бы корова мычала, а наша бы молчала.

Уже тогда было очевидно, что брат Виталий приобрел такое внутреннее устроение, о котором сказано в одном любимом им святоотеческом поучении: «Только тогда истинное смирение будешь иметь, когда всего себя недостойным признаешь, т. е. ни пищи сладкой, ни платья богатого, ни дому красного, ни постели мягкой, ни почитания людского, ни места вышняго, но всякого неблагополучия достойным себя признаешь».

Он отличался крайней нестяжательностью: никогда не носил хорошей одежды и не снимал своего старенького, тщательно залатанного подрясника, размера обуви не знал – носил, что было. Если монастырские друзья присылали хорошую одежду, он при первом же случае кому-нибудь ее дарил. У него никогда не было денег – все что ему присылали, он в кратчайший срок раздавал нуждающимся, следуя слову одного пустынника: «Не дай полученным тобою деньгам переночевать в твоей келье. При нужде приобрети на них что-нибудь необходимое для себя, а оставшееся раздай либо нищим, либо нуждающейся братии в тот же день».

Когда сострадательные сестры из Таганрога присылали ему что-нибудь вкусное, он все это сразу высыпал на общий стол с радостным возгласом: «Братья! Сегодня у нас велие утешение!»

Одно время Виталий по благословению отца Серафима ухаживал за престарелым иеродиаконом Онисифором, жившим в греческом селении Георгиевка. Этого монаха-пустынника, несколько лет проведшего в дупле дерева, местные жители хорошо знали. Они обращались к нему за всякой нуждой, прося его молитв во время засухи или когда телилась корова... Было замечено, что по его молитвам все налаживалось. Когда отец Онисифор поправился от болезни и пришло время расставаться, то он не мог удержаться от слез. Только один «недостаток» заметил он у брата Виталия – очень уж любит все раздавать.

Это его качество часто создавало неудобства и раздражало тех, кто жил с ним рядом, но не вошел еще в его меру нестяжания. С большим неудовольствием смотрел брат В., как исчезала зимняя одежда и обувь, которую подавали им благодетели. Виталий же в таких случаях говорил: «То все Христу пошло».

Попал к ним как-то хороший матрас, но и тот вскоре «ушел», а ежедневно терпеть холод не каждый может. Недовольство брата В. росло. Оно усугублялось еще тем, что, будучи новоначальным послушником, он делал много ошибок при чтении Псалтири, а брат Виталий относился к этому весьма взыскательно.

«Помню, – рассказывал спустя много лет схимонах К., – в Псалтири написано “ниже́”, а я читаю “ни́же”, там написано “вку́пе”, а я читаю “в купе́” и т. д. Вот он заставит меня выписать все такие слова и отправит из келии в кусты, чтобы там наизусть заучивать правильное произношение славянских слов. “Ну, – думаю, – обожди! Вот дам я тебе раз по шее!” Я, конечно, его и пальцем не тронул. И говорю это,

чтобы показать, как мне тяжело тогда с ним было. Но зато сейчас я только благодарю Бога!»

После двухлетнего пребывания в пустыне создались некоторые неизвестные нам обстоятельства, по которым отец Серафим вызвал брата Виталия в Глинскую пустынь, срочно собрав деньги на его дорогу. Видимо, ему угрожала какая-то серьезная опасность. Возвратился он в горы уже перед самым закрытием пустыни, в 1961 году.

За время отсутствия Виталия, брат В. с двумя другими братьями уже осваивал новое место, более пустынное и труднодоступное, нежели Барганы. Оно находилось значительно выше озера Амткел, в межгорье реки Азанта. От ближайшего селения нужно было идти от темна до темна, т. е. 10–12 часов. Причем половину дороги приходилось проходить по сплошным зарослям кустарников рододендрона, лавровишни и колючей барцынии. Изнурительность этого путешествия усугублялось тем, что идти нужно было то вверх, то вниз — через одну большую гору и шесть «хребетиков» — по камням, скользкой глине и оползающейся земле. Но зато таким образом пустынная братия на несколько лет избавила себя от досаждения властей и мирских людей. Позже ими был найден более краткий путь, но и более опасный: нужно было обойти озеро и подыматься по течению реки, переходя ее быстрое и сильное течение вброд около 30 раз. Но как только в горах начинался сильный дождь, через 30–40 минут речка становилась непроходимой. Несмотря на такие трудности, они освоили новое место, так как там была небольшая равнинка с почвой, подходящей для огорода. Там на расстоянии километра или более находились келии и других пустынножителей, с которыми они имели общение.

Когда Виталий вернулся, то брат В. решил провести его по более краткому пути, т. е. по горной реке, но, к сожалению, тот был не в состоянии противиться быстрому и

сильному речному потоку. Тогда брат В., имевший довольно крепкое телосложение, снял рюкзак, взял на свою спину брата Виталия и перенес его на другой берег. Так шли до следующего перехода, где речка ударялась в скалистый берег-стену и нужно было вновь переходить на другую сторону. Придя на новое место, они начали жить вчетвером в одной келии, размером 3х3 метра.

Снова потянулись серенькие дни неприметного для внешнего глаза ежедневного монашеского подвига. Хотя слово это среди братьев-пустынников не употреблялось, мирное их житие часто подвергалось опасностям самого различного характера. Еще преподобный Серафим Саровский предостерегал желающих поселиться в пустыне: «В монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне – точно как со львами и леопардами». Почти все пустынники испытывали жуткие ночные минуты, когда враг пытается выгнать подвижника, насылая на него ночные страхования. Приходилось бороться и с яростными нападками хульного беса со всей его мысленной скверной. Эта «болезнь», которой переболели все братья, к их удивлению миновала брата Виталия. Он, видимо, уже тогда настолько преуспел в духовной брани, что, чувствуя приближение вражеского помысла, отсекал его, не позволяя прикоснуться к сердцу.

Приходилось терпеть нападки и со стороны внешнего врага – охотников из местного населения, а часто и попросту бандитов, жаждущих поживиться нехитрым имуществом пустынников. Их замутненным головам мнились богатства, якобы спрятанные в братских кельях. Пылая неизъяснимой злобой, они готовы были не только выселить монахов с обжитых мест и донести местным властям о их местопребывании, но и, при полном попустительстве властей, запросто убить любого из них. Приведем здесь интересный документ, который характеризует трудности их пустыннической жизни – письмо отцу Виталию от монаха-пустынника Меркурия:

✣

«Христос посреди нас, любезный друже отец Виталий.

Давно, давно от тебя нет никакой весточки. Я написал когда-то враз три письма в три адреса, в том числе одно было предназначено для тебя, и ни на одно не получил ответа, посылал их с попутчиком, ехавшим в город, и, по всей вероятности, он не опустил их в почтовый ящик.

У нас с Аввакумом чрезвычайное происшествие.

В середине зимы этого года к Аввакуму заявился какой-то русский бандит, по всей вероятности убежавший либо из тюрьмы, либо из концлагеря, потому что был острижен, сделал у него тщательный обыск, нашел в келии сто рублей денег, затем сложил в рюкзак имевшиеся у него в келии иконы и книги, в том числе и Богослужебные. Аввакум, видя это сказал ему: «Книги и иконы ты оставь мне здесь, я тебе за них привезу из города триста рублей». Тот возрадовавшись об этом, сразу начал торопить Аввакума, чтоб пойти с ним к автодороге, и с попутной автомашиной проводил его в город, а сам, не медля часа времени, начал разыскивать мою келию. Знаю, что подсказал ему об этом один знакомый мне охотник-грузин, думается, что без умысла, а может быть и с умыслом, в общем не знаю, факт тот, что безошибочно заявившись ко мне, он вытащил огромный нож, воткнул его в пол и начал так же, как и у Аввакума, производить обыск. Денег у меня нашел всего лишь пять рублей, так что не стал даже их брать.

Книги основные у меня были припрятаны, а потому он их не обнаружил, но найдя мой паспорт, положил его себе в карман. Вознамерился было взять мои иконы, и даже уж снял их и начал укладывать в принесенный им с собою для этой цели рюкзак, но я сказал, глядя на него: «Паспортом моим ты не сможешь воспользоваться при всем желании лишь только потому, что я по возрасту наполовину старше тебя, и иконы тебе не удастся никуда спровадить, потому что назад

сему три недели, человек, подобный тебе, ходил по городскому храму и кой-кому предлагал купить имевшуюся у него икону. Одна женщина с возмущением сказала: «Ишь нечестивец, носит икону за задом, не имея к ней никакого благоговения, сразу видно, что где-то украл да и продает...» Он сразу же куда-то скрылся, хорошо что не позвонили в милицию, так там бы быстро дознались, откуда она попала в его руки». Тогда он отдал мне паспорт и повесил на место иконы, вместо них набрал из моего ящика продуктов, положив туда еще некоторые вещи, и перед уходом сказал: «Я приду к тебе еще раз», – и ушел. Слова эти мне поразмыслились многозначительными. Видя то, что он остриженный, у меня создалось заключение, что это бандит, убежавший либо из тюрьмы, либо из концлагеря и теперь рыщет повсюду, отыскивая себе пристанище на период зимы. Перед ним не существует никаких преград, он не остановится ни перед какими затруднениями, решась на любое преступление. Моя келия для него это просто ценная находка, тем более что в таком захолустии со всеми житейскими удобствами, и самое главное, что с запасом продовольствия.

Взвесив случившееся стечение обстоятельств, я решил покинуть пустыню и на время уйти в город. Пробыл в городе около двух недель. За этот период в горах начался снегопад, чего я и ожидал. Рассудилось мне проведать свою пустыньку, воспользовавшись ненастным временем. Доехав до определенного места лесовозной автомашиной, я сошел с нее и пошел по тропиночке, занесенной снегом, вверх по горе. Мне не видно было никаких подозрительных следов, обращающих на себя внимание. Подходя к своей келии, я увидел невдалеке от нее бродящее по окрестностям стадо коров, пригнанное пастухом, он всегда обычно в зимний период пасет их в этих местах. Открыв дверь в свою келию, я был немало удивлен тем, что незванный гость был вторично и перевернул в ней все вверх дном, производя еще

раз тщательный обыск. Надо полагать, что он, все ж таки действительно, вознамерился было квартировать в моей келии, о чем свидетельствовали принесенное им свое полотенце, туалетное мыло и эмалированная кружка. Но вот неожиданно появившийся со своими коровами сельский пастух расстроил все его замыслы и он, как видно, поспешно убрался, чтобы не быть замеченным. Прошло уже более четырех недель, как я живу опять в своей келии и все размышляю именно только о том, что в чем же суть этой случившейся оказии? Господь Иисус Христос сказал, что ни один волос не упадет с головы вашей без соизволения Отца Небесного, а преподобный отец Серафим Саровский все приключающиеся невзгоды определял богодухновенным изречением: «От Меня это было» – рече Господь. И вот сопоставляя совершившееся преткновение и анализируя причинные соотношения, я каким-то неведомым помыслом подсознания соглашаюсь с богомудрым изречением преподобного отца, что «от Меня это было». Этот случай вразумительно изъяснил мне, как далеко еще я отстаю от истины Евангельских заповедей... Дело в том, что я преисполнился до крайности ненавистью и презрением к этому оголтелому изуверу, в то же время умом своим осознаю, что в его положении это безвыходный тупик. В одном случае, он свирепый леопард, вырвавшийся из-за решетки зверинца и сокрушающий решительно все, что только хоть сколько-нибудь явится препятствием на его дороге; он не остановится ни перед чем, он не посчитается ни с какими нравственными ограничениями. Это отчаявшийся индивидуум, позволивший себе безграничную свободу действий, он будет убивать и душить подсильных себе людей без зазрения совести, если только в этом явится хоть малейшая необходимость, этот человек – двуногий зверь. И если случится какая-нибудь помеха, перед обстоятельствами которой он окажется не в состоянии устоять, то и тут не так легко он

дастся, чтоб защелкнули на его руках браслеты с кандальными цепями. Я отнюдь не силюсь с либеральностью рассматривать этот грабительский поступок. Нет, и еще раз нет, но я осознаю собственную немощь в состоянии растленного естества, что воспылал ненавистью и озлоблением к этому неблагопристойному сочеловеку, а Евангельские заповеди гласят: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, молитесь за обижающих вас, творите благо, творящим вам напасть. Если снимут с вас верхнюю одежду, то вы не возбраняйте снять и нижнюю». Вот здесь-то и вся суть, чтоб не допустить в сердце своем озлобления.

Некто из преподобных отцов безконечно внушал своим ученикам при всяком случае: «Чадца, не имейте ни на кого зла, если бы даже кто и глаз вам выколол, то и при этом условии не имейте на него зла».

Вот насколько высоки и обширны Новозаветные заповеди. Преподобный Серафим Саровский говорил, что излагать свое учение об этих заповедях так легко, как камни с горы скатывать, а вот исполнять их делом так тяжело, как эти камни тащить на гору. И так: *благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас.* Старец Силуан в своей книге с решительностью утверждает, что без любви к врагам спасению совершиться невозможно, и вот как это ни странно, но эти слова Богодухновенны.

Архимандрит Софроний, дополняя в основном своими изъяснениями писания старца Силуана, пишет, что истинное христианство в мире почти не проповедуется, потому что проповедь сия превосходит силы обыкновенного человека.

Писать на этом заканчиваю, бывай здоров, возмогай о Господе.

P. S. Купил в канцелярском магазине пять стержней для шариковой ручки и все оказались непригодными, так что писал тебе всеми способами, даже и через копирку.

Прости. Меркурий».

За отцом Виталием никто не замечал не только ненависти к враждебно настроенным против него людям, но даже и тени неприязни к ним. Как-то раз он вспоминал об одном подобном эпизоде: «Однажды меня посылают в селение за продуктами. А другой брат говорит: "Виталий, не ходи, тебя застрелят". А я перекрестился: "Господи, Твоя Святая воля!" – и пошел. Иду вниз, дорожка спускается с горы. Здесь кустарник, каштаны большущие растут. И вдруг слышу: щелк – осечка, второй раз – щелк – снова осечка. Я остановился. Выходит лесник – большущий детина с черной бородой и смотрит на свое ружье. Потом берет, стреляет вверх – и ружье выстрелило. Он покачал головой и ушел снова в лес. Потом я встретил его в магазине, купил ему килограмм конфет. Он стал моим лучшим другом».

Видя, что молодой инок своим смирением без труда побеждает его козни, невидимый враг восстал на него через своих же собратьев-пустынников.

В обязанности брата Виталия входило попечение о келье, приготовление пищи, выпечка хлеба и другие работы. После утреннего правила он обыкновенно спрашивал: «Святые отцы, благословите, что мне делать?» И бывало, один посылает его прочистить тропу до источника, а другой, старший чином, отменяет это послушание и дает свое – вырубить кустарник возле кельи. Чтобы сохранить мир, брат Виталий старался удовлетворить желанию каждого.

Однажды один из братьев, подвизавшийся на другой поляне, велел брату Виталию испечь хлеб и принести ему. Хлеб Виталий испек, но поскольку сапог ему не досталось, так как остальные братья ушли в селение, он натер ноги керосином и пошел босиком по снегу, по воде, по камням, проделав путь в несколько километров. Когда он дошел до келии брата, тот посмотрел на хлеб и сказал, что такой есть не будет. Тогда Виталий молча повернулся и пошел себе обратно.

Узнав об этом, один из братии возмутился и сказал, чтобы он не ходил больше к тому «наглецу», на что брат Вита-

лий отвечал так: «Нет, меня старцы так не учили. Они заповедовали: «Если придет к тебе брат и попросит помочь ему, отложи свое дело и пойди помоги брату, и служи ему, как самому Христу».

Служа братьям своим, словно «купленный раб», он терпел от них всяческие поношения. Какую бы пищу ни приготовил Виталий – братья были недовольны. Когда он питался тем, что другие просто выбрасывали, его упрекали: «А, ты молишься и готовое ешь, а нам некогда молиться, нам трудиться надо!» Когда же он стал уставщиком во вновь построенной церкви и начинал читать во время Богослужения, братия возмущались: «Что ты читаешь, откуда ты это взял?» – и даже останавливали службу. А однажды на кухне от него спрятали спички: «Пусть, если он такой святой, сотворит чудо и получит огонь своими молитвами!» Но он все переносил безропотно и как будто даже искал поношения.

У себя в помяннике он записал высказывание преподобного Серафима Саровского: «Монах – только тот, кто как лапти будет отбит и отрепан». Подкрепляло его и поучение афонского старца Нила Мироточивого: «Научения монашеской жизни постигаются: гонением, алчбой, жаждой, наготой, клеветой и другими многими скорбями, случающимися в жизни». Да и отец Серафим, духовник, наставлял: «Где бы ни был – без скорбей не прожить. Вооружайся терпением».

Когда брату Виталию передавали о нем чьи-либо слова, будто он пребывает в прелести, или блудник, или подобные тому измышления, он отвечал обычно: «Да, правда. Этот брат видит все мои грехи, у него херувимские очи. Спаси его, Господи!» И посылал ему подарок или оказывал какую-либо услугу. Будучи молодым иноком, он уже умел извлекать для себя духовную пользу из всего, что бы с ним ни происходило.

Имея безграничное доверие к Творцу, он с одинаковой благодарностью принимал от Него как радости, так и тяжкие скорби и испытания.

Его духовная мера настолько превосходила меру остальных братьев, что часто они не могли не только понести ее, но даже и потерпеть. Были такие, которые просто не могли видеть его подвиги. Побуждаемые врагом, они делали попытки избавиться от него, сбросив в пропасть или потопив в реке. Но Господь хранил своего избранника. Попуская такие испытания, Бог возносил его на новую духовную высоту.

Был момент, когда кто-то из братии просил отца Серафима забрать от них брата Виталия, объясняя это тем, что они соблазняются, ибо так, как трудится и молится он, естество человеческое выносить не может... Но без него оказалось еще труднее — между братьями пошли такие нестроения и разлад, что они пришли к отцу Серафиму и просили вновь вернуть им брата Виталия, так как считали его пример спасительным для себя.

Один из братии, пчеловод, так обличал своих собратьев: «Люди простодушные, младенцы во Христе Иисусе, сразу же почувствуют исходящее от него духовное благоухание, которого не чувствуем мы по своей душевной черствости и тайной гордости, из-за самопревозношения».

И, действительно, простые люди, таганрогская паства, потянулись к брату Виталию и в пустыню. Встретиться с ним они могли на Амткельском озере, в ближайшей к селениям пустыньке, где жили «приозерные» монахини. Братия иногда приходили сюда для совершения службы, а также часто делали здесь остановки перед подъемом на свою гору, когда случалось возвращаться из селения. Сюда же приносили продукты для пустынножителей и паломники, которых благословлял отец Серафим. Но многие приезжали специально, чтобы побеседовать с братом Виталием.

Спускаться с крутых гор, пересеченных быстрыми потоками вод, было не просто, но он делал это ради утешения скорбящих. Господь настолько укрепил его телесные силы, что он мог уже без посторонней помощи ходить по реке и горам через дебри, причем с тяжелой ношей, к великому удивлению всех знавших его прежние болезни.

Как свидетельствует монах-пустынник Меркурий, брат Виталий впоследствии без всякого лечения исцелился от своей долголетней болезни — обе каверны в легких зарубцевались. Видимо, над ним сбылось изречение Святых Отцов: «Кто себя не жалеет, того Бог пожалеет».

Не щадя себя, день и ночь проводил он в беседе с пришедшими людьми, стараясь всем помочь, а главное — утешить. Всегда учил терпеть, смиряться, все принимать за волю Божию и всех любить. «Вы только позовите меня, и я приду», — говорил он пришедшим в пустыню паломникам. Они сердцем звали любимого брата, и он, словно слыша их, спешил на этот зов к Амткельскому озеру.

Большинство из приезжавших к нему были женщины, и братия стала соблазняться, что он много общается с ними и слишком уж помогает приозерным монахиням.

Имея сердце, исполненное любовью Божией, он не мог не помогать страждущим или матушкам-подвижницам, чьи хрупкие плечи несли все тяготы пустыннической жизни. А потому мало обращал внимания на искушения со стороны братии.

Инокиня Евфимия:

«Я жила в пустыне вместе с матушкой Рахилью. Однажды, когда брат Виталий должен был к нам придти, матушка Рахиль, вспомнив, как ему трудно будет идти по речке, а потом еще подыматься на такую гору, решила за него помолиться и начала делать земные поклоны. И вот приходит к вечеру брат Виталий и говорит: "Спаси, Господи, мать Рахиль, что положила за меня 35 поклонов". Ну откуда он мог

это узнать? Она даже сама не считала их, а клала поклоны по желанию души.

А вот еще случай. Пошли мы однажды в Азанту за мукой, взяли ношу и возвращаемся в келию. Я же подслеповата, да еще самочувствие было плохое – иду медленно. Брат Виталий и говорит нам: "Вы не спешите, а я пойду вперед". И пошел. Сам принес нам в келию муку, по-быстрому на соде испек тоненькие лепешки и пошел нам навстречу. Встретил нас около креста на дереве, накормил теплыми лепешками, которые принес за пазухой, и мы с новыми силами продолжили свой путь, а до келии от этого места нужно было еще идти часа три.

Пришел он однажды к матушке З., а она была больна и не могла стирать. Так он все ей перестирал.

Очень он был простой, добрый и абсолютно небрезгливый. А самому-то ему приходилось разное терпеть, и терпел благодушно.

Однажды в селение приехали благодетельницы и привезли продукты для пустынников. Был там в то время брат Виталий и говорил им душеполезные поучения. Но некоторым из молоденьких девиц, его духовных чад, хотелось поговорить с ним наедине, чтобы разрешить свои вопросы и недоумения. А это было удобно сделать, если пойти проводить их по дороге до автобуса, и он настроился идти с ними. Тут подбежала к нему одна из здешних и кричит: "Ты монах? Ты монах?" А он кратко отвечает:

– Недостойный.

– Ну тогда сиди дома и никуда не ходи!

А он все равно идет с ними. Тогда она как дернет его за руку:

– Никуда не ходи, тебе говорю!

Но он не оставил тех, кто нуждался в духовной помощи и желал слышать душеполезное его слово, за что получил злобный удар по спине. И перенес он это абсолютно спокойно. Не впервые ему это было, да и не в последний раз».

К нему в полной мере можно было отнести слова Священного Писания: «Для чистых все чисто» (Тит. 1, 15) и во Христе Иисусе «нет мужеского пола, ни женского» (Гал. 3, 28).

Любовь к ближним и смирение проявлялись у брата Виталия постоянно и многообразно как в словах, так и в делах. Одним из весьма значительных таких дел было его согласие ухаживать за парализованным схииеродиаконом Исаакием. Этот подвижник в молодости жил в Драндском монастыре под Сухуми, после его закрытия в числе других монахов был сослан на Колыму, где работал на золотоносных приисках. Вернувшись, поселился в горах. Находясь в преклонном возрасте, он уже не мог жить один в суровых условиях пустыни. Братия поселили его в маленькой келейке возле своей церкви. Проходя мимо, они часто слышали, как он покаянно взывал: «Господи, накажи меня здесь, а там – помилуй». Спустя некоторое время его разбил паралич, была парализована левая сторона. Никто не осмелился предложить старцу свою помощь, понимая, что этот крест превышает силы любого жителя пустыни. И только брат Виталий взял на себя заботу о больном старце, ежедневно ухаживая за ним в течение многих месяцев. Но, видимо, чтобы избежать похвалы от братии и благодарности от отца Исаакия, вел себя со странностями, как бы полуюродствуя, так что сам отец Исаакий называл его «блаженненьким».

Но по-прежнему строго, узким путем вел свое духовное чадо глинский старец отец Серафим. После закрытия Глинской пустыни он поселился в Сухуми и служил в городском кафедральном соборе. Сюда по большим праздникам пустынники приходили на исповедь и ко Святому Причастию.

Приехал как-то брат Виталий из пустыни в город, и как обычно ходил в латанном-перелатанном подряснике,

так и пришел в собор, где в это время исповедовал отец Серафим. Узрев его в таком виде, придя домой после службы отец Серафим начал его честить и выдворил за дверь. Там Виталий долго просил прощения, но не получив его, никуда не ушел, а свернувшись калачиком лежал на пороге, пока с работы не пришла хозяйка дома.

Или другой пример. На Прощеное Воскресение было у отца Серафима «велие утешение», и брат Виталий вместе с другими чадами батюшки был на этом ужине. Когда все уже насытились, хозяйка дома вдруг обнаружила, что целый казан молочной рисовой каши остался несъеденным. «Батюшка! – умоляющим тоном обратилась она к отцу Серафиму, – ну не выбрасывать же столько каши на улицу!»

Отец Серафим, окинув всех взглядом, остановился на Виталии. Тот, как истинный послушник, сложив руки сказал: «Благословите, отче!»

– Бог благословит, иди съешь, – ответил старец.

– Ну наверное лопнет Виталий, – подумали многие, – или заворот кишок будет. Ну как это можно после такого ужина съесть еще три литра каши?»

Но вскоре явился брат Виталий, бодрый и радостный, а когда его спросили, как он себя чувствует, ответил: «За послушание съел и почти ничего не почувствовал,будто и не ел».

Однажды Виталий пришел к отцу Серафиму и показал тетрадь, в которую записывал высказывания из различных святоотеческих книг. Старец увидел, как он дорожит ею, и сказал: «Возьми эту тетрадь и положи в печку». Так воспитывалось послушание.

Хотя Виталий еще не был пострижен, по своему внутреннему духовному устроению и несению подвига он давно уже стал монахом. Когда отец Серафим намеревался совершить постриг в мантию трех братьев, в том числе и Виталия, в Сухуми прибыл новый епископ, который в силу раз-

личных опасений не дал своего благословения на постриг тайных пустынников.

Спустя некоторое время, уже в пустыне, Виталий заболел столь серьезно, что братия опасались за его жизнь. Зная о его желании принять монашество, они, посовещавшись между собой, решили постричь его в мантию. Испросить благословения отца Серафима в то время не было возможности: реки в горах сильно разлились, перекрыв дорогу к городу, а состояние Виталия было крайне тяжелым. Тогда пустынник игумен Мардарий келейно постриг Виталия в мантию с наречением ему имени Венедикт. Лишь во время пострига братии открылось, что Виталий был рясофорным иноком. Все думали, что он еще послушник.

Когда отец Серафим узнал, что Виталия постригли без его ведома и благословения, он первое время делал вид, что сердится на него. Так столь желанное монашество доставило брату Виталию новые скорби и искушения.

В середине 60-х годов всем пустынникам предстояло пережить новое тяжелое испытание. Относительно спокойные времена прошли. Слух о поселившихся в горах монахах стал распространяться среди местного населения. Скоро об этом узнали в органах внутренних дел. С вертолетов легко удалось обнаружить келии и огороды пустынножителей, пришли тревожные вести о готовящейся облаве. Через некоторое время оперативная группа КГБ арестовала всех монахов и вертолетом доставила их в Сухуми. Парализованного отца Исаакия бросили в горах одного...

Но брата Виталия в это время в пустыне не было. За несколько дней до этих событий он спустился в селение Амткел к приехавшим паломникам, а уходя попросил прислужить отцу Исаакию одного странника. Тот было согласился, но вскоре покинул совершенно безпомощного старца.

Вслед за милицией пришли грабители. Не найдя в пустых келиях никаких ценностей, всю свою сатанинскую зло-

бу они излили на отца Исаакия, требуя от него золота и денег: они сделали из полотенца петлю и затягивали на его шее, а когда тот уже задыхался – отпускали. Потом изверги избили, ударили по голове топором и, наконец, сбросили в ущелье.

Через пять дней отца Исаакия с большим трудом подняли и захоронили на поляне возле церкви. Его тело не издавало никаких запахов тления, несмотря на сильную жару. Видно, Господь внял его молитве: «Накажи мя, Господи, здесь, а там – помилуй!»

Во время убийства старца братВиталий находился в селении Амткел у болящего Лёни, который уже 40 лет не вставал с кровати. Он вел себя в тот день очень возбужденно и громко выкрикивал: «За что вы меня бьете, у меня денег нету!» Кроме брата Виталия никто не понял, что это значит. Он же сразу начал ставить свечи и сказал, что нужно усиленно молиться.

После этих событий отец Серафим не благословил брата Виталия возвращаться в пустыню и отправил его в Тбилиси к владыке Зиновию. Так закончилось почти десятилетнее пребывание его в пустыне, по которой он тосковал и плакал всю жизнь...

Впоследствии, живя в Тбилиси, отец Виталий говорил: «Я настолько люблю пустыню, что если бы не благословение, я бы и одного дня здесь не был».

Для тех же, кто побывал у отца Виталия в горах, эти дни остались в памяти на всю жизнь.

Алла (г. Таганрог):

«На праздник Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня братия собралась в ближайшей пустыни у матушек для совершения Всенощного бдения. В это же время из города сюда пришли несколько паломников. Надо было только видеть эту неописуемую красоту! Бдение совершалось под открытым небом на закате солнца среди гор. Душа наслаждалась молитвой. Казалось, каждое произносимое слово дохо-

дило до неба, и ощутимо чувствовалось присутствие небожителей на этой чудной службе».

В то же время отец Виталий знал, что путь этот не для многих. Одной своей духовной дочери, которая, побывав у него, тоже захотела жить в пустыне, он сказал: «Нет, пустыня выгонит. Нужно жить в миру, как в пустыне. Идя по улицам, не по сторонам смотреть, а себе под ноги. Больше молчать, не пустословить и Иисусову молитву творить».

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Святый Тбилиси шлёт земной поклон»

В 1969 году брат Виталий (в монашестве Венедикт*) прибыл в Тбилиси. Он пришел как был, в старых обносках, прямо в русский православный храм Святого благоверного князя Александра Невского, при котором жил тогда владыка Зиновий**.

Появление незнакомого монаха вызвало интерес у прихожан. Прислуживавшая в храме тетя Маня позвала певшую в церковном хоре сестру Марию (Дьяченко): «Иди посмотри, там какой-то необыкновенный монах стоит». Сердце подсказало Марии, что это брат Виталий, хотя она не видела его около десяти лет. Так, спустя годы, сошлись их пути.

---

* В середине 1960-х годов он тайно принял схиму с именем Виталий.

** Зиновий (Мажуга), митрополит, в схиме Серафим. Родился в 1896 г., с 1914 г. насельник Глинской пустыни, после закрытия пустыни в 1922 г. поступил в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, в 1926 г. рукоположен во иеромонаха. Служил в Сухуми, Ростове-на-Дону, в 1930 г. арестован, отбывал заключение в Беломоро-Балтийских лагерях. В 1942–56 гг. служил в храмах Грузии и Армении. С 1952 г. член Святого Синода Грузинской Православной Церкви. В 1956 г. хиротонисан во епископа Степанованского, с 1960 г. епископ Тетрицкаройский, с 1972 г. митрополит. Блаженная кончина старца наступила 8 марта 1985 г. Погребен в храме Святого Александра Невского в Тбилиси.

Схиигумения Серафима:

«Когда отец Виталий прибыл в Тбилиси, на нем не было чистого места, одет он был в тряпье, – иначе эту одежду не назовешь. Владыка Зиновий благословил сжечь все, что было на нем, и одеть в чистое. Сапоги, которые он носил, были ему очень малы. Мы увидели его страданье и с благословения Владыки дали ему другую обувь. Отец Виталий поклонился в ноги Владыке и сказал: "Владыка, а те сапоги были звонки, они побуждали на молитву"».

Когда с него снимали залатанный подрясник, то обнаружили вросшие в тело вериги. Снять их с себя он долго не соглашался, и сделал это лишь под страхом отлучения от Святого Причастия. Позднее отец Виталий взамен железных вериг понес тяжкий крест пастырского служения, с любовью и состраданием помогая людям переносить жизненные скорби и испытания.

Его рукоположение во иеродиакона, а через несколько дней во иеромонаха, совершил Высокопреосвященнейший владыка Зиновий. Это произошло 2 января 1976 года, в день памяти священномученика Игнатия Богоносца и святого праведного Иоанна Кронштадтского. За день до этого скончался схиархимандрит Серафим (Романцов), и в народе говорили: «Один старец умер, а другой воскрес».

Святая земля Иверии приняла и сохранила для мира не одного старца из России. Первым из глинских старцев прибыл сюда владыка Зиновий. После вторичного закрытия Глинской пустыни в 1961 году в Сухуми переехал схиархимандрит Серафим, а в Тбилиси – схиархимандрит Андроник, и с ними целый ряд глинских монахов (архимандрит Пимен, архимандрит Филарет, игумен Амвросий, иеромонах Николай и другие). Если вспомнить, что древняя Иверия – это один из уделов Божией Матери на земле, а Русь издавна считалась Домом Пресвятой Богородицы, то станет ясно, что наши православные страны, как духовные сестры, находятся под единым Пречистым Ея Покровом, а потому и родство наше – выше кровного.

Владыка Зиновий сердечно любил Иверию, глубоко почитал Святых Грузинской Церкви и пользовался огромным уважением среди ее чад. Среди тех, кого он постригал в монашество, был и нынешний Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, которому Владыка тогда уже и предсказал патриаршее служение.

С 1950 года и до своей кончины владыка Зиновий оставался настоятелем Александро-Невского храма в Тбилиси и жил в маленьком домике во дворе этого храма, который он не захотел оставить и тогда, когда стал митрополитом. Это был настоящий островок России. Владыка объединял вокруг себя всех. Каждый год, 12 ноября, в день памяти священномученика Зиновия к Владыке на именины приезжало столько братии, духовных чад и гостей, что Святейший Патриарх говорил: «Владыка, у Вас филиал Глинской пустыни». Не только братия, но и простые миряне всегда находили у него приют, утешение и духовное окормление.

В такую атмосферу духовной любви, под непосредственное попечение старца-святителя, попал по прибытии в Тбилиси брат Виталий. Но это не означало, что ему стало легко жить. Отсутствие документов и невозможность из-за этого получить хотя бы временную прописку крайне осложняло его положение и на новом месте. Пять лет он прожил тайно в грузинских семьях, «в закрытии» от людей и властей, появляясь иногда только в храме Александра Невского на Богослужении. Сестра Мария (в схиме Серафима), ставшая его келейницей, как могла охраняла его от опасностей.

Они поселились в коммунальной квартире на Московском проспекте, и туда стала наведываться милиция, разыскивая «монаха без прописки». Уходя в храм, где несла клиросное послушание, Мария запирала его в комнате. Вернувшись, она однажды застала его на кухне за мытьем ботинок. Как оказалось, он каким-то непонятным образом вышел на улицу через запертые двери, чтобы подать милостыню ни-

щим, и теперь пытался скрыть следы своего самовольного отлучения.

Семья Гогинишвили, с которыми они жили в квартире, очень полюбила Батюшку и мать Марию, и помогала им, чем могла. Как-то, узнав о готовящемся обыске, за несколько минут до прихода милиции Лейла Гогинишвили стала выносить из их комнаты свечи и иконы и прятать их. Даже ее двухлетний сынишка стал ей помогать. «Господь дал мне тогда такую силу, – вспоминала Лейла, – что за какую-то минуту все убрала. Милиция пришла – ничего нет».

Интерес милиции к личности отца Виталия не ослабевал долгие годы. В этом отношении замечательно одно письмо отца Виталия своему духовному сыну, архимандриту И.:

«Мы были на празднике Святого Крестителя у Святейшаго, и в тот же день приходил Ангел Божий*.

Подано**, но обыска не было и беседа шла благословенная. О сем во все стороны написаны о нас вины. Хотят нас выслать за 30 км от Тбилиси. Сейчас на месте. А с Москвы то и дело подъезжают – ищут. Святейший благословил быть осторожным».

Это было труднейшее испытание для его духовных чад, которые долгое время не имели возможности общаться с отцом Виталием. Сам он по смирению говорил: «Вас ко мне не допускают по моим грехам». Увидеть Батюшку можно было лишь изредка, когда ему доводилось служить в Александро-Невском храме (он не был в штате клириков этого храма).

Схимонахиня Елизавета (Орлова):

«Подходишь целовать крест – и тут же быстро задаешь отцу Виталию какой-нибудь важный для тебя вопрос, а он так же быстро отвечает. Достаточно было услышать от него несколько слов – хватало надолго. Мы бывали рады даже тому, когда удавалось хоть увидеть его.

---

* Милиционер.

** Сделан донос.

Батюшка нам всегда говорил: "Если вам что-то нужно, подходите и просите Божию Матерь Смоленскую. Она поможет встретиться со мной или получить от меня весточку". И мы не оставались неутешенными .*

Однажды моя сестра приехала в Тбилиси, чтобы посоветоваться с Батюшкой. А как к нему подойдешь? Стоит она на молебне и думает, как задать ему свои вопросы, один из которых и не знала, как сформулировать. Отец Виталий заканчивает молебен – подходит она к кресту, а он сам отвечает ей на первый и второй вопрос. Потом быстро говорит: «"Повтори третий вопрос"».

Одна раба Божия, духовная дочь отца Виталия, оказалась в очень трудной жизненной ситуации. Встала она перед чудотворным Смоленским образом Божией Матери и стала просить, чтобы Богородица указала ей путь. Вдруг кто-то дотрагивается до ее плеча, она обернулась – а перед ней стоит отец Виталий и говорит строго: «Того, что задумала – не делай. Тебе благословение – жить в Тбилиси». И быстро ушел. Она обратила внимание, что Батюшка был как-то странно одет: в пижаме, халате и домашних тапочках. Все знали, что в это время отец Виталий находился взаперти в квартире на Московском проспекте и просто физически никуда не мог выйти.

Зная положение отца Виталия в Тбилиси, отец Серафим в свое время сказал ему: «Выбирай – или тюрьма, или паспорт». Сам отец Виталий не боялся, что с ним будет: посадят в тюрьму или убьют – он полностью предавался воле Божией. Но по любви к людям, ищущим духовного руководства ко спасению, он сделал свой выбор, и ему взялись добывать документы. А когда, наконец, с большим трудом удалось устроить отцу Виталию паспорт, люди могли уже свободно его посещать.

Он поселился вместе с матушкой Марией на окраине Тбилиси в поселке Дидубе. Маленький домик, в котором когда-то жили две схимницы, был поделен на две равные половины – мужскую и женскую. Здесь-то и останавливались те, кто приез-

---

* Чудотворная икона в храме Святого Александра Невского.

жал к Батюшке из разных уголков России. Получить духовное наставление, утешение, облегчить свою совесть в таинстве покаяния, поведать свои скорби и просто за советом к старцу ехали и священники, и монахи, и миряне. В день, бывало, приезжало человек тридцать. В летнее время кухня и крохотный дворик, обихоженный руками духовных чад, превращались в спальню. И всех надо было встретить, накормить, утешить, отправить домой, и непременно с подарками — от отца Виталия с пустыми руками не уезжал никто. Все эти нелегкие заботы несла на себе матушка Мария.

Жизнь в Тбилиси одновременно и радовала, и тяготила отца Виталия: он мог, наконец, общаться с любимыми духовными чадами, но своими «роскошными» условиями быта, с уютом устроенного заботливыми женскими руками, она резко отличалась от лишений пустыннической жизни, которые он считал для себя спасительными. Это тревожит его и он обличает себя в письмах.

«Возлюбленные радосте наши, мамы золотые.., — пишет отец Виталий, — у нас ссоры с сестрой Марией. Я за то, чтобы все раздать, а ей нужны и столы, и ковры, и стулья, и матрацы. Да это для сатаны только, но не слушает. А вы не подражайте нам, а старайтесь все раздавать, готовя себе дорогу в рай».

Как-то рассказали ему об одном архимандрите из монастыря Цхакайя, у которого в келии была одна железная койка с грубым солдатским одеялом. «Вот как должны жить монахи!» — воскликнул отец Виталий и, уже обращаясь к матушке Марии, приказал: «Мать, все выбрасывай, ничего не нужно!»

Как только раздали все матрацы, вскоре приехали гости — священники. Тогда владыка Зиновий призвал матушку Марию и дал ей денег на новые...

Сам отец Виталий носил один старенький подрясник, принадлежавший еще отцу Андронику, а новых вещей избегал — они ложились грузом на его совесть. «Венедикт имеет ковер стоимостью в 3 миллиона, — жаловался он на себя, явно пре-

увеличивая ценность вещи, — заховал пальто, шапку, ботинки-щиблеты. Сам не носит и нуждающимся не дает. Что Венедикта ожидает?» И упорно продолжал свою линию, несмотря на протесты близких: «Вы радуетесь, когда вам дают, а я скорблю, когда дают мне, а другого обходят».

Как-то раз привезли ему чада хорошие ботинки и меховую шапку, и умоляли, чтобы Батюшка оставил их себе. Отец Виталий целует им руки за милость, благодарит, а наутро из подарков уже ничего не осталось. И так у него все «уходило», что никто и не видел. В таких случаях он говорил, что отправил вещь «на послушание».

Он приводил своим чадам в пример подвиг святого Мартина Милостивого, который, раздав все свое имение нуждающимся, последней своей одеждой поделился с нищим, разрезав ее ножом на две половины. "Последнее раздавайте и будете наследниками вечной жизни", — призывал отец Виталий.

Если Батюшке приносили что-либо вкусное, то он быстро все раздавал детям. В церковь всегда шел с полными карманами гостинцев, которые набирал даже запазуху; там его уже ждали нищие. А если не мог выйти из дома, то привязывал шнур к корзине с гостинцами и спускал ее через окно.

Про себя же отец Виталий говорил: «Я как хряк разъелся». И начинал себя ограничивать во всем, по опыту зная, что воздержание смиряет и привлекает Божию милость.

Отец Виталий старался как можно чаще причащаться Святых Животворящих Таин, в которых черпал духовные и жизненные силы. Когда же он не имел возможности бывать в храме, то по благословению митрополита Зиновия совершал Литургию у себя в комнате, где были свой домашний Престол и жертвенник. Обычно он начинал служить в 4 часа утра и заканчивал в семь. До этого совершал продолжительную проскомидию, почти всю ночь вынимая частицы за живых и усопших. Матушка Мария в это время читала помянники. И никто не подозревал, что за самой обыкновенной калиткой на незамет-

ной улочке, тянувшейся вдоль горного склона, кроется самый настоящий монастырь.

В 1970-е годы в России и Грузии число действующих монастырей исчислялось единицами, а здесь совершались тайные постриги и восполнялось число монашествующих — необходимых миру молитвенников. И название у обители было необычное, двойное — «Святорусско-Иверская женская обитель во имя Боголюбско-Взыскание погибших Матери Божией». Так назвали ее владыка Зиновий и отец Виталий, а основательницей они считали саму Божию Матерь.

Постриженицы жили в Тбилиси, Таганроге, Новосибирске, Донецке, Сухуми, Перми, Одессе, Воронеже, на Дальнем Востоке, Донбассе, Сибири... Жили в основном в миру, каждая выполняя свое послушание и служа ближним на своем месте. Но их духовной родиной остается этот уголок на окраине Тбилиси. Святейший Патриарх Илия назвал его монашеским уделом, который необходимо сохранить для будущего*.

Отец Виталий любил монашество. Он сам посвятил всю свою жизнь Богу и многих своих чад привел к ангельскому образу, безошибочно ведая от Бога призвание человека к иночеству даже тогда, когда сам человек еще и не помышлял об этом.

Он как-то сказал о монашеском постриге так: «Сам не проси, но когда предлагают — не отказывайся». И те, кто по слабости или по ложному смирению считали себя недостойными и отказывались, потом горько раскаивались всю жизнь. Но не спешил отец Виталий и давать свое благословение на уход в монастырь, поскольку там, как он говорил, такие большие скорби, что не все могут их понести. Так одной инокине он сказал: «Твой монастырь у тебя дома» — у нее были больны мать и сестра.

---

* Схиигумения Серафима говорит: «Умирая, старцы не оставили нашу маленькую обитель, но вручили всех под покров молитв Святейшего Патриарха Илии II. Наша святая обитель жива, и все мы не забыты, в каком бы ни были краю земли, и хранит Господь удел, где получали радость и утешение».

Все постриги на Дидубе совершались по благословению владыки Зиновия. Он же нарекал и имена постриженным. Сам Владыка от рук отца Виталия тайно принял схиму с именем Серафим – в честь светильника Русской земли Серафима Саровского. Произошло это в день памяти Преподобного года за два до смерти владыки Зиновия, когда старец тяжело болел и готовился отойти в вечность.

Многие отмечали особенное благоговейное отношение, которое испытывал отец Виталий к этому Богомудрому старцу. Встречая его, Батюшка падал Владыке в ножки, испрашивая благословения. Когда духовные чада отца Виталия приезжали к нему за советом в Тбилиси, он всегда сначала посылал к Владыке: «Как Владыка благословит». И не было случая, чтобы у обоих старцев в чем-то случались расхождения.

Отец Виталий сострадал болезням своего Владыки так, как умел только он один. У владыки Зиновия были трофические язвы на ногах, которые образовались еще во время Первой мировой войны, а ухудшение наступило после обморожения в 1930-х годах, когда Владыку сослали на строительство Беломоро-Балтийского канала. Язвы эти причиняли ему мучительные нестерпимые боли. Чтобы как-то снять зуд в ногах, приходилось иногда поливать их кипятком. В такие моменты сугубых физических страданий Владыка получал от отца Виталия не только духовную поддержку, но и облегчение своей болезни. Он просил, чтобы отец Виталий навещал его каждый день. Приходя к Владыке, отец Виталий садился на коврик у его кровати и они беседовали. «А сам, – вспоминал отец Виталий, – как пройду несколько кругов Иисусовой молитвы – и ему становится легче».

Однажды, когда владыке Зиновию было особенно плохо, отец Виталий со слезами молился, чтобы Господь послал эту болезнь ему. И у отца Виталия открылась на ноге язва, а Владыка спокойно уснул, почувствовав себя здоровым.

Схиигумения Серафима:

«Когда владыка Зиновий был при смерти и дышал только с помощью кислородной подушки, он велел привезти к себе ночью

отца Виталия. Тот взял икону Воскресения Христова и поднес ее Владыке. Тот, имея великую веру, что отец Виталий привез Самого Господа воскресить его, быстро поправился и на второй день уже вынимал частицы на Литургии.

Владыка дорожил отцом Виталием. Вокруг шли бури, а он ограждал отца Виталия своей молитвой. Он не раз говорил нам с братом Отари: "Молю Царицу Небесную, чтобы она продлила жизнь отца Виталия, он будет хоронить меня". Так и сбылось.

Незадолго до смерти Владыки к нему приехали священнослужители из России. Они беседовали с ним, а отец Виталий сидел на полу у его ног. Владыка показал рукой на отца Виталия и произнес: "Отец Виталий заменит нас – отца Серафима, отца Андроника и меня". Все поклонились до земли. Умирая, Владыка повторил отцу Виталию: "Оставляю тебе чад своих. Будь им помощник в скорбях, утешай всех. А мы, если сподобимся иметь у Бога дерзновение, будем помогать"».

Самого отца Виталия и матушку Серафиму владыка Зиновий передал Святейшему Патриарху Грузии: «Ваш старец – Святейший Илия, он мой сын, он хороший». И не благословил их никуда не уезжать из Святой Иверии.

Грузия уже вошла в большое и любвеобильное сердце отца Виталия. Унаследовав эту любовь от владыки Зиновия, он воспринимал историю этой древней православной земли, боль и страдания ее народа как свои, он полюбил грузинское Богослужение с его древними церковными распевами, глубоко почитал Святых Грузинской Церкви. Став свидетелем военных действий в Тбилиси, сопровождавших политический переворот, и начавшуюся войну с Абхазией, отец Виталий жил скорбями Грузии и по-монашески, то есть молитвенно участвовал в трагических событиях, которые выпали на долю ее народа на рубеже 1990-х годов. Отец Виталий отдавал все свои духовные силы на молитву о спасении Иверской страны. По свидетельству живших с ним в это время монахинь, он каждый час иконой благословлял все стороны, ограждая Тбилиси от всяких бедствий.

Многие в Тбилиси знают о таком случае. В дни вооруженного конфликта вблизи железнодорожной станции Дидубе стоял состав вагонов со снарядами, который стал мишенью для боевых ракет. Огненные взрывы застилали небо, казалось, весь поселок будет уничтожен в огне. Люди стали выбегать из своих домов в страхе и панике. Когда начались взрывы, отец Виталий взял Феодоровскую икону Божией Матери и в сопровождении двух матушек и священника, которые оказались в то время в его доме, пошел в конец улицы на высокое открытое место, откуда была видна вся страшная картина обстрела. Стоящим рядом с ним он велел читать Иисусову молитву и кроме молитвы не произносить ни одного слова. Высоко подняв икону Божией Матери, он едва успевал крестить ею смертоносные снаряды, которые взрывались в воздухе в стороне от поселка, не причиняя вреда людям.

Монахиня Инна:
«Одна ракета летела прямо на нас. Я даже слышала, как она свистит. Но и она, не долетев, повернула назад».

Схиигумения Серафима:
«Два с половиной часа продолжалось это моление. Люди, увидев такое чудо, подходили к отцу Виталию и спасались от огня рядом с ним. Ни один человек не пострадал. Когда все стихло, мы вернулись к себе. Во дворе не было ни одной гильзы, а в доме, как всегда горели лампады, было спокойно и мирно».

Когда началась война в Сухуми, отец Виталий сделал из воска большую свечу и возжег ее. Свеча горела с шумным треском, сильно коптила и воск стал кусками отпадать от нее. Сестры испугались пожара, но отец Виталий не разрешил ее гасить и сказал: «Как ведут себя в Сухуми — фырчат друг на друга, так свеча и показывает».

В это скорбное время он советовал живущим в Сухуми нести свои горести на могилку схиархимандрита Серафима (Романцова) и все рассказывать старцу, как живому, а если нет возможности пойти к нему, то мысленно просить: «Господи,

молитвами моих родителей и всех, молящихся о мне, помоги и благослови».

Находящимся в смертельной опасности он благословил читать ежедневно 26, 50 и 90-й псалмы, а также 100 Иисусовых молитв. Кто это исполнял, был сохранен сам со всем своим домом.

Одной своей духовной дочери отец Виталий явился во сне в мантии, с четками, и обошел ее сухумский дом. При этом он сказал: «Я здесь охраняю, не бойтесь...» И, действительно, дом этот не пострадал ни от обстрела, ни от грабежа.

Когда началось братское кровопролитие, он молился по ночам, стоя на камне, прося Господа сохранить святую Иверию и паству Христову, а Святейшему просил дать духа премудрости, чтобы сдержать братоубийство. Сам же он взял на себя в то время подвиг молчания и воздержания в пище, вкушая только хлеб и воду, а иногда отказываясь от нее совсем.

Его сердце могло откликаться на чужую боль таким пронзительным порывом любви, который кажется невозможным для человека. «Я говорю себе, – читаем мы в его письме, – так я виноват, что через меня святые люди кровь льют, везде идет страдание, да лучше бы меня зарезали или убили, или потопили, или повесили, нежели столько людей Божиих страдает».

За несколько лет до этих событий отец Виталий говорил о предстоящих бедствиях: «Будет на земле страшная кровь, братоубийство, голод. Не выбрасывайте пищу, будете рады и отбросам... Люди будут искать жизни в других странах... Познайте каждый себя и поймете, что в том, что совершается в мире, есть и наша вина, это наши грехи».

Когда к нему обращались за благословением на отъезд из Грузии, он отвечал: «Нет на то воли Божией. Надо быть на своих местах, и Господь сам управит. Ищите Господа – и Господь к вам придет». Те же, кто все-таки продавали свои дома и уезжали без благословения, потом горько сожалели.

Отец Виталий видел, как скорби, смерть, лишения, которые выпали на долю грузин, приблизили этот народ к Богу,

укрепили веру и упование на помощь Всевышнего. «А Россия спит», – неоднократно с грустью говорил он, имея в виду наше душевное омертвение в условиях обманчивого внешнего благополучия. Видимо, прозревая будущие испытания России, он редко говорил об этом, ибо мало кто может понести такое знание...

Но мир стоит молитвою, и молитва была главным послушанием старца Виталия. Вместе с благодатью священства он приобрел особую благодать молиться за других. В храм он приходил задолго до начала Литургии. Проскомидию совершал с вечера, чтобы успеть вынуть множество частиц за живых и усопших. Отец Виталий говорил, что когда за человека вынимается из просфоры частичка, он исправляется. И советовал всегда подавать записки на проскомидию.

Анна П. (г. Таганрог):
«Мне Батюшка как-то сказал, что, когда он вынимает частички, то видит всех, кого поминает. Он предупредил, чтобы я при его жизни никому об этом не рассказывала. Сам отец Виталий, скрывая от окружающих свои духовные дарования, говорил так: "Вот отец Андроник, когда вынимает частички на проскомидии, то все, кого он поминает, стоят в алтаре, в ожидании получить свою частичку, несмотря на то, что там огонь. Там можно увидеть и другое..."».

Однажды сторож храма Святого Александра Невского ночью увидел, что весь храм наполнен людьми. «Как они сюда вошли, – подумал он, – ведь церковь заперта?» А в это время отец Виталий совершал в алтаре проскомидию – это «стояли» те, кого он поминал. Настолько была велика потребность усопших душ в молитве праведника.

Священник Павел Косач (г. Тбилиси):
«Я тогда был диаконом. Отец Виталий на проскомидии вынимал очень много частиц, особенно во время поста – он очень за многих молился. Мне было трудно сразу потребить столько

частиц. Тогда он предлагал: "Давай вместе". И всегда радовался этому».

Особо следует сказать о помянниках отца Виталия. Это несколько пухлых записных книжек, куда были вписаны имена сотен людей, которых отец Виталий поминал ежедневно. Список о упокоении начинался с иверских, карталинских, кахетинских, абхазских, имеритинских и других грузинских царей с древнейших времен. Далее поименно поминались Византийские императоры, Русские Великие князья, Русские цари и императоры, первосвятители и патриархи православных церквей. Особо были выделены убиенные в советские годы епископы, архимандриты, игумены, иеросхимонахи, иеромонахи, протоиреи, иереи, иеродиаконы и монашествующие. Если не были известны имена, то записывалось общее количество погибших — «две тысячи человек, потопленных на пароходе» (новоафонских монахов)*.

Рядом с именами поминаемых Батюшка часто писал название города, откуда они. География его духовничества — это Россия, Украина, Грузия, Эстония, Польша, США...

Когда отец Виталий болел, то вынимал частицы, лежа в постели, — помянники же давал читать своим чадам и строго следил, чтобы каждое имя было четко произнесено.

И как всякое Богоугодное дело вызывает ненависть врага рода человеческого, так и отцу Виталию однажды явился враг и сказал: «Я тебе отомщу за синодик».

Месть последовала прежде всего через близких ему людей. Для некоторых из них совсем была закрыта подвижническая сторона его жизни, а та любовь, которую имели к нему прихожане и владыка Зиновий, вызывала лишь зависть...

---

* Инокиня Лидия Чикина из Гудаут вспоминала, как отец Виталий рассказывал ей и другим, сколько мучеников было потоплено у берегов Черного моря в 20–30-е годы. «Это море святое, — говорил он, — ходите по утрам в нем купаться». Когда ему возразили: «Батюшка, там столько голых на пляже», — он отвечал: «Матушка, что ты говоришь. Это все ангелы Божии, никаких голых там нет».

Схиигумения Серафима:
«Одно время отца Виталия вычеркивали из помянников, в храме не поминали, считали еретиком, хотели даже снять сан, но под запретом он никогда не был. Год я с ним не ездила в храм. Он вставал под образами и со слезами молился: "Божия Матерь, я не еретик". Я его утешала, что Господь все знает и нам поможет. Приезжал к нам и владыка Зиновий, утешал, молился за отца Виталия.
Больно было слышать, в чем его порицают. Говорили, что он имеет молитву, милостив, но блудник, живет с монашками под одной крышей. На это отец Виталий отвечал: "Я живу по послушанию старцев". Я скорбела, а он радовался: "Сколько, сестра, тебе награды, не теряй ее, неси с любовью"».

Священник Павел Косач:
«На него очень много нападок было. Другой на его месте просто с ума бы сошел. Я поражался его терпению, кротости и смирению. Другой бы вспылил, закричал, а он – никогда».

Как-то в доверительной беседе со своим духовным сыном, ставшим впоследствии епископом, отец Виталий сказал: «А про меня говорят, что я колдун, что мне кланяются как идолу, что у меня есть дети, которых я закопал в землю младенцами, что я крещу мертвых и отпеваю, что я архиерейская лисица и подлиза». Говорил он об этом, улыбаясь, но потом с глубокой грустью добавил: «На моем месте никто из вас не смог бы и часа одного прожить». Такие скорби он нес, терпя поношения и клевету.

Но, подражая Господу, смирившему Себя до заушений, оплеваний и крестной смерти, отец Виталий не обижался на оскорбления, напротив, – он словно бы искал поношения, искал глубины смирения, чтобы быть в един дух с Господом. Когда кто-нибудь начинал жаловаться на своего обидчика, он говорил: «Он не враг тебе, а благодетель, ибо учит смиренномудрию». Сам отец Виталий искренне жалел своих обидчиков; когда Господь наказывал их скорбями и болезнями, он

говорил: «Я рад, что на меня наговаривают, только они потом страдают».

В одной беседе отец Виталий как-то сказал: «Будет большое испытание тем, кто порицал других, не зная воли Божией. Они впадут в большое искушение».

Его любовь покрывала и прощала людские пороки и немощи, за что потом даже враги его стали видеть в нем истинного раба Божия и подвижника. А некоторые только после его смерти поняли, на кого они возводили напраслину.

Тбилисский период жизни старца Виталия был полон тяжелейшими скорбями и великими духовными утешениями. Все, что приходилось ему пережить, он принимал как от руки Самого Господа и за все благодарил. Посылая же весточки из Тбилиси своим чадам, он с любовью прибавлял в конце письма: «Святый Тбилиси шлет земной поклон».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поездки в Россию

Бурдино

Однажды в Тбилиси отца Виталия посетили прихожане Вознесенского храма из села Бурдино Липецкой области. Приехали они к нему со своей скорбью – храм, возвращенный верующим в 1945 году, долгие годы стоял полуразрушенный, службы проходили редко. Сидя с сестрами, отец Виталий стал рассказывать, как Господь и Царица Небесная воздвигли из разрушенного храма прекрасный монастырь, куда слетелось множество птиц – и орлы, и голубицы. «А сколько осталось еще кирпича!» – неожиданно добавил он. Сестры заплакали: «Вот бы нам этот кирпич», – не догадываясь, к чему относились слова прозорливого старца.

После их отъезда владыка Зиновий благословил отца Виталия и матушку Марию ехать в Бурдино и помочь восстановлению храма. Узнав об этом, за Батюшкой потянулись и его духовные чада из разных уголков России*.

---

* Так, в 1970-е годы в Бурдино приезжали потрудиться: иеродиакон Алексий (Фролов, с 1995 г. епископ Орехово-Зуевский), Николай Васин (в монашестве Никон, с 1996 г. епископ Задонский), Николай Моисеев (в монашестве Феофилакт, с 2002 г. епископ Брянский и Севский).

Живо откликнулось и местное население, хотя время было такое, что не то что строить, ходить в храмы открыто нельзя было – сразу же возникали осложнения на работе.

Начало трудам положил отец Виталий. Он отнес в храм все иконы из своего святого угла, поставил в центре двухметровую восковую свечу за тех, кто помогал строительству, и благословил верующих читать акафисты и Псалтирь.

Местные власти испугались возрождения храма, при котором стала быстро расти монашеская община*,но запретить не могли – храм строился помимо их разрешений и запретов каким-то необъяснимым образом. Нужны были кирпич, вода, цемент и – о чудо! – машины сами шли к храму и водители предлагали: «Кирпич нужен?», – а директор совхоза присылал в цистернах воду, остановив даже строительство клуба. Однажды оказалось, что недостает пяти машин кирпича на ограду – тогда люди стали собирать в округе камни.

Протоиерей Анатолий Солопов** (г. Мичуринск):
«Существовало официальное положение: если ограда возведена быстро и окончательно без ведома властей, она не ломалась. Но если хотя бы одного метра не хватало до завершения и об этом узнавали власти, то ограду эту немедленно разрушали...
Все понимали, что это почти катастрофа, поскольку наутро должна приехать комиссия от уполномоченного по делам религии – вероятно, кто-то сообщил властям. Все взоры были устремлены на отца Виталия, который молился в храме».

Отец Виталий усилил молитву, призывая на помощь Господа Иисуса Христа и Божию Матерь. И стена выросла прямо на глазах. Когда наконец пришли машины с кирпичом, он оказался уже не нужен. Многие тогда плакали, видя в этом явное чудо Божие.

---

* Здесь и ранее был монастырь, но в царствование Императрицы Екатерины II его упразднили, и храм сделался сельским приходским.

** Полностью воспоминания опубликованы в "Задонском паломнике", 2000, № 4(17).

Так по молитвам старцев упразднилась «мерзость запустения» в святом месте и был возрожден дух монашеской жизни там, где триста лет назад Пресвятая Богородица собрала под Своим омофором женскую Покровскую обитель. Как и предсказывал отец Виталий, в Бурдино, словно голубицы слетелись сестры, желавшие иночества. Все они несли различные послушания, а многие из них приняли здесь постриг. Только в церковном хоре собралось около сорока человек, пение сестер услаждало душу и располагало к молитве, церковные службы привлекали множество людей. За духовным окормлением в Бурдино стали приезжать из разных уголков России.

Схиигумения Серафима:

«Посетил эту обитель и наш дорогой владыка Зиновий. О его приезде никто заранее не знал, но все жаждали видеть дивного старца, и Господь так и сотворил. Неожиданно в Бурдино съехалось много священников с соседних областей, и даже с Урала. Отец Виталий прямо "летал" от радости. Он облачил всех священников, монахиням велел одеться по форме, устлал храм коврами для встречи архиерея. И мы вышли навстречу машине, на которой в тот момент подъехал владыка Зиновий. Он сам плакал, видя такое чудо.

Потом отца Виталия спрашивали: "Когда же пришла телеграмма о приезде Владыки?" Он ответил: "Как Господь сказал Апостолам – ждите, так и эти отцы много ждали, чтобы увидеть владыку-старца, митрополита Зиновия. И он прилетел утешить своих чад"».

Владыка Зиновий приезжал на отдых в Бурдино летом в 1977–79 годах. После первого приезда он сказал: «Я думал найти здесь только лес да речку, а нашел любовь». Он был тронут не только необыкновенно теплым приемом, но и тем, какую любовь он увидел между живущими здесь сестрами.

Старцы поселились на самой окраине села в маленьких избушечках, скорее напоминающих русские баньки. Вокруг был фруктовый сад и высокие березы, закрывающие этот уго-

лок от посторонних глаз лучше глухого забора. Заросли черемухи, буйно цветущей весной, ограждали сад со стороны речки. Это был мир сосредоточенной уединенной молитвы, благодатной тишины и покоя. В этой избушечке, где высокому человеку трудно было встать в рост, отец Виталий сподобился видеть Пречистую Деву...

Много потом ездил Батюшка, навещая своих чад в Тамбовской, Воронежской, Липецкой и Курской областях, но о Бурдино он говорил: «Везде я был в гостях, а здесь для меня дом родной».

Сергиев Посад

В конце 1970-х годов у отца Виталия обострилась его желудочная болезнь. «Что такое язва? – как-то признался он, – это как сноп игл вонзается». Но он никогда не жаловался и как всегда говорил: «Я здрав». А сам, бывало, чтобы не закричать от боли, бегал вприпрыжку по двору, как бы юродствуя, и делал вид, что ему очень весело... Так боялся он огорчить близких. Только по цвету лица можно было определить, как ему плохо и какую боль он переносил. Сила Божественной благодати, в которой он пребывал, помогала ему терпеть и превозмогать физические страдания. Он по-прежнему оставался радостным, мирным, отзывчивым на чужую боль. И если

---

* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин, 1940–1994) – выдающийся археограф, богослов, историк Церкви, педагог. Около тридцати лет работал в издательском отделе Московского Патриархата, участвовал в издании Священного Писания и Богослужебных книг (Минеи, Службы Русским Святым), работал над уникальным изданием 10-томной Русской Библии. На протяжении многих лет собирал материалы для патрологии отечественных Святых, проявлял особый интерес к грузинским святыням и подвижникам. Много раз бывал в Тбилиси у владыки Зиновия и отца Виталия. Находился в переписке с отцом Виталием и часто спрашивал его советов и благословения. В 40-летнем возрасте по старческому благословению тайно принял схиму с именем Сергий. По косвенным свидетельствам можно предположить, что произошло это в 1980 году в его доме в Сергиевом Посаде,

бы не настояния матушки Марии и многочисленных чад, желавших его выздоровления, он не стал бы и лечиться.

Было решено ехать на лечение в Россию. В мае 1979 года отец Виталий прибыл в Свято-Троице-Сергиеву Лавру под благословение Преподобного Сергия. Знавший его по Тбилиси преподаватель Московских Духовных школ архимандрит Иннокентий* предложил ему поселиться в своем доме на Бульварной улице, расположенной вдоль светлой березовой аллеи. Здесь, в старом уголке Сергиева Посада, отец Виталий около двух лет находил домашнее тепло, заботу о своем здоровье и необходимый медицинский уход.

И опять отец Виталий мучился от сознания того, что недостоин такой любви и внимания. Ухаживающей за ним медсестре при первой встрече он представился так: «Вот сидит раб Божий недостойный, а ведь он схимник». Если кто-то приносил ему фрукты, он говорил: «Кому это все принесли? Он тут спит себе, валяется на кровати с боку на бок, а ему несут такие дары небесные».

Когда мать Мария ходила звонить в Тбилиси владыке Зиновию, отец Виталий сокрушался: «Нет бы сказать Владыке: "Владыка святый, он валяется весь день на кровати, ест, аки поросенок, все что хочет". Владыка бы успокоился и порадовался за меня. А она идет сейчас к нему и рассказывает, что я плохо ем, плохо себя чувствую, и Владыку этим огорчает. Владыка не знает как мне помочь, переживает; а у него у самого столько дел, он такую епархию возглавляет и столько у него духовных чад, а он еще обо мне думает».

когда там пребывали владыка Зиновий и отец Виталий. По словам монахини Андроники, отец Виталий на вопрос, к кому обращаться после его смерти, сказал: «После меня отец Иннокентий поведет корабль». Но внезапный сердечный удар, последовавший вскоре после бандитского нападения на отца Иннокентия в Иосифо-Волоцком монастыре, преждевременно прервал его жизнь. Тело архимандрита Иннокентия покоится в Московском Новоспасском монастыре, где он провел последний год своей жизни, продолжая заниматься издательской работой.

Приходили врачи, обследовали, назначали лечение, но улучшения не наступало. Нужна была операция.

Клавдия Павловна Грачева, хирург:

«Медсестра нашего отделения Раиса Александровна, которая часто бывала в Лавре, попросила меня однажды приехать в Сергиев Посад посмотреть одного больного монаха.

За мной в институт приехал отец Иннокентий и повез на машине в свой дом на Бульварной улице. Когда мы поднялись в светелку небольшого деревянного дома, отец Виталий сидел на корточках на полу возле железного листа со свечами. Он смотрел на нас своими глубокими голубыми глазами и улыбался. Этот взгляд как-то сразу запал мне в душу. Я увидела большого ребенка. На нем был светлый, чистый и аккуратно отутюженный подрясник. Обстановка комнаты была предельно простой: две железные кровати, покрытые серыми солдатскими одеялами – его и отца Иннокентия. В углу иконы, у окна горели стоявшие в два ряда большие свечи, сделанные отцом Виталием. И хотя отец Виталий встретил меня улыбаясь, я сразу увидела, что он тяжело болен. Но он и слушать не хотел о том, чтобы лечиться. С большим трудом я уговорила его лечь в клинику. Провести обследование тоже было не просто. Отец Виталий все повторял: "Нет благословения владыки Зиновия". Без его благословения он не делал ни шагу.

У отца Виталия оказалась запущенная язва желудка. Нужна была операция, но он не соглашался. Выписался из больницы, но состояние не улучшалось. Опять лег и опять выписался. Ему становилось все хуже. Он не мог есть, его постоянно рвало. Медсестра Лена откачивала из его желудка по 4 литра жидкости. Все осложнялось еще и тем, что кроме язвы у него были больные почки и туберкулез бедренной кости левой ноги.

Наконец, удалось связаться с Тбилиси и благословение на операцию от владыки Зиновия было получено».

Схиигумения Серафима:

«Мы ждали звонка из больницы о начале операции, чтобы начать служить Литургию. Я в это время лежала на крова-

ти – силы оставили меня, но я не спала. Вдруг вижу, едет ко мне коляска, на ней лежит отец Виталий, поклонился. Я вскочила: "Отца Виталия повезли на операцию!" И тут раздается телефонный звонок, что отцу Виталию начали делать операцию.

Мы сообщили священнослужителям и знакомым в московских храмах, в Тбилиси, – везде на Литургии молились о здоровье Батюшки. В Таганроге о его здравии каждый день читали 20 акафистов Спасителю и 20 акафистов Божией Матери, а также неусыпаемую Псалтирь».

Клавдия Павловна Грачева:

«Настал день операции. Я встала к операционному столу, а медсестра Рая заняла место за моей спиной и читала молитвы. Отец Иннокентий все это время в волнении ходил по двору института и, видимо, молился.

Операция была очень не простой. Язва дала многочисленные рубцы – пришлось удалить 2/3 желудка. Ткань была настолько истончена, что под проколами ниток просто рвалась. Только на третий раз удалось наложить швы. Отец Виталий перенес операцию благополучно».

Епископ Задонский Никон (Васин):

«Впоследствии отец Виталий рассказал мне, что во время операции в Москве ему явились святой великомученик Феодор Стратилат и святая мученица Ирина, и святой Феодор накрыл его своей мантией. Отец Виталий считал, что эти святые спасли ему жизнь».*

Схиигумения Серафима:

«Когда отцу Виталию делали операцию, мало кто верил, что он выживет. Врачи говорили: "Что это Клавдия Павловна копается в трупе?"

---

* Во имя святого великомученика Феодора Стратилата и мученицы Ирины освящен южный придел Успенского собора Свято-Троице-Сергиевой Лавры.

После операции отец Виталий провел в реанимации 5 дней. Нас к нему не допускали. Когда его перевели в палату, его пришел навестить один епископ. Я слышала, как отец Виталий ему рассказывал, что в эти дни был восхищен на Небо, но пришла Царица Небесная и сказала: "Возвратить на землю, ибо слезы омочили все". Епископ спросил: "Чем вы там питались?" Отец Виталий ответил, что там было дерево, с листочков которого капала вода, и он жил ею.
Врачи дивились чуду Божию, они не верили, что мы сможем повезти отца Виталия в Тбилиси».

Находясь в больнице, отец Виталий не оставлял своей заботы о ближних и продолжал служить каждому, чем мог. Если в отделении был тяжелый больной, он ночью становился перед его кроватью на колени и молился. Если видел на больном окровавленную рубашку, он снимал с себя чистую и надевал на него. Помогая нянечкам развозить по палатам еду, незаметно отдавал кому-то из больных свою порцию, несмотря на то, что сам нуждался в усиленном питании. Все, что ему приносили, раздавал, даже лекарства. Он говорил: «Я не от лекарств буду здоров, а оттого, что их раздам». А одной сестре, которая сокрушалась, что Батюшка ничего себе не оставляет, сказал: «А хочешь знать? Только этим я и жив». Даже в болезни он не искал, как ублажить себя — чтобы враг не подступал к изнеженной плоти. Когда ему назначали теплый душ, он становился под холодный. От еды в постные дни отказывался, и только получив благословение владыки Зиновия кушать все, что велит врач, начал понемножку принимать пищу. Дело пошло на поправку.

Когда его навестил отец Никон, Батюшка пожаловался ему на себя: «Сегодня среда, а я молоко ем, и Господь меня не наказывает. Смотрите, и вы не наказывайте никого».

Чтобы быть под наблюдением врачей, отец Виталий остался пожить еще некоторое время в Сергиевом Посаде. В это время старца Виталия посещали и насельники Лавры, и миряне.

Архимандрит Платон (Игумнов):

«Я узнал об отце Виталии в 1979 году, когда окончил Духовную Академию и готовился принять священный сан. Нас познакомил отец Иннокентий, который сказал мне и другим преподавателям Академии: "Вы имеете величайшую возможность услышать человека Божия". Отец Иннокентий говорил, что слова отца Виталия имеют необыкновенную ценность, что каждое его слово надо ловить и внимать ему, жить этим словом, потому что это словеса Божии, обращенные лично к нам.

Отец Виталий принимал нас в светелке на втором этаже. Он сидел на полу, поджав под себя ноги, и вел беседы. Он рассказывал нам о смирении, о послушании, о том, что отсечение своей воли – самое ценное в монашеской жизни. Говорил отец Виталий очень просто, приводил поучения Святых Отцов, иногда примеры из житий, или начинал рассказывать как бы о себе, о своем недостоинстве, о каких-то своих ошибках, таким образом прикровенно назидая кого-то из окружающих.

Когда я смотрел на отца Виталия, бывало такое впечатление, что он к чему-то прислушивается, будто получает что-то извне, ведя с кем-то невидимый диалог. Для нас он говорил как бы внешне, но главное для него совершалось не здесь. Он словно внимал чему-то, получая какое-то наставление, чтобы передать его другим. Получал, и тут же отдавал.

Я помню его наставление о том, с каким благоговением надо относиться к Престолу Божию. Он говорил, что это нечто живое, одушевленное, и прикладываться надо к нему как к живому телу. Престол в храме – это тело Христово.

В домике на Бульварной, по всей видимости, служились Литургии. Там стоял шкафчик, где хранился антиминс и все необходимое для Богослужения. Проходя мимо этого шкафчика, отец Виталий и отец Иннокентий осеняли себя крестом.

В облике отца Виталия была особая просветленность. Он был самой любовью. И проявлялось это прежде всего в его взгляде, который был не просто спокойным, радостным, а каким-то веселым, по-детски озорным».

В скромный домик на Бульварной потянулись люди не только из Сергиева Посада, но и из Москвы. После беседы с отцом Виталием человек ощущал такую необыкновенную любовь, исходящую от него, что он не мог не поделиться с кем-то из своих близких об этой встрече. Так по цепочке, друг от друга, узнавали люди о великом старце.

Когда пришло время возвращаться в Тбилиси, трудно было отцу Виталию расставаться с людьми, ставшими ему близкими и родными, но всех их увозил Батюшка в своей молитвенной памяти, в своем широком сердце, в котором никому не было тесно.

Клавдия Павловна Грачева:

«Когда они возвратились в Тбилиси, мы стали перезваниваться. Мать Мария часто консультировалась со мной, как лечить отца Виталия (у него продолжали болеть почки). Из Тбилиси я получала от них письма, посылки. Каждая посылка – это было настоящее произведение искусства, настолько красиво все было упаковано и увязано ленточками.

В письмах мать Мария подробно писала о состоянии отца Виталия, а на другой стороне листа писал отец Виталий: "Возлюбленная мать Клавдия! У меня все хорошо. Это болеет мать Мария". Обычно письмо кончалось призывом: "Спасайтесь!"».

Промыслительно, что в эти годы схиархимандрит Виталий стал известен как великий светильник духа не только в Иверии, где прошла половина его жизни, но и в сердце православной России – Москве, в Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Многим он давал силы для несения жизненного креста, укреплял души в трудной и опасной борьбе с внутренним человеком – с самим собой. В этом служении людям и было основное призвание старца Виталия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Крест старчества

Крест старчества был возложен на брата Виталия с того самого момента, когда к нему потянулись люди, и он начал открывать для них Православие, наставлять и укреплять в вере. А с принятием священного сана духовничество стало главным делом его жизни. Обитающая в нем сила духа и любовь влекла к себе всех. Батюшка притягивал людей как сильный магнит, всех объединял, всех роднил. «Весь мир — мои папы и мамы. У меня нет чужих — все родные», — писал он в письме. Он ощущал себя богачом, и главным богатством, которым одарил его Господь, была жертвенная, не имеющая границ Любовь.

Она светилась во всех его движениях, в разговоре, во взгляде. Многие, видя его, начинали плакать. Самые черствые сердца смягчались, чувствуя исходящую от него благодать. В его присутствии проходили все скорби, все тяжелое на душе уступало место тишине, покою, блаженной радости. Таково было действие этой Любви.

К нему приезжали люди со всей страны и из-за границы. Одни хотели узнать волю Божию в затруднительных жизненныхобстоятельствах, другим был необходим добрый совет и наставление, иной спешил очистить душу покаянием, а кто-то жаждал утешения в скорби. Каждый чувствовал ря-

дом с ним дыхание вечной жизни, его благодатная красота и величие духа вызывали трепет и благоговение, побуждали заботиться о спасении.

Здесь не было деления на плохих и хороших, на ученых и неграмотных — все были равны, никого не обделял отец Виталий своим вниманием, всех встречал с улыбкой и земным поклоном.

Татьяна (г. Ростов-на-Дону):

«У Батюшки было принято, когда входишь, прочитать молитву "Достойно есть", затем попросить у него благословения. В ответ Батюшка сам положит земной поклон, благословит, затем поцелует твою руку и попросит благословить его. При этом на меня находил страх – как это мне, мирянке, благословлять святого служителя церкви?

Батюшка учил нас при встрече приветствовать друг друга словами: "Христос посреде нас!" – и отвечать: "Есть и будет". Он говорил, что при произнесении этих слов Святой Дух осеняет нас, а кто был во вражде – примиряется».

Затем Батюшка начинал беседу, выслушивал каждого, утешал. При этом сам он всегда старался сесть на пол, а чад посадить перед собой на стульях, но все, как правило, устраивались вокруг него на полу. Он мог часами сидеть в одной позе, поджав под себя правую ногу, отчего у него на щиколотке даже образовалась мозоль.

От себя он не говорил ничего, а любил читать вслух писания Святых Отцов. Не каждый мог удержать внимание в течение всей беседы: враг рассеивал ум, клонило ко сну, возникали посторонние помыслы.

Е. А.:

«Однажды, когда я приехал к Батюшке, у меня возник помысел: "Все чтение, да чтение, – хочется живое слово услышать!" Тут отец Виталий отложил Святых Отцов и взялся рассказывать нам сказочку о непослушном воробышке, который упал из гнезда и чуть не угодил на завтрак коту, но был спасен

своей мамой-воробьихой. Я подумал: "Ну теперь сказки начали рассказывать... То Святые Отцы, то сказки какие-то". Вдруг отец Виталий и говорит: "Вот ведь, никак не угодишь: и Отцы – плохо, и сказки – плохо. А чем сказка плоха? Кот – это дьявол, воробышек – духовное чадо, а воробьиха – духовный наставник"».

Имея дар проникновения в тайники человеческих сердец, отец Виталий побуждал всецело отдаваться его руководству. Словно живая святая книга он отвечал на все запросы ума и сердца.

Игумен Мефодий (Морозов):
«Разговор с отцом Виталием – это ответы на вопросы, которых не задаешь. Хотя он говорил сразу со многими людьми, ты всегда понимал, что предназначалось именно для тебя».

Елена К.:
«Начинает, например, отец Виталий что-нибудь рассказывать из житий Святых, а человек вдруг заплачет и говорит: "Батюшка, простите". Значит, он что-то затронул в его душе и именно для него вел свое повествование».

Но не одними словами воспитывал души отец Виталий. Всей своей жизнью, своими поступками он и обличал, и наставлял. Он нередко повторял: «Смотрите на меня и учитесь».

Сам Батюшка как-то рассказал о себе: «В молодости я видел одного старца. Я был с этим старцем только один день. Я увидел его любовь, и это у меня осталось на всю жизнь». И сам он стал таким живым примером любви. Отец Виталий говорил: «Ничего нет сложного, если будешь любить людей, искренне будешь стараться им помочь. Тогда тебе будет очень легко жить».

Любовью он прозревал нужды людей и из далекого Тбилиси, высылал в разные уголки России то, что было в данный момент им необходимо: кому продукты, кому деньги,

кому одежду, а кому бутылочку лампадного масла. В заполярный Мурманск он отсылал по почте свежие фрукты в простой стеклянной банке – и они доходили. Батюшка безпокоился о своих чадах, как только может безпокоиться любвеобильная мать. Все в нем сочеталось: для каждого он мог быть и отцом, и матерью, и братом, и сестрой, и старцем, и сострадальцем.

Господь даровал отцу Виталию такую память, что он помнил всех, кто хоть раз приезжал к нему, и даже их родственников. Тем же, кто жаловался на свою забывчивость, говорил: «Память засоряется от грехов». И за всех он болел душой. Но подражать ему в любви было невозможно. Если кто-то уступал ему место в метро, он говорил, что за это должен вымолить у Господа спасение этому человеку, и других учил: «Когда уступаете место – Христу уступаете».

Приведем рассказ одной духовной дочери отца Виталия, ярко характеризующий это его качество:

> *«Шли мы как-то раз с Батюшкой на источник святого мученика Василиска, как овцы за пастырем. А навстречу идет пьяный мужчина и громко выкрикивает всякие ругательства. Когда он к нам приблизился, мы все с перепугу разбежались, а Батюшка не уклонился и пошел прямо ему навстречу, подошел, обнял и стал целовать. Как этот человек сразу переменился! Куда делись его грозный вид? А когда Батюшка его благословил, радости того человека не было предела. Он стал благодарить Батюшку и сказал, что еще никто так с ним не обращался. Как же нам сделалось тогда за себя стыдно! А Батюшка только спросил нас: "Где же ваша любовь к ближнему?"».*

Сам за свою жизнь никого не осудив, отец Виталий сразу пресекал недовольство другими, если оно у кого-то возникало. И в этом он следовал наставлению преподобного Серафима Саровского. «Отчего мы осуждаем братий своих? – записывает он в своем помяннике поучение святого, – оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят позна-

нием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других».

Бывало, если ему расскажут о чьем-то неблаговидном поступке, он обязательно вспомнит, что доброго совершил этот человек или просто помолится: «Боже, милостив буди мне грешному».

«Надо себя осуждать, винить и наказывать, а всех других любить и почитать за ангелов», – учил Батюшка. Так одной женщине, которая никак не могла ужиться со своей квартирной хозяйкой, Батюшка советовал: «А ты называй ее мамой и думай, что тебя Господь поселил там, где живут ангелы».

Однажды к нему приехала гостья из Таганрога. После трапезы она встала из-за стола и ушла, а женщины стали ворчать: «Ишь, барыня какая! Даже тарелочки за собой не убрала!» Тут входит Батюшка и со словами: «Ишь, барыня какая!» – начинает сам убирать посуду: «К нам сама Матерь Божия пожаловала, а вы...» В каждом госте он видел посланца Бога.

В другой раз отец Виталий увидел, что находящиеся у него на послушании женщины наблюдали, как ругаются соседи, осуждая их за это. Батюшка подходит и говорит: «Что же вы там слышите? А я слышу: один Акафист читает,а другой – канон». А когда встречал курящего человека, говорил, что видит, будто во рту у него свечка. Так он показывал, как надо отсекать плохие помыслы, обращая их в добрые, ибо в сердце, где есть место осуждению, не может быть любви.

Но особенно строг был отец Виталий к тем, кто дерзал осуждать священство. Так одной рабе Божией, которая впала в этот грех, он не разрешил причащаться и строго ее вразумил: «Смотри! Никогда не только патриарха или епископа, но и простого священника не осуди, – дашь за это строгий ответ. За него ангел служит, а ты смеешь осуждать. Ты будешь отвечать за него? Помышляй так: я – окаянная, а он – святой».

Сам отец Виталий являл собой пример того, как надо относиться к архиереям, Святейшему Патриарху и священству вообще. Это было не простым почитанием высшей церковной власти, это был благоговейный страх перед святостью сана и одновременно искренняя любовь к ним, как носителям Божественной благодати. О священниках он говорил так: «Когда священник служит, он подобен огню. Если бы он мог сам себя увидеть, он бы испугался – какое дерзновение имеет. Место, где стоял священник во время службы, целовать надо. Оно освящается благодатью».

Одна раба Божия спросила Батюшку:

– А если я, например, вижу, что другие плохо поступают, как тут избежать осуждения?

– А что ты можешь видеть? И кто ты такая, чтобы судить другого человека? Господь его терпит, а ты берешься судить. Он потом покается и будет на Небесах, а ты туда пойдешь (и показал вниз). Старайся лучше сразу же помолиться об этом человеке. А так не обращай внимания ни на что – что бы перед тобой ни было. Враг над нами может подшутить и показать то, чего на самом деле и не было, поэтому не спеши делать выводы.

И тут он привел случаи из житий тех Святых, которым враг нарочно являлся в образе монаха неблагопристойного поведения, чтобы смутить спасающегося и затем увлечь в погибель.

Отец Виталий и сам боялся нечаянно смутить кого-нибудь неосторожным словом или поступком. Например, много лет заветным его желанием было соблюсти пост от Вознесения до Троицы, как некогда апостолы пребывали в посте в ожидании сошествия на них Святаго Духа. Но в этот промежуток времени к Батюшке в гости обязательно приезжал кто-либо из священников, не возлагавших на себя этого добровольного поста. И тогда отцу Виталию приходилось за общей трапезой есть вместе с ними скоромное, дабы своим воздержанием не укорить их.

Нина (г. Батуми):

«Было у меня послушание на кухне. Покормила я людей, потом другие пришли – снова кормлю. Все вокруг Батюшки собрались слушать, что он будет говорить. Я стала возмущаться про себя: "Никто не остался посуду помыть, а я тоже хочу послушать Батюшку". Только я это помыслила, вдруг прибегает на кухню отец Виталий, и так быстро, как птичка, раз-раз – всю посуду перемыл, поставил и убежал – мне ни слова не сказал... Это был мне урок».

Одна раба Божия, расстроенная от того, что ей не удавалось хорошо выполнить послушание, пожаловалась на себя Батюшке: «Я такая безтолковая, глупая, как баран». Он тут же снял ее печаль: «А барашки были около Господа».

Его удивительная любовь простиралась на все живое. Во всем он видел проявление Божьего замысла и радостно, восхищенно удивлялся Его творению.

Отец Виталий говорил, что до сих пор на земле есть райские цветы и рассказывал, какие они. Он сокрушался, когда видел, что кто-то срывал без всякой нужды травинку, лесной цветочек и потом выбрасывал. «А ведь это создание Божие», — говорил он.

Память людей, знавших отца Виталия, сохранила, казалось, незначительные эпизоды, но в них видна та же великая сила любви, которая поражала.

Монахиня Инна:

«Отец Виталий очень любил животных. Однажды у нашей кошки родилось четверо замечательно красивых котят. А соседняя собака не любила их. Тогда отец Виталий решил сделать их друзьями: возьмет котят, поднесет к собачке близко-близко, та гавкнет – он уберет их. Затем еще и еще раз. "Хочу подружить их", – сказал он и при этом смеялся как дитя.

У Батюшки была особенная кошка. Во время поста все ели постный борщ – и она тоже. Если кто-то давал ей в это вре-

*мя колбасу – она не брала. Когда все становились на молитву, кошка садилась тут же и тихо высиживала все правило. Животные чувствовали его любовь и отвечали необыкновенной привязанностью»**.

Он имел сострадание ко всей твари, причем это относилось и к самым «неуважаемым» насекомым – тараканам, мухам, клопам, которых он полушутливо называл «братиками» и жалел, когда их убивали. Раз одна женщина расправилась при нем с мухой, и отец Виталий серьезно сказал: «А если тебя бы так!» Для него не было ничего незначительного или незначащего в общей картине Божьего мира, он чувствовал связь всего со всем, малой песчинки и вселенной.

В деле спасения для отца Виталия также не было мелочей. Он всегда зорко следил не только за тем, как человек молится и крестится, но и как он ест, как одевается, как держит себя. Если увидит, что кто-то сидит развалившись, или нога на ногу, – подойдет, положит руки сидящего на колени, ровно поставит ноги. Как правило, такое запоминалось уже на всю жизнь.

Во всем он воспитывал скромность, бережливость, аккуратность. В одежде учил не выделяться, но при этом подходил с рассуждением к каждому случаю и давал совет в зависимости от той обстановки, в которой приходилось жить человеку.

Елена К.:

«Помню, к Батюшке приехала одна раба Божия. Она была очень скромненько одета для молодой девушки, а отец Виталий начал ее бранить за вольность в одежде. Я, ничего не поняв, спросила его, отчего он так недоволен ее видом. Батюш-

---

* Поразительный факт: когда уже смертельно больной отец Виталий переезжал с Дидубе на Московский проспект и прощался с соседями, у его калитки собралось множество кошек с округи, которых он кормил и ласкал. Они словно пришли проводить его.

ка ответил: "Да она лишь потому так скромно оделась, что ко мне пришла. Сейчас выйдет за ворота – ты ее не узнаешь".
А меня, например, спросит:
– А как ты ходишь на работу? В какой юбке?
Я показываю.
– И тебе ничего не говорят?
– Да говорят: "Ты чего как монашка ходишь?"
– Тогда носи покороче.
– Батюшка, да что вы, мне короткие не идут, я буду себя неловко чувствовать.
– А ты не прекословь. Если того требует работа, можно надеть и покороче. А может случиться, что ты из-за одежды пострадаешь, и не понесешь этого. Восстанет, например, на тебя начальство: "Что ты такой ходишь? Зачем нас позоришь?" Самое главное у нас здесь (и Батюшка показал на сердце), а одежда – это лишь зонтик-прикрытие».

Пища у отца Виталия всегда была самой простой. «Больше трех блюд на столе — и с трапезы уходит Ангел-хранитель», — говорил он. За столом все ели из одной общей миски. Батюшка всем раздавал из мешочка хлеб, благословляя его. Сам же он ел крайне мало, но любил, когда все вокруг были сыты. И гости у него насыщались, съев всего несколько ложек. «Хотя мы ели у Батюшки простую картошку и слезами закусывали, я никогда не сравню эту трапезу ни с какой другой. Такая была вокруг чистота и теплота — на земле не найти», — вспоминает его духовная дочь А.

Даже когда к Батюшке приезжали архимандриты и епископы, им подавали ту же пищу, какую ели все, и посуда была самая дешевая. «Надо всю жизнь учиться смирению», — говорил отец Виталий.

Иногда Батюшка сам готовил пищу, и делал он это весьма своеобразно: «Что вы суетитесь вокруг еды? Я, когда готовлю, кладу что есть: есть капуста — капусту, есть конфетка — конфетку, есть селедка — селедку. Всего положу — и все

вкусно». И действительно – все ели и только нахваливали. Видимо, весь секрет заключался не в кулинарном мастерстве, а в молитве Батюшки.

Отец Виталий учил, что пищу надо готовить с молитвой – Иисусовой или «Богородице Дево радуйся», – иначе еда будет не на пользу. Когда женщины, несшие послушание на кухне, отвлекались на разговоры и забывали о непрестанной молитве, Батюшка чувствовал это и спрашивал: «Кто варил? Почему молитву не творили, не крестили пищу?» И часто искренне недоумевал, о чем еще можно разговаривать, кроме как: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас, грешных!»

Был такой случай. Перед трапезой прочитали молитву, Батюшка благословил пищу, а она оказалась недосоленной, и тогда одна сестра добавила соли и стала ее перемешивать. Отец Виталий строго ей сказал: «Пищу благословили – на нее крест положили, а ты начинаешь ее болтать. Это все бесовское. Крестом благословили – и ешьте». Очень он не любил, когда выражали недовольство пищей. «Что ни дадут – все принимайте с благодарением, – говорил он, – представляйте, что и этого недостойны за грехи наши тайные, коих никто не знает».

И еще Батюшка не позволял выбрасывать продукты, даже испорченные. Иногда пытались тайком от него вынести на помойку пищевые отходы, но он тут же появлялся: «Что это ты несешь? Разве это нельзя есть?» Как-то раз он показал одной своей духовной дочери, кого радует наша расточительность: он держал тремя пальцами недоеденные кем-то кусочки хлеба, а между ними вертелся нечистый с рожками. После того, как Батюшка дунул, тот исчез. Тогда отец Виталий перекрестил хлеб и съел. Так он показал, как привлекает врага этот грех, и многих отучил оставлять что-либо недоеденное на тарелках, а тем более выбрасывать.

Однажды приехал отец Виталий в Воронеж к монахине С. и увидел: где недопитый кефир оставлен, где полбанки заплесневелого варенья стоит, где старые щи в кастрюле.

Тогда он собрал все это в одну миску и стал есть, показывая, как надо дорожить даром Божиим.

Мало кто понимал Батюшку, видя за этими «странностями» лишь черты юродства, тем более что после такой «трапезы» у него бывали сильнейшие желудочные боли. Но терпел ради двоякой пользы: во-первых, смирял свою плоть, ибо считал для себя полезным не вкушать хорошей пищи, а отдавать ее другим, а во-вторых, приучал своих чад не попирать Божий дар. Ибо все, что давала земля человеку, все, чем он пользовался — отец Виталий называл милостыней Бога человеку и Божиим даром, благодаря которым и жив человек, а потому и сам он так рачительно относился ко всему. Батюшка ничего не выбрасывал, берег каждую ниточку, каждый пригодный клочок бумаги, каждую старую вещь — всему находил применение. Он говорил, что за все это придется потом дать ответ Богу: и за выброшенные продукты, и за напрасно текущую из крана воду. Он хранил свою совесть не только по отношению к Богу и ближнему, но и по отношению к вещам.

Также боролся отец Виталий и с малейшими проявлениями стяжания у своих чад. Бывая у них в домах, он мог, например, открыть шкаф и произвести «ревизию»: какие вещи оставить, а что немедленно раздать. «Хорошо иметь две одежды, — говорил он, — одну рабочую, а другую для храма».

Особенно он внушал монашествующим необходимость вести в сердце постоянную борьбу со стяжанием.

Игумен М.:

«Я тогда был помощником эконома в одном из Московских монастырей. Обставил свою келью с особой тщательностью: повесил старинные иконы, кровать красивую деревянную поставил, постелил ковер. И стал показывать знакомым свою келью как некую достопримечательность. И вот однажды мне снится: отец Виталий держит меня за бороду и жжет ее огнем. Я проснулся от ужаса.

Тогда у меня не было еще адреса отца Виталия, и я написал письмо в Сибирь своему духовному отцу об этом сне. Он написал отцу Виталию и получил ответ: "А пусть не роскошествует!" Я после этого все вынес, кровать убрал. Взял какой-то сундук, под голову положил валик. Меня хватило на три года».

Так отец Виталий готовил своих чад к лишениям и трудностям, которые могут выпасть на их долю, учил быть сильным в любых жизненных обстоятельствах. Но какие бы качества ни воспитывал отец Виталий, на первом месте он ставил послушание, без которого нельзя стяжать ни одну добродетель. Ведь именно непослушание одного человека привело к первородному греху и изменило судьбу всего человечества, а послушанием Сына Человеческого своему Отцу открылся путь ко спасению. «Своя воля только делает плохо, а послушание воскрешает», — увещевал отец Виталий своих чад, отмечая печальную черту нашего времени: «Сейчас никто не имеет послушания». Поэтому он много внимания уделял воспитанию этой добродетели и очень скорбел, когда замечал в своих чадах своеволие и самоуверенность.

Монахиня Инна:

«Однажды Батюшка поставил меня следить за свечами и сказал: "Большие свечи пусть впереди стоят, а маленькие, которые догорают, ставь сзади". Так я и сделала. Потом он приходит и говорит: "Почему у тебя маленькие свечки стоят сзади, а не впереди?" Я подумала: "Неужели я перепутала?" И поставила маленькие свечки впереди. Через некоторое время он снова приходит и спрашивает меня: "Ты почему ставишь впереди маленькие? Я же тебе сказал – сзади ставь". Я возмутилась про себя: "Да что ж это такое!" Отошла в сторону, а сама думаю, разве можно возмущаться против старца, он же знает, что делает. А саму прямо мутит – надулась, как мыльный пузырь, сейчас лопну. Подхожу к Батюшке и говорю ему, что со мной происходит, а он отвечает:

– А знаешь, что надо делать?

– Не знаю.

– Возьми, развернись – и по уху старцу!

С меня сразу все сошло, упала я на колени: "Простите меня, отче!"».

Была у отца Виталия истинная послушница, раба Божия Д. Однажды он приказал ей в присутствии других людей: «А ну-ка, ударь меня!» И она, привыкшая исполнять волю Батюшки без всякого рассуждения, подошла и ударила его по щеке. Окружающие возмутились, но Батюшка был очень доволен, что таким образом преподал присутствующим урок послушания. Однако в большинстве случаев требовалось много терпения, такта, мудрости, чтобы подвести человека к осознанию того, что послушание – это прежде всего благо для него самого.

Однажды раба Божия Е. приготовила для Батюшки на завтрак овсяную кашу, а когда принесла тарелку, Батюшка и говорит ей:

– Давай-ка поешь со мной из одной тарелки.

–Да что вы, Батюшка, как я могу! Это для вас приготовлено, вам надо кушать.

Тогда он обратился к другой женщине, и та только ответила:

– Благословите, Батюшка.

– Вот достойный ответ, – сказал старец, и они вдвоем сели кушать из одной тарелки, а Е. стало досадно на себя, что она отказалась, и слезы невольно потекли из ее глаз.

– Что ж ты плачешь? – спрашивает отец Виталий.

– Простите, Батюшка.

– Бог простит. Садись, поешь с нами.

Потом она вспоминала, что никогда не ела такого вкусного блюда, несмотря на то, что отец Виталий, по своему обыкновению, перемешал в тарелке все что было: кашу, огурцы, морковный сок, хлеб.

Когда все ушли, он спросил ее:

– Поняла?

– Да, Батюшка, простите.

Отец Виталий всегда требовал, чтобы ничего не делали без его благословения. Те, кто жил у него на послушании, так и поступали:

– Отец Виталий, благослови воду налить.

– Бог благословит.

– Отец Виталий, благослови картошку почистить.

– Бог благословит...

Так через освящение всякого дела воспитывалось постоянное памятование о Боге. Если кто-то не испрашивал благословения, Батюшка отчитывал за это, и хотя он делал это без особой строгости, провинившиеся как-то робели перед ним.

Сам отец Виталий без благословения ничего не предпринимал. Как-то, еще будучи послушником Глинской пустыни, он попросил у отца Серафима благословения писать иконы, но тот не благословил. И отец Виталий никогда не писал икон, хотя знал, что мог стать хорошим иконописцем. Вот настолько высоко ставил он послушание.

Ослушание же старческого благословения всегда приводило к большим неприятностям. Так одну рабу Божию отец Виталий благословил оставить руководящую должность и перейти в рядовые сотрудницы, но она ослушалась, а через год ее вынудили уйти со службы, и она осталась совсем без работы.

Валентина (г. Тбилиси):

«Однажды зимой мой муж Владимир уезжал на грузовой машине в командировку в Киев и позвал меня с собой. Я пошла за благословением к отцу Виталию, но Батюшка сказал, что лучше мне поехать весной, а за путешествующего Владимира он будет ставить свечи и молиться о его благополучном возвращении. Я расстроилась тогда и подумала, что надо бы

мне лучше попросить благословение у родителей, да и поехать. Прошел месяц, и вдруг под Новый год – звонок из Киева: муж сообщает, что они попали в аварию, но сам он не пострадал, а вот его напарник, на месте которого должна была сидеть я, сломал два ребра. Лишь тогда я уразумела, что значит старческое благословение».

Не случайно приезжавшим к нему отец Виталий неоднократно говорил: «Раз вы ко мне приехали, так имейте живую веру, внимание и послушание». Без этих качеств обращение к старцу было безполезным.

Батюшке была дана от Бога такая благодать, что своим словом он побуждал душу человека приходить в спасительное расположение. Старец огорчался, когда во время беседы кто-то перебивал его вопросом или замечанием, поскольку благодатное состояние учительства могло нарушиться, а человек лишиться необходимой духовной пользы. Точно также он воспитывал внимательное отношение к слову вообще, а особенно к старческому. И если он просил кому-то что-то передать, то говорил: "Передайте так, как я вам сказал. Ни одного слова не прибавляйте, не убавляйте".

Батюшка не принимал тех, кто хотел видеть его лишь из праздного любопытства, без сокрушения о грехах и желания изменить свою жизнь к лучшему: «Вот некоторые хотят приехать, посмотреть на Венедикта, а он такой блудник, такой гордец», – говорил он иногда в подобных случаях. Те же, кто прибегал к помощи старца со смиренным расположением сердца, приобретали для своей души неоценимое сокровище.

Мария Москвичева (г. Таганрог):

«Батюшка имел доступ к сердцу каждого человека и говорил, что только Христовой любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь души человека и войти с ней в тесное духовное общение. Всеми способами Батюшка стремился привести нас к искреннему покаянию и самоукорению. И радовался, когда в

ответ на обличение слышал от нас искренние слова: "Виноват, Батюшка, простите". Силою любви он прозревал душу человека, открывал затаенные грехи, помыслы, и умел заставить человека плакать слезами покаяния».

Батюшка обладал особым свойством видеть души других людей, которые были для него как бы прозрачны. Часто, чтобы не смутить человека, имеющего нераскаянный грех, Батюшка поступал как блаженный старец Павел Таганрогский: обличал прикровенно, приписывая чужие грехи себе или же ругал за них находящуюся рядом матушку Марию. Много ей пришлось претерпеть таким образом за других. Зато люди по-иному начинали смотреть на свои проступки, в их душах зарождалось искреннее покаяние.

Вот лишь несколько примеров подобных батюшкиных обличений.

Иеросхимонах Р.:

«Когда мы приходили к отцу Виталию, этот святой старец начинал о немощах каждого из нас рассказывать как о своих. Пришли мы как-то к нему с одним иеромонахом, а отец Виталий и говорит: "Вот я люблю выпить, да хорошо закусить, а иногда и колбаской закусываю..." Тут мой спутник сразу признался: "Батюшка, простите, ведь это вы про меня". А Батюшка продолжает: "Как же я конфетки люблю, и все такое вкусное. Я такой обидчивый..." – и все мои немощи назвал. Я в ответ: "Это, Батюшка, в мой огород".

Но если же он видел, что человек смущается, тут же замечал: "Это я о себе говорю"».

Лидия (г. Таганрог):

«Сидим раз все на полу возле отца Виталия. Батюшка обращается ко мне: "Мать Лидия, ад-то разный бывает: то посадят в огонь, то сразу в лед". А потом вдруг как закричит: "Бейте меня!" Тут я поняла, что ведь это я так кричу на свою маму – как огонь разгорячусь, замахаю руками, а потом

сразу остыну и разговариваю с ней ледяным тоном. Вот Батюшка меня и обличил».

Монахиня А.:

«Батюшка никогда нас прямо не обличал, хотя ему были открыты все наши грехи. "Я, Венедикт, – говорил он мне, – пью и ем яко кабан, сплю яко медведь, одеваюсь яко павлин. А вот ты, Мотя, правильно делаешь – читаешь 150 раз "Богородице Дево радуйся", молишься, берешь у папы благословение, целуешь ему руки. Так помолись за грешного Венедикта, чтобы и он так делал».

Я краснею, бледнею, затем плачу и кидаюсь ему в ноги: "Батюшка, простите!"».

Когда отец Виталий проводил общую исповедь в храме, он вставал на колени перед исповедником и со слезами начинал каяться в его грехах, переживая их как свои собственные: «Я, грешный Венедикт, не почитаю родителей, пью водку, мужу изменяю...» Глубина его покаяния вызывала ответное чувство. У людей в душе все переворачивалось, слышались рыдания.

Хотя в силу данной ему от Бога прозорливости отец Виталий часто и не имел нужды, чтобы человек называл ему свои грехи, Батюшка все-таки указывал на огромную пользу, когда согрешающий сам обличит себя на исповеди и раскается в содеянном. Ведь в таинстве покаяния Господь очищает душу кающегося и восстанавливает с ней нарушенную грехом связь.

Е. А.:

«Однажды, будучи иеродиаконом, я находился во время потребления Святых Даров в алтаре у тут меня внезапно мелькнула страшная мысль: "Чтоб старец сдох!" Меня всего обожгло: как я скажу об этом помысле отцу Виталию на исповеди? Прихожу к нему. Батюшка, против обыкновения, сух, неприветлив, спросил только: "Исповедоваться будешь?" – "Буду".

Я исповедался, а о том помысле – ни слова. Старец взял меня за ухо: "Все?" – "Все". – "Все сказал?" – Я молчу. Тогда он говорит: "Раб Божий, я знаю, что с тобой произошло, но для тебя полезнее сказать это самому, чтобы уврачевать душу. Это тебе диавол внушил. А разве можно его пугаться?"».

Глинские старцы учили каяться сразу, как только согрешил. Если есть кому сказать – хорошо, а если нет – проси прощения у Бога: «Господи, помилуй мя, падшего». И отец Виталий советовал своим духовным чадам: «Если согрешила, подумала что-нибудь недоброе – сразу исповедуйся перед сестрами. Главное, чтобы восстановить мир». Это отвечало духу апостольского поучения: «Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться» (Иак. 5, 16).

А еще Батюшка говорил: «Когда бывает у вас нужда, исповедуйтесь мысленно мне, а я разрешу». И это были не просто слова:

«Как-то оказалась я далеко от дома в чужом городе и впала там в грех, – вспоминает одна раба Божия. – *Очень скорбела я, что не могла сразу исповедовать его. Когда же приехала в Тбилиси к отцу Виталию, он ласково встретил меня со словами: "Ну, мать, ты поскорбела, а я уже разрешил"».*

Батюшка учил, как правильно следует исповедоваться: заранее обдумать свой проступок, оценить его и назвать одним словом, а по нашей склонности к забывчивости можно и записывать. Во время исповеди он советовал избегать подробностей, не называть имен – иначе получаются сплетни.

«Вот ты мне сейчас рассказала все подробно, – говорил он одной рабе Божией, – а есть такие батюшки, которым ты так расскажешь – а они соблазняться. Такими подробностями ты их просто введешь в смущение, и не потому что они плохие батюшки, – все они Божии, – но можно и душе священника повредить такой исповедью . Поэтому нужно думать, как сказать».

Батюшка советовал выработать каждому привычку – контролировать себя в течение дня: следить за своими мыслями, словами, чувствами – и все, что противоречит Евангельским заповедям, отгонять Иисусовой молитвой. А вечером обязательно давать себе отчет о прожитом дне.

Е. К.:

«Как-то пришла с работы, а Батюшка говорит:

– Садись, рассказывай, как у тебя прошел день. Что делала на работе, о чем разговаривала.

– Батюшка, у нас, у медиков, такие разговоры бывают... Как мне их вам пересказывать?

– А ты не стесняйся, рассказывай.

Сижу, рассказываю: кто мне что сказал, что я ответила. Вдруг он меня внезапно обрывает вопросом:

– А зачем ты ее укорила?

– Кого?

– Ту сестру, с которой работаешь.

Поскольку, на мой взгляд, у нас с ней был самый обыденный разговор, я очень удивилась:

– Ну, у нас в процессе работы это обычно. Бывает, что и мне делают замечания, – я и не посчитала это укором.

– Напрасно. Вот этими небольшими укорами и осложняются человеческие отношения. Поэтому надо всегда следить за своей речью. Бездумное слово потом уже не вернешь, а человека можно обидеть».

Еще отец Виталий отмечал: «Каждый поступок тянет за собой несколько грехов. Например, осуждение: тут и гордость, из-за которой осудила, и самовозвышение – раз ты осудила человека, ты возвысилась над ним, себя лучше посчитала... Мы должны как можно больше слез проливать о своих грехах. Когда нас кто-нибудь сильно обидит – мы плачем. А надо повернуть эти слезы на свои грехи. И эти же слезы проливать, вспоминая свои грехи. Каждая такая наша слезинка очень дорого стоит».

Характеризуя духовную жизнь христианина, отец Виталий как-то написал в письме своему духовному сыну: «Война – и не падай духом. На фронте не без раненых, то же и душа».

Очень Батюшка скорбел за тех, кто получая его благословение и разрешение грехов на исповеди, не удерживал полученной благодати. Батюшка объяснял, что благодать – очень нежная: чтобы приобрести ее, надо много трудиться, а потерять очень легко. Она не выносит малейшей неправды, нечистоты или внутренней скрытой обиды.

Ему было горько видеть, с какой легкостью христиане нередко попирают Таинства: формально исповедуются, легкомысленно дерзают приступать к Святой Чаше, и затем тут же вновь возвращаются к своим греховным привычкам, нисколько не задумываясь над тем, что они только что соединились со Христом в таинстве Евхаристии. "С каким благоговением мы должны приступать к телу и крови Христа, Сына Божия! К какому Таинству приступаем! Огнь Божественный достойных освящает, недостойных попаляет, – читаем мы в поучении из письма отца Виталия. – Не думайте, что попостившись неделю вы уже достойны причащения. Не в том состоит приготовление, чтобы не опускать ни одной службы, да чтобы масло не попало на ложку, чтобы от пищи воздержаться, – надобно внутреннее очищение: чтоб тщеславия не было, гордости, непокорности, чтобы худой мысли не удерживать в душе ни на минуту. Через приобщение Святых Таин освящается душа и тело, через него Бог в нас присутствует". Поэтому отец Виталий подчеркивал, что важно не только принять Святое Причастие, но и стараться как можно дольше сохранить полученную Благодать.

В духовной жизни отец Виталий наилучшим признавал постепенное совершенствование – так называемый «царский путь». Он никогда не нагружал человека большим молитвенным правилом, не советовал браться за чрезмерные

подвиги. Так однажды один студент рассказал отцу Виталию, что его духовник запретил ему в среду и пятницу вкушать какую-либо пищу. Батюшка был огорчен: такой подвиг этому юноше был не по силам.

Батюшка предостерегал, что нельзя раньше времени приступать к тем подвигам, которые совершали Святые. Надо быть к ним готовым. И те, которые начинали подвизаться с большим рвением, впоследствии часто охладевали и с трудом исполняли даже обычное монашеское правило. Вместе с тем он считал очень важным, чтобы человек принуждал себя делать доброе, ущемлял себя хотя бы в малом ради Господа. Но он никогда не заставлял человека это делать насильно.

Е. А.:

«Как-то раз Батюшка сказал, обращаясь к себе: "Что это Венедикт на всех наезжает. Вот святой апостол Павел в своих посланиях пишет: "Молю Вас, братия..." Надо молить, а Венедикт то и дело требует – давай, давай!"

И он именно молил, просил от нас хоть небольшого подвига в начале нашего христианского пути. Так однажды поздно вечером накануне Причастия мне очень захотелось пить. А Батюшка ласково попросил: "А ты попробуй воздержаться – ты же завтра причащаешься". Он видел, кто нас искушал».

Над каждой душой отец Виталий много трудился. Он любил каждого человека в том состоянии, в котором тот пребывал. С глубоким благоговением относился он к тайне человеческой личности, человеческой жизни. В каждом он чтил образ Божий, всем кланялся в ноги и всем служил. Не раз Батюшка говорил: «Владыка Зиновий научил меня катиться круглым камушком ко всем людям», – и проявлял великую любовь и терпение, чтобы привлечь человека к Богу, пробудить в нем желание спастись в жизнь вечную.

В разговоре со своей духовной дочерью он как-то поделился: «С некоторыми поговоришь, вразумишь – они вос-

принимают. А другие, если им сказать, обидятся и больше не приедут. Как бы ты, мать Нина, с ними обращалась?» — «Не знаю, Батюшка». Тогда он погладил ее по руке: «Вот как надо — пожалеть, обласкать, и к каждому ключ подобрать».

Однажды в Бурдино на рыбалке отец Виталий вытащил огромного карпа. Перед тем очень долго водил его на удочке возле лодки, а сидевшей рядом с ним сестре сказал: «Видишь, как трудно поймать большую рыбу – нужно много терпения, молитвы, чтобы она не сорвалась, чтобы удержать ее на крючке».

Батюшка был таким же искусным «ловцом человеков».

Нина (г. Батуми):

«Один раз мой зять, полковник, ехал в отпуск в Батуми проездом через Тбилиси. До этого же отец Виталий говорил ему: "Поедешь – зайди ко мне". А зять как раз вез мальчика, которого очень хотел видеть отец Виталий, чтобы благословить. Вдруг у зятя возник помысел: "Не надо ехать к отцу Виталию". Вот сидят они в аэропорту, ожидают самолет на Батуми, а рейс все откладывают. Уже вечер, уже ночь, спать негде. Так самолет и не полетел. Не дождавшись рейса, приходят они на другой день к отцу Виталию измученные. Отец Виталий ему: "Если бы ты и сегодня ко мне не пришел, самолет бы опять не полетел"».

Был у отца Виталия в гостях один священник. Батюшка и спрашивает его: «Если пришел к тебе человек, ты с ним говоришь-говоришь, а видно, что он не понимает, что не доходит до него глубина духовная. Как тут быть?» А священник отвечает: «Если человек не понимает, так что ж я могу поделать?»

«Нет, – говорит отец Виталий, – мы должны считать себя виноватыми. Если я не смог утешить человека, значит я не приобрел той благодати, которую должен был дать этому человеку».

Батюшка стремился к тому, чтобы каждый, кто к нему обращается, получил бы духовную пользу и утешение. Приехали к нему однажды несколько человек из Таганрога; когда пришло время разставаться, все были радостные, довольные, а одна – со скорбью. Тогда он подозвал ее к себе и несколько часов с ней беседовал, пока девушка не стала веселой. Лишь после этого он благословил ее ехать домой, а находившейся рядом послушнице сказал: «Видишь, ей радостно – и мне радостно, она получила духовный заряд, но его ей хватит всего на несколько дней. Дома она снова погрузится в печаль. Я ей помог, но сама она не в силах бороться с унынием».

Не случайно, провожая своих духовных чад, он часто напутствовал их стихами (которые пел на 8-й глас):

«Господи, наш Господи! / никак мы с собою не сладим, /чего не хотим – то творим, / одолел нас грех, одолели страсти наши, / Милосердный, Всемогущий, / коснись сердец наших Твоею благодатью, / дай силу бороться со грехом, /прогони диавола-искусителя, / пошли нам Ангела-Хранителя, / ими же веси судьбами спаси нас. / Ты сам сказал, Господи, / что пришел Ты грешников спасти, / Ты сам сказал, Милосердный, / что не хочешь смерти грешника, / а ждешь его покаяния. / Ты сам изрек пречистыми устами: / «Грядущаго ко мне не изжену вон». / И вот мы пришли, Надежда наша, / мы плачем у ног Твоих, Владыко наш Господи, / не отврати лица Твоего от созданий Твоих, / хотя мы грешники, / но все же Твои. / Дай же нам крепость и силу / бросить нашу злую греховную привычку».

Монахиня Инна:

«Батюшка многое говорил нам притчами.

Один раз он стоит, а мимо бежит наша кошка. Он взял ее на руки и стал подсаживать на крышу. Кошка старается подтянуться передними лапками, но ей трудно залезть. Она тянется, тянется, и вдруг каким-то образом ей удается забраться на

крышу. А Батюшка говорит: "Смотри-ка, с трудом, но забралась. Вот тебе пример". Так и он нас всех брал и поднимал».

«Когда со мной находитесь, у вас скорбей никаких нет», – говорил отец Виталий своим чадам. И, действительно, рядом с ним на душе становилось необычайно радостно и легко, как на Пасху.

Предоставим слово его духовным детям:

«Едешь к Батюшке – везешь множество скорбей, а как приедешь – еще сказать ничего не успеешь, на душе уже становится легко, все плохое забывается, будто его и не было...»

«По благословению отца Виталия нам было легко идти по жизни, легко переносить тяжелые ситуации...»

«Трудно передать словами ту благодать, которую мы получали по молитвам Батюшки. Это была и особенная тишина в душе, обновленная, укрепленная вера, и покаянное молитвенное состояние...»

Все уезжали от него окрыленными, а Батюшка заболевал. И мало кто задумывался над тем, что, им легко, потому что старец берет на себя их скорби, болезни и греховную немощь.

Он говорил: «Некоторым полагаются такие большие епитимьи – что не вынесут. Поэтому я сам за них несу».

Вспоминают, как однажды отец Виталий подбежал к схиархимандриту Андронику, когда тот исповедывал, со словами: «Отец Андроник! Наложи на меня епитимью – я аборт сделал...» Страдать за других было для него также естественно, как дышать. А что такое наказание, полученное от духовника, и какое оно может причинить страдание, он узнал из собственного опыта.

Приведем здесь рассказ самого отца Виталия*:

«Когда я жил в горах, я попросил старца: "Батюшка, мне нужно испытать, что такое наказание. Ты мне дай епитимью

* Рассказ записан со слов епископа Задонского Никона.

на месяц и тут же ее разреши, а то вдруг ты умрешь, а я под этой епитимьей останусь”. Он наказал – и тут же прочитал разрешительную молитву. Когда он наложил на меня епитимью, то мне ничего не стало мило: ни жизнь, ни солнце, ни деревья, ни молитва. Ничего не хотелось делать – серая безысходная жизнь. И когда прошел месяц, я почувствовал, как с меня это снимается, словно обручами. Тогда я вздохнул свободно и на сердце снова появилась радость. Вот что такое наказание».

И когда однажды отец Виталий узнал, что один сухумский священник наложил на двух женщин епитимью – три года не причащаться и стоять только в притворе храма, а одна из них тяжело заболела и могла умереть без Причастия, – он дошел до Патриарха и епитимья была снята.

Батюшка себя никогда не жалел. «День и ночь покоя мне не дают, кричат: “Отец Виталий! Помоги нам!”» – открыл он своей духовной дочери. И он тут же отвечал на зов, который слышала его чуткая душа через тысячи верст. И помогал: клал безчисленные поклоны, ставил свечи и молился, молился, молился...

Молитва была его дыханием, его связью с Источником жизни, она же была и той реальной действенной помощью, которую он мог оказать людям, привлекая к ним милость самого Господа.

«Молитва Батюшки из ада вырвет!» – такова была вера его духовных чад. И он вымаливал человека, каких бы трудов ему это не стоило. Даже зная волю Божию об этом человеке, он имел дерзновение умолять Всевышнего даровать прощение или облегчить участь несчастного. Ибо как сказал святитель Димитрий Ростовский о силе молитвы: «Молитва не только побеждает законы природы, не только является непреоборимым щитом против видимых и невидимых врагов, но удерживает даже и руку Самого всесильного Бога, поднятую для поражения грешников».

«Думаете, легко быть прозорливым, когда видишь, что человек погибает? – признался как-то отец Виталий. – И знаешь, как ему помочь, и знаешь, что он эту помощь отвергнет... Тогда сердце такою скорбью исполняется».

Непрестанная молитва не угасала в его сердце, чем бы он ни был занят, с кем бы ни говорил. Однако ночные часы он посвящал сугубой молитве. Когда его никто не видел, он падал ниц пред Господом, распластавшись на полу словно живой крест. Такие поклоны делают только при монашеском постриге, когда человек дает обет Господу посвятить всего себя и свою жизнь Ему. Батюшка их клал ежедневно, распиная себя за других. Так он вымаливал у Господа спасение ближних. Молился он и за целые страны, где в данный момент народ терпел особую скорбь или гибли люди: Вьетнам и Камбоджа, Лаос и Чили...

Когда он узнавал из «Новостей», что где-то произошла катастрофа или несчастный случай унес человеческие жизни, он записывал число погибших и ставил свечи о упокоении этих не знакомых ему людей, за каждого клал земной поклон. А среди погибших были и мусульмане, и протестанты, и неверующие – отец Виталий молился за всех, ибо любовь его к людям была всеобъемлющей.

Как и преподобный Серафим Саровский, Батюшка придавал особое значение свече, возженной за человека перед святым образом. Большие ровные восковые свечи, сделанные им самим, стояли на специальных железных подносах и перекладинах. Они никогда не затухали в его комнате, и даже в сильную жару, когда от огня стоял чад и трудно было дышать, он не позволял их тушить. Он часто писал в письмах: «За всех вас свечи молятся». И сила горящей свечи в батюшкиной келии не раз спасала людей от смертельной опасности. По свече отец Виталий мог распознать душевное состояние человека: ровно, спокойно горит, или чадит. А бывает, огонь подрежется – и погаснет. Тогда Батюшка усиливал свою молитву за этого человека.

Игумен Н.:

«Меня хранила его молитва. Если бы не отец Виталий, – не знаю, что было бы со мной. Меня "полюбили" в КГБ с самых первых шагов – сначала в семинарии, потом на приходе. Могли посадить в любое время, угрожали. Но приедешь к Батюшке, расскажешь только, и уезжаешь с надеждой, что не даст Бог в обиду по его святым молитвам. И действительно, смотришь – и отстали от меня на время. Другая скорбь придет – опять едешь. Он меня спасал от всех бед. И только теперь я понял, кем он был для нас. Я готов целовать ту землю, где он ходил...»

Анна (г. Таганрог):

«Однажды я провожала Батюшку из Сухуми в пустыню. На автобусной остановке к нему подошла одна его знакомая. Я отступила на шаг, чтобы не слышать, но он подозвал меня. "А было такое, что ты хотела утонуть?" – спросил он женщину. Она с удивлением посмотрела на него и стала оправдываться: "Я была в таком отчаянии..." Но Батюшка перебил ее вопросом: "И как же?" – "Да удобного места не нашла. Сколько ни бродила – везде мелко было..."

Потом мне Батюшка рассказал, что ему было открыто намерение этой женщины. И в то время, когда она зашла в воду, он стал усиленно молиться. Так он спас ей жизнь».

Примеров молитвенной помощи отца Виталия – огромное множество. Батюшка опытно знал, что молиться за людей – значит проливать за них кровь. И только благодать Божия помогала ему нести этот непосильный для человека груз – крест старчества.

Как-то раз оптинского старца Нектария спросили: должен ли старец брать на себя страдания и грехи приходящих к нему? Он ответил: «Иначе облегчить нельзя. Чувствуешь иногда, что на тебя легла словно гора камней – так много греха и боли принесли к тебе, что не можешь снести их. Тог-

да к немощи твоей приходит Благодать и разметывает эту гору камней, как кучу сухих листьев...»

Многие прославленные впоследствии старцы трепетали, когда им доставался такой крест, такая великая ответственность перед Богом за души людей, вверивших себя их духовному руководству. Это способна понести только великая любовь, которой по благодати исполнен старец.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О духовных дарах

Среди многих духовных дарований, которыми обладал старец Виталий, особенно выделялась его способность прозрения как будущих, так и свершившихся уже событий.

Как ни пытался отец Виталий по своему смирению скрыть от людей этот дар, утаить его было невозможно. Сам он не любил, когда говорили о его прозорливости, и если слышал, то отвечал так: «Вот раб Божий Виталий: разве он прозорливый? Он – прожорливый». И тут же начинал себя ругать и обличать.

Но в откровенной беседе с близкими чадами он иногда приоткрывал тайну этого необыкновенного свойства духовных людей. Многие люди, находившиеся от Батюшки за тысячи километров, не раз убеждались впоследствии, что ему были открыты и их помышления, и скорби, и события внешней жизни.

Во время напряженных отношений нашей страны с США одной сестре пришла в голову такая мысль: «Неверующие думают, что сила страны заключается в вооружении, а мы знаем, что все от Бога, и положение страны или народа может измениться по молитвенному ходатайству Святых. А может ли наш Батюшка вымолить мир между странами?» Приходит время, и отношения с Америкой налаживаются.

Приезжает та сестра к Батюшке, а он ей и говорит: «А вот как можно: войти в сердце американского президента и творить в нем Иисусову молитву, вот его сердце Господь и умягчит».

По некоторым высказываниям отца Виталия можно было понять, что для него не существовало расстояний: «Назовите мне любой город мира, и я скажу, где какая улица и сколько там народу живет». Несомненно, что сведения эти он черпал не из географического справочника...

Как-то раз он обратился к Е. А. с просьбой найти деревянные бухгалтерские счеты для одной своей духовной дочери. Тот недоумевал: где их взять. Правда, его мама работала кассиром, но после ее смерти дома он почти не бывал. «А ты вспомни свою квартиру, – стал помогать ему Батюшка, никогда в ней не бывавший. – Здесь дверь в комнату, здесь – зеленый шкафчик. Откроешь – и на второй полочке найдешь». И действительно, когда Е. А. приехал домой, вошел в комнату и открыл шкаф, то на второй полке увидел большие счеты.

Иногда свою прозорливость Батюшка прикрывал добродушным юмором.

Анна П.:

«Однажды сидим мы за столом – Батюшка, Таня из Ростова и я. Таня начала рассказывать: "Когда вы, Батюшка, были в Москве, нас здесь посетили гости, и от обеда осталось немного вина. Бутылка эта мешалась, мы не знали куда ее деть и решили допить вино. Через несколько дней приходит от вас открытка, на ней изображен накрытый стол с бутылками и рюмками, а на обороте написано "винопийцы".

Батюшка смеется, толкает меня и говорит: "Ты слышишь?" "Слышу, – говорю, – как вы наши дела обличаете. Видите из Москвы, что мы в Тбилиси творим".

"А в другой раз, – продолжала Таня, – захотелось нам рыбы. Я вспомнила, что на чердаке была сухая рыбка. Мы достали ее

и съели. Через несколько дней Батюшка присылает открытку: "Рыбоеды!"
Батюшка опять смеется и поглядывает на меня: дескать, ничего не бывает тайного, что ни сделалось бы явным».

Отец Виталий душою всегда пребывал со своими чадами, где бы они ни находились. Он говорил: «Вот вы приехали, рады, что увиделись, а я никогда с вами не разлучаюсь». В одном письме он прямо пишет: «С вами некто часто бывает, смотрит, что вы делаете, плачет, да спасутся души ваши».

Однажды он сказал своим чадам: «Если бы любовь имели – стены бы разошлись, и вы всегда могли быть со мною, видеть меня». В этих словах он открыл тайну своей прозорливости – любовь. Дар прозорливости помогал ему в старческом служении людям.

Мария (г. Таганрог)
«Однажды мне было так тяжело на душе. И Батюшка, провидя, мое состояние, прислал мне письмо: "Мария, не переживай, не скорби. Все будет хорошо, не печалься. Если хочешь, приезжай в Святую Иверию". После этого письма у меня так легко стало на душе, вся скорбь исчезла».

Другая его духовная дочь из Сухуми написала однажды ему письмо, в котором излила свою скорбь, обиду и искушения; положила его в сумку, а отправить забыла. Недели через три она обнаружила его у себя в сумке, подосадовала, но отправлять уже не стала, а бросила в печку. Очень скоро получает она письмо от отца Виталия, в котором он пишет: «Твое письмо я прочитал и на твою скорбь и искушение вот что тебе скажу...» – и далее Батюшка разрешил все ее недоумения.

Лидия (г. Таганрог):
«Одно время мне сильно мешало тиканье часов. Я даже, когда ложилась спать, уносила их на кухню. И вот получаю от отца

Виталия письмо: "Мать Лидия, если у тебя будет навык к молитве, и часы тебе не будут мешать". И с тех пор мне уже не мешали никакие будильники.
Был у меня помысел – пойти в монастырь и принять монашество. Я никому не говорила об этом, а отец Виталий мне уже пишет: "Мать Лидия, не стремись натянуть на себя монашескую одежду – она тебе ничего не даст".
Когда я молилась, то мысленно представляла себе Спасителя, Божию Матерь и Святых, к которым обращалась. Приходит от Батюшки следующее письмо: «Когда молишься, то ум свой заключай в слова молитвы, думай, о чем читаешь, а в уме представлять Бога, Богородицу или Святых не надо"».

Наталия (г. Тбилиси):
«Когда нам было особенно трудно материально, мама пошла в храм Святого Александра Невского, встала напротив чудотворной иконы Божией Матери и стала просить ее послать нам откуда-нибудь хотя бы 20 рублей. Вскоре из алтаря вышел отец Виталий, подозвал маму, дал ей сверточек и сказал: "Развернешь дома. Это Матерь Божия послала". Мама раскрыла дома сверток, а там оказалось нательное белье и 20 рублей денег».

Мария Москвичева:
«Часто Батюшка отвечал на мысль: только подумаешь, а он уже отвечает. Вот один из многочисленных примеров. Идем мы с сестрой и обсуждаем, как правильно исповедовать один грех, чтобы коротко и ясно было. Только пришли к Батюшке, как он сам стал нам объяснять, как этот грех надо исповедовать».

Монахиня Инна:
«Шла я как-то из храма и думала: "Какие все добрые, ласковые, а я – нет. Господи, как хочется быть доброй!" Подхожу к калитке, встречает меня отец Виталий такими словами: "То, чего ты просишь, Бог подаст, но не сразу. Надо потрудиться".

В другой раз я подняла тяжелое ведро, хотя мне нельзя было поднимать тяжести, но я подумала: "Бог не даст смерти – не умру". Тут же подзывает меня отец Виталий: "Ты неправильно мыслишь. Вот одной схимнице врачи запретили нагибаться, а она стала поднимать расческу, низко голову наклонила – и умерла. А этого могло не быть. Подорвать здоровье человека преждевременно старается враг"».

Монахиня В.:

«Однажды в храме отец Виталий дал мне читать толстый помянник. Открываю его, а там, начиная с Петра I, все усопшие и убиенные. Я подумала: "Зачем мне этих царей поминать, успеть бы прочесть имена всех остальных", – и пропустила несколько страниц, но все равно за время службы я не успела всех помянуть. Когда пришли домой, Батюшка говорит: "Зачем поминать царей? Пропущу несколько листов, а потом кое-как дочитаю, и то не до конца". Я упала ему в ноги и стала просить прощения».

Монахиня Таисия (г. Таганрог):

«Долгое время у меня было смущение: после тяжелой работы вечером я засыпала на молитве. Бывало, очнусь – а молитвы нет. И решилась я, наконец, поехать к отцу Виталию спросить, доходят ли мои молитвы до Господа, или нет.

Приезжаю, а людей к Батюшке много, у всех серьезные вопросы, и на вид он очень усталый. Я решила не утруждать его, но он выбрал момент, подошел ко мне и тихонько говорит: "Я, мать Таисия, бывает, так устану за день, что как встану на молитву, глядь – и заснул. Очнусь – а молитва сгорела". А я ему отвечаю: "Это вы, Батюшка, меня обличили. Простите". А он продолжает: "Нужно заново, бодрым сердцем молиться, чтоб молитва до Господа дошла". Так он меня вразумил».

Е. А.:

«Однажды отец Виталий нашел большой запутанный моток ниток и дал распутать своей схимнице. Та билась-билась,

и бросила: "Лучше выбросить". Мне стало жаль огорченного старца, и я поднял клубок, чтобы помочь. Путаю-путаю, а сам стараюсь никакого недоброго помысла не допустить, чтобы старец меня не обличил. Отец Виталий забрал у меня еще более запутанный клубок и не глядя быстренько размотал его. Затем он обратился к схимнице: "Если б ты молилась, то смогла бы распутать, а ты закляла эту вещь". "А ты, – сказал он мне, – вместо того, чтоб думать о том, каким бы меня помыслом не рассердить, лучше бы молился, и тогда бы распутал клубок"».

Батюшка всегда знал, кто к нему едет и как ведет себя в дороге. Он часто называл: «Едут такие-то сестры», — и уже ставил свечи за путешествующих, чтобы те благополучно добрались, хотя ему никто не сообщал о приезде.

Одна раба Божия из Одессы долго собиралась к Батюшке — жаль было денег на дорогу; наконец поехала. Уже у калитки отца Виталия остановилась поесть пирожков с мясом, зная, что у Батюшки подавали только постное. Когда она переступила порог его домика, он встретил ее словами: «За эти деньги купил бы себе кофточку, какой там батюшка!» — высказал он ее мысли вслух и добавил: «А знаешь, Рая, какие я вкусные пирожки с мясом ел вот тут, у калитки».

Монахиня Мария (г. Таганрог):

«Когда мы однажды ехали к отцу Виталию в Тбилиси, в поезде было грязно, и я роптала, что не могу помыть рук.

Уже у Батюшки вечером он вдруг обратился ко мне: "Мария, а в поезде было чисто – Господь все освятил"».

Наталия Х.:

«Как-то раз мой муж, собираясь к отцу Виталию, повздорил со мной, разгневался, стал кричать и в сердцах даже плюнул. Когда он вошел к старцу в келию, отец Виталий встретил его словами: "Ко мне идешь, а на жену плюешься". Мой муж тут же упал ему в ноги и раскаялся».

Часто бывало так: сидит Батюшка, беседует, вдруг резко поднимется, поставит свечу и начинает класть поклоны. Иногда он говорил, что и где в это время произошло.

Нередко для отца Виталия были открыты и будущие события. Он многое предвидел в судьбах своих духовных чад, предостерегал их от возможных неприятностей, готовил к переменам в жизни.

Монахиня А.:

«Сидим в келии у Батюшки, он нам в дорогу подарки для всей нашей семьи собирает, а моя сестра, судовой врач, говорит ему: "Батюшка, я уже устала. Ни одной женщины нет, чтобы столько лет в море ходила". Батюшка улыбается и заворачивает нам посылку так, что она становится похожей на пароход, потом берет бумажку и дает ей в руку: "Божье благословение". Она разворачивает, а там клубника размятая – по очертаниям, как Африка на карте. Сестра говорит: "Батюшка, да это же Африка!" Он только улыбнулся. Приезжает она в Мурманск, а ей направление – в Африку на полгода.

В другой раз Батюшка собрал нам в дорогу столько гостинцев, что и не поднять. Приезжаем в Москву, разворачиваем узлы – а там пачка соли, пачка сахара, мыло хозяйственное, мыло туалетное, конфеты, сухари, ложка, кружка, отрез на платье, полотенце. Мы удивились, а скоро в магазинах все пропало – ни мыла, ни соли, ничего не стало.

Накануне денежной реформы, о которой еще никто не подозревал, отец Виталий велел всем матушкам, у кого были сбережения, снять со сберкнижек все деньги. Моя сестра не послушалась, решив, что это касается только монашествующих. В итоге деньги пропали, а через несколько лет она стала монахиней».

Раба Божия N (г. Таганрог):

«Моя дочь поступала в училище на педагогический факультет и мы пришли к отцу Виталию за благословением. Он благословил, но сказал: "Хорошо бы на медицинский". Но я возразила ему и сказала, что медицинского факультета там

нет. Когда дочь поехала учиться, оказалось, что почти перед самым началом занятий в училище открылся медицинский факультет. По благословению отца Виталия дочка перевела туда документы, закончила училище и стала медицинской сестрой».

Монахиня Анна (г. Задонск):
«Как-то раз отец Виталий прислал мне в письме кусочек затемненной пленки. Вскоре я заболела, мне сделали рентгеновский снимок и нашли плеврит. По молитвам Батюшки лечение прошло очень удачно».

Лидия:
«Когда мы были под Сухуми на источнике Святого мученика Василиска, отец Виталий предсказал сестре Ольге, что ее дочь Надя будет большой блудницей (девочке тогда было всего 3 года). Ольга упала Батюшке в ноги и стала просить его святых молитв, чтобы дочь ее избежала этой участи. Надя выросла и уехала из Сухуми в Москву учиться, а вскоре ее родители получают известие, что она сбита насмерть машиной. Трудно описать словами скорбь, которую они переживали. Лишь вера во всеблагой Промысел Божий и в то, что по молитвам отца Виталия Надя не погибла для жизни вечной со Христом, была утешением для родителей Нади в их большом горе».

Инокиня Лидия (г. Гудаута):
«Моего брата положили в больницу в Рязани. Я сразу дала Батюшке телеграмму: "Брат болен, в тяжелом состоянии". Мать Мария потом рассказала, что получив ее, Батюшка всем сказал: "Давайте скорее ставить свечи и молиться – у матушки Лидии брат заболел".
Позже получаю я от него такую фотоокрытку: на кровати лежит человек, а над ним ангелок, перед святым углом на коленях молится женщина, и надпись: "Да будет воля Божия". Мы с мамой сразу поняли, что брат скоро отойдет ко Господу. И действительно, он скоро скончался. Я в слезах сно-

ва дала телеграмму в Тбилиси. Батюшка сразу стал ставить свечи и молиться.

Господь нередко открывал отцу Виталию загробную участь человека. Об одной сухумской матушке он сказал, что та остановлена на 16-м мытарстве и надо усердно молиться, чтобы помочь ей.

Однажды отец Виталий рассказал мне о девице, которая попала в аварию, но Господь и Божия Матерь ее сохранили. "Уразумела?" – спросил он. Через некоторое время я попала в аварию, но милостию Божией осталась жива».

Схимонахине Ларисе (Вороновой) отец Виталий как-то сказал: «Сестра Лариса, если ты увидишь Илью-Пророка, узнаешь его?» Она ответила: «Конечно, узнаю». Все сестры решили, что Ларисе суждено дожить до пришествия антихриста и увидеть самого пророка Илию. Никто не знал тогда, что Батюшка предсказал день ее смерти. Умерла она 2 августа 1993 года на Илью-Пророка и похоронена в Ольгинском монастыре близ Мцхеты.

Схиигумения Серафима:

«Как-то раз идем мы с отцом Виталием по городу мимо здания КГБ Грузии. Кругом милиция, а он заводит меня во двор и говорит: "А вот сюда ты будешь часто ходить". Я тогда испугалась. А через несколько лет это здание вернули Патриархии, и я стала ходить сюда к Святейшему Патриарху Илии.

Отец Виталий неоднократно предсказывал священство людям, которые даже и не помышляли об этом. Так в Азове он подарил одному моряку кадило и ризу. Родственники моряка очень возмущались. А через несколько лет по благословению владыки Зиновия Батюшка сам постриг его в монашество. Сейчас архимандрит Модест служит в Ростовской епархии.

В храме Святого Александра Невского в Тбилиси был певчий Вячеслав. Ему отец Виталий также сделал подобный пода-

*рок. Через несколько лет Господь по молитвам старца сподобил и его иерейского сана»**.

Трагические события в Сухуми отец Виталий предсказал за 30 лет. Однажды, проходя по городу, он сказал: «Хочется, чтобы этот дом уцелел, и вот этот. Слышу, как на улицах стреляют, убивают, кровь течет ручьями».

И то, что было в его силах, отец Виталий делал, чтобы спасти людей от смерти духовной и физической. Батюшка обладал способностью исцелять телесные болезни, многим он продлил жизнь своими молитвами. Неоднократно болезни других он брал на себя, как это было с владыкой Зиновием. Об одном таком случае рассказал сам отец Виталий**:

«Однажды мне стало жалко Владыку и я помолился: "Господи, дай мне владыкину болезнь, чтобы ему хоть немного отдохнуть от страданий". И вдруг у меня на ноге образовалась язва. И такие боли были ужасные – никакие средства не помогали. Зато Владыка в эту ночь спокойно спал. Потом мать Мария поехала к Владыке и попросила у него для меня лекарств, помазали – и все прошло».

В другой раз к отцу Виталию приехала женщина с больными почками и сказала, что врачи предлагают ей делать операцию. Она уехала, получив облегчение, а у Батюшки начались острейшие почечные приступы, продолжавшиеся несколько дней.

Эта особенность его личной святости происходила от жертвенного характера его любви к ближнему, от постоянной готовности взять на себя страдания другого.

Отец Виталий старался не обнаруживать перед людьми своего молитвенного предстательства за болящих. Ис-

---

* Отец Вячеслав Величко, в монашестве архимандрит Варсонофий. Перед смертью отца Виталия ежедневно причащал его Святых Христовых Таин. Сам отец Вячеслав скончался в Тбилиси 7 июля 1998 года. До последнего дня находился в числе клириков Александро-Невского храма.

** Рассказ записан со слов епископа Задонского Никона.

целения часто происходили через пищу, которую он благословлял, помазание освященным елеем, от воды из святых источников.

Так монахиню В. из Липецкой области он благословил поехать в монастырь святой равноапостольной Нины. После омовения в источнике она почувствовала, как болезнь, словно короста, сошла с нее.

Анна П. (г. Таганрог):
«Ездили мы к отцу Виталию на Барганы в пустыню. Однажды все пошли собирать хворост, а у меня так сильно разболелась голова, что казалось расколется. Сестра Рахиль сказала об этом Батюшке. Он стал рассказывать, как в одном месте братия работала и все очень устали, были и больные. Тогда старец начал поливать им водой руки и головы – и все исцелились. Тут же стояло ведро воды и Батюшка сделал как тот старец – моя голова сразу перестала болеть».

У одного священника из Воронежа на руках была сильная экзема, он не мог служить. Когда отец Виталий искупался и этой водой омылся священник — кожа у него совершенно очистилась.

Во время трапезы Батюшка крестил каждое блюдо. Благословленная им пища приобретала такую целебную силу, что бесноватые не могли ее есть и кричали: «Подавись этим сам! Там огонь сидит!».

Схимонахиня Игнатия:
«Приехал как-то к Батюшке из Одессы отец Лаврентий. У него был больной желудок – он ничего не мог есть, кроме геркулеса. Я ему сказала: "Что бы Батюшка ни давал – все кушай". А поставили и рыбу, и яйца, и варенье – стол ломится, только отцу Лаврентию ничего из этого нельзя. Однако он поел всего понемногу, а про желудок и болезнь с тех пор забыл».

Раба Божия N. (г. Таганрог):
«Однажды, когда я была у Батюшки, у меня сильно разболелась печень, а меня и еще одну женщину посадили за стол и

благословили покушать морковника из только что взорвавшейся банки. Я испугалась, но ослушаться не посмела. Мы вдвоем съели все содержимое – и куда только подевалась моя боль в печени».

Нина (г. Батуми):
«Однажды у меня сильно болел живот. Все едят хачапури с сыром и маслом, а я не могу. Тогда Батюшка говорит: "Вот у матери Нины болит живот. А сейчас она съест хачапури – и все у нее пройдет". Я поела – и боль как рукой сняло. Так он меня вылечил».

Сама духовная атмосфера благодати, в которой жил Батюшка, благотворно действовала на физическое самочувствие людей и исцеляла их телесные немощи.

Монахиня Анна (г. Задонск):
«Когда едешь к отцу Виталию в Тбилиси, обычно начинают одолевать разные болезни: кажется, что не доедешь. А как только приедешь – все проходит, чувствуешь себя здоровой».

Игумен Никита (Третьяков):
«От отца Виталия все уезжали утешенными и исцеленными. Скажешь ему: Батюшка, вот здесь болит. Уезжаешь – не болит. Потом, бывало, что через некоторое время болезнь возобновлялась, но, видно, Господь послал болезни для нашей пользы, без них не спасешься. По молитвам Батюшки наступало облегчение, чтобы человек не впадал в уныние».

Схиигумения Серафима:
«У Тани из Ростова обнаружили рак. Она уже готовилась к смерти. Отец Виталий оставил ее пожить на Дидубе, сам кормил из своих рук. Она прожила у нас семь месяцев и исцелилась».

Клавдия Буртовая (с. Троицкое Ростовской обл.):
«В начале 1980-х годов у меня сильно разболелись ноги, и я уже не могла выстаивать службы. Меня благословил настоятель

поехать на курорт к морю, но перед этим я и Параскева решили заехать в Тбилиси к отцу Виталию. Набрав из деревни множество подарков, мы приехали к Батюшке. Тот сразу направил нас к владыке Зиновию, получить от него благословение. Владыка сказал: "На первой неделе поговеете, на второй пособоруйтесь и причаститесь – вот и будут вам курорты". Мы исповедовались у отца Виталия, он же возил нас по святым местам Тбилиси, побывали и на источнике святой мученицы Шушаники. После этой поездки в Тбилиси мои ноги перестали болеть».

Монахиня В.:
«По молитвам Батюшки я осталась жива после сложной операции. Врачи уже потеряли надежду, но произошло чудо и я поправилась. Когда я лежала на операционном столе, мне явился Батюшка. Он стоял рядом и молился».

Раба Божия Нина:
«Умирала моя подруга в Батуми. Врачи уже ничего не могли сделать. Я думала, как ей помочь, и стала кричать: "Отец Виталий, Лида умирает!" Те, кто был рядом с ним в то время, потом рассказали, что сидели возле храма, вдруг отец Виталий резко встал: "Откройте скорее церковь! Зажигайте лампады, свечи – будем служить молебен". И они спасли ее. Когда я приехала к Батюшке, он встретил меня словами: "Отец Виталий, Лида умирает! – Ничего, еще поживет"».

Александра (г. Москва):
«У моего духовного отца была язва желудка. Уже месяц он лежал в больнице, состояние было тяжелое. В это время я полетела в Тбилиси. Ночевала я у отца Виталия и, рассказав ему про батюшку, просила помолиться. Он достал большую толстую свечу и сказал: "Запомни этот день". Всю ночь отец Виталий молился.
Когда я вернулась в Москву, мой батюшка уже вышел из больницы и служил. Я спросила, когда ему стало лучше. Он на-

звал именно тот день, когда отец Виталий за него молился. С того самого дня он и стал поправляться».

Мария Москвичева (г. Таганрог):

«В 1985 году, когда я была у Батюшки на послушании, он неожиданно велел мне ехать домой. Меня собрали, проводили, Батюшка дал с собой гостинцев. Приезжаю и узнаю, что брат серьезно заболел, попал в больницу с ишемией сердца. Отнесла я в больницу гостинцы от Батюшки – и брату моему стало легче. До этого он часто задыхался, терял сознание, падал, но по молитвам Батюшки постепенно поправился и даже забыл про таблетки.

У меня самой с малых лет был поврежден позвоночник, часто болела поясница. Когда я приехала к Батюшке в Тбилиси, отец Виталий перекрестил мою спину, и с тех пор боли совсем прошли».

Татьяна (г. Ростов-на-Дону):

«Однажды, когда я была в Тбилиси, у меня разболелся зуб. Меня повели в поликлинику, но там мне почему-то не оказали помощи, и я вернулась удрученная к Батюшке. Он в это время писал письма и время от времени молча на меня поглядывал. Вдруг я почувствовала, как острая боль потихоньку отступает и – о, чудо! – прошла совсем. Я заулыбалась, и Батюшка радостно посмотрел на меня.

Потом он сказал, что Таня много лет терпит зубную боль, а Венедикт сразу бежит в поликлинику вырывать зубы. На самом деле все было наоборот».

Раба Божия N. (г. Таганрог):

«Мой муж в 1988 году сильно заболел. Причину не могли обнаружить, хотя мы обошли всех лучших врачей в Таганроге, ездили и в Москву, и в Тбилиси, пробовали новейшие способы лечения, но облегчения не было.

И вот кто-то нам сказал, что в Таганрог из Ленинграда приехал один Божий человек, слепой, и посоветовали к нему обратиться. Мы разыскали его, он выслушал и сказал, что моего

мужа может вылечить только отец Виталий, который служит в русской церкви в Тбилиси. Мы решили ехать туда, тем более, что у моего мужа там жили родственники.

Несколько раз в течение лета ездили мы в Тбилиси, но встретить отца Виталия нам так и не удалось: служители храма удивленно говорили, что такого не знают. Вдруг нас осенило! Мы ни разу не приехали специально к отцу Виталию, а всегда по делам, а заодно заезжали в церковь. Тогда, выбрав праздник святых апостолов Петра и Павла, поехали снова.

Когда мы вошли в храм, я сразу увидела отца Виталия, который причащал народ. После службы я обратилась к нему: "Отец Виталий, вылечите мужа, мы специально приехали из Таганрога". Он ответил: "Приведите его". Мы подошли, отец Виталий накрыл наши головы епитрахилью и прочитал над нами молитву. И тотчас какое-то светлое, радостное чувство наполнило мою душу. После этой встречи мы старались посещать все службы, особенно когда служил отец Виталий. Это был такой светлый человек!

Через несколько дней мы узнали, что в водах Куры будет совершаться чин Крещения, и поехали туда. К реке надо было спускаться с высокой горы. Муж несколько раз останавливался, отдыхал, ему мешала боль в груди. После того, как отстояв службу, мы погрузились в воду, муж поднялся на гору ни разу не останавливаясь. Мы были очень удивлены этим и обрадованы.

После этого наша вера в Бога окрепла, мы стали чаще ходить в храм, исповедоваться и причащаться, приучили к этому и детей».

Духовные болезни Батюшка исцелял духовными же средствами – например, собственным смирением...

Монахиня Инна:

«Приехала к отцу Виталию одна женщина с 12-летней болящей девочкой – с матерью ругается, дерется. Мать с ней измучилась, а мы между собой говорим: "И зачем она привезла та-

кую? Только Батюшке нервы мотать". А отец Виталий нам: "Поймите, она изстрадалась с этой девочкой и приехала ко мне за помощью, а вы, вместо того чтобы пожалеть ее, – гоните".

Девочка начала драться с матерью. Матушка Серафима схватила ее: "Ты что это с матерью дерешься!" Тогда та вцепилась в матушку и давай ее бить кулаками. Тут подошел к ним отец Виталий и кротко так говорит: "Что ты с женщинами дерешься? Ты меня бей". Та остолбенела, а он ей снова:

– Ты возьми, меня отлупи. Вот стукни меня.

Та только смотрит на него.

– Ну, ударь меня, ударь.

Она стоит, не шелохнется. Тогда он взял ее руку и несколько раз сильно ударил себя по голове ее рукой. Девочка моментально изменилась, стала спокойная, ласковая, подошла к матери и положила голову ей на плечо. Батюшка сказал, что это драчливый бес из нее вышел».

Все эти случаи можно назвать чудесными проявлениями милости Божией по молитве любящего сердца. Ведь истинное чудо – это ответ Бога на нашу любовь.

Братия Глинской пустыни. *1949 год*

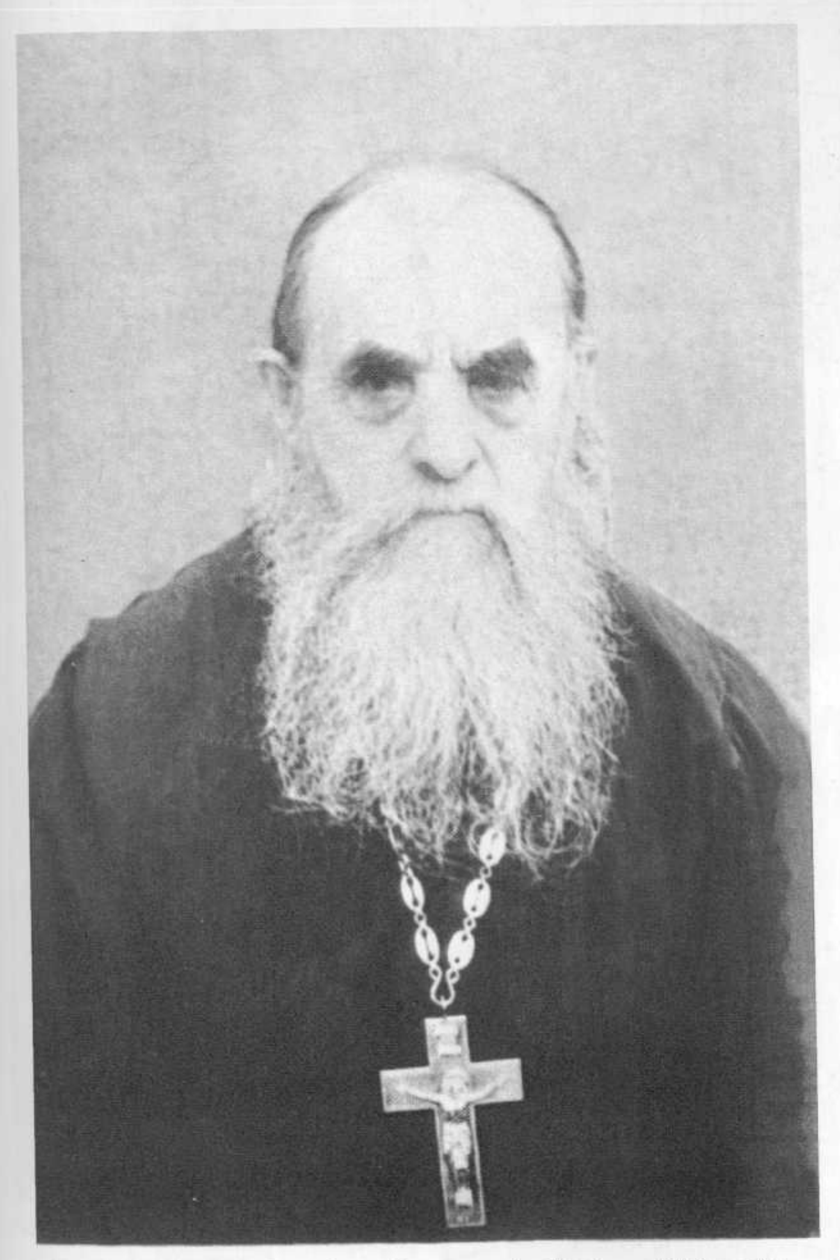
Братия Глинской пустыни с Преосвященным Евстратием, епископом Сумским и Ахтырским. *1956 год*

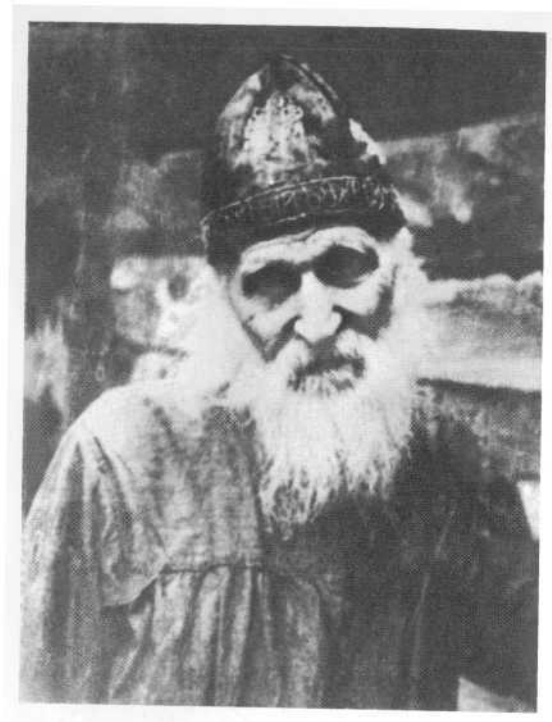
Иеросхимонах Серафим (Романцов), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш). *Конец 1950-х годов*

Настоятель Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Амелин) и духовник обители иеросхимонах Серафим (Романцов). *Конец 1950-х годов*

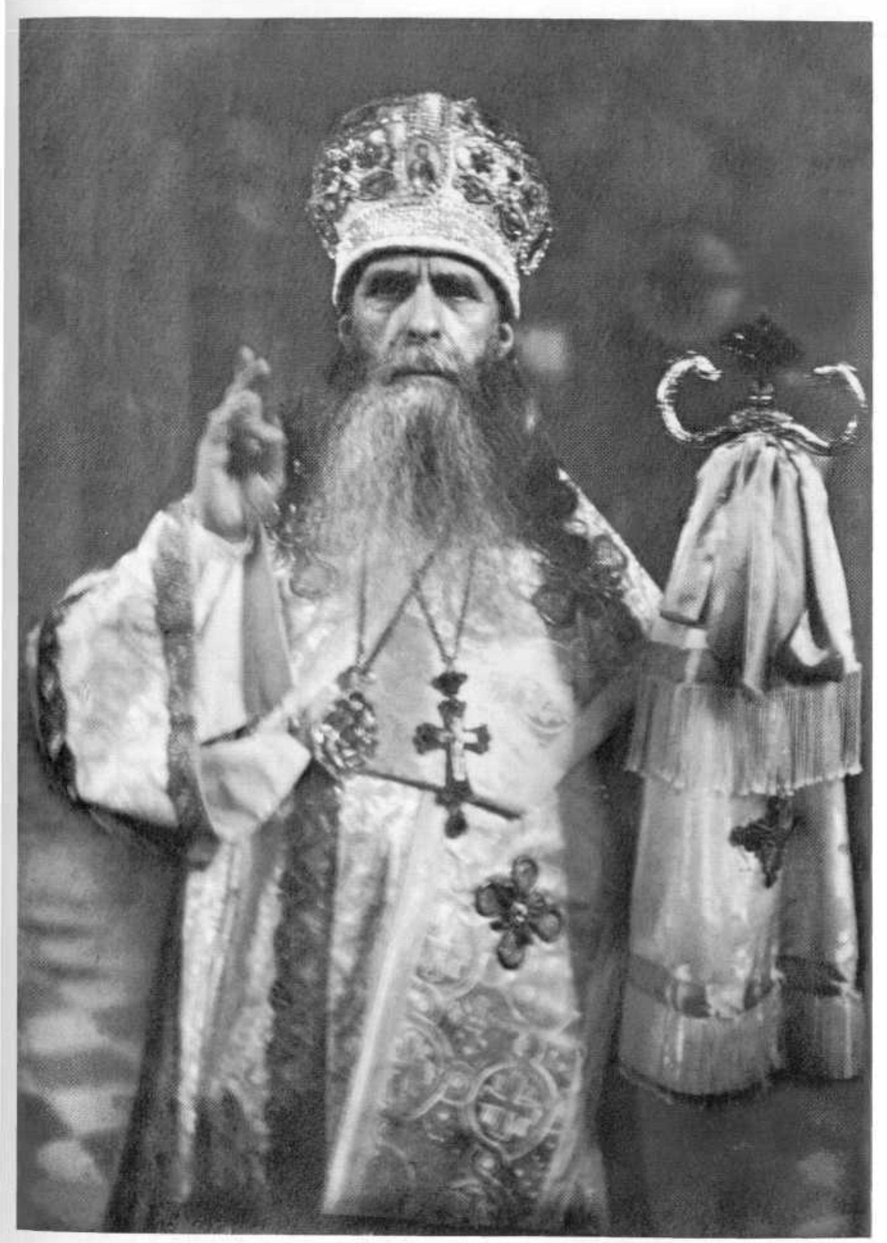
Схиархимандрит Серафим (Романцов). *Середина 1970-х годов*

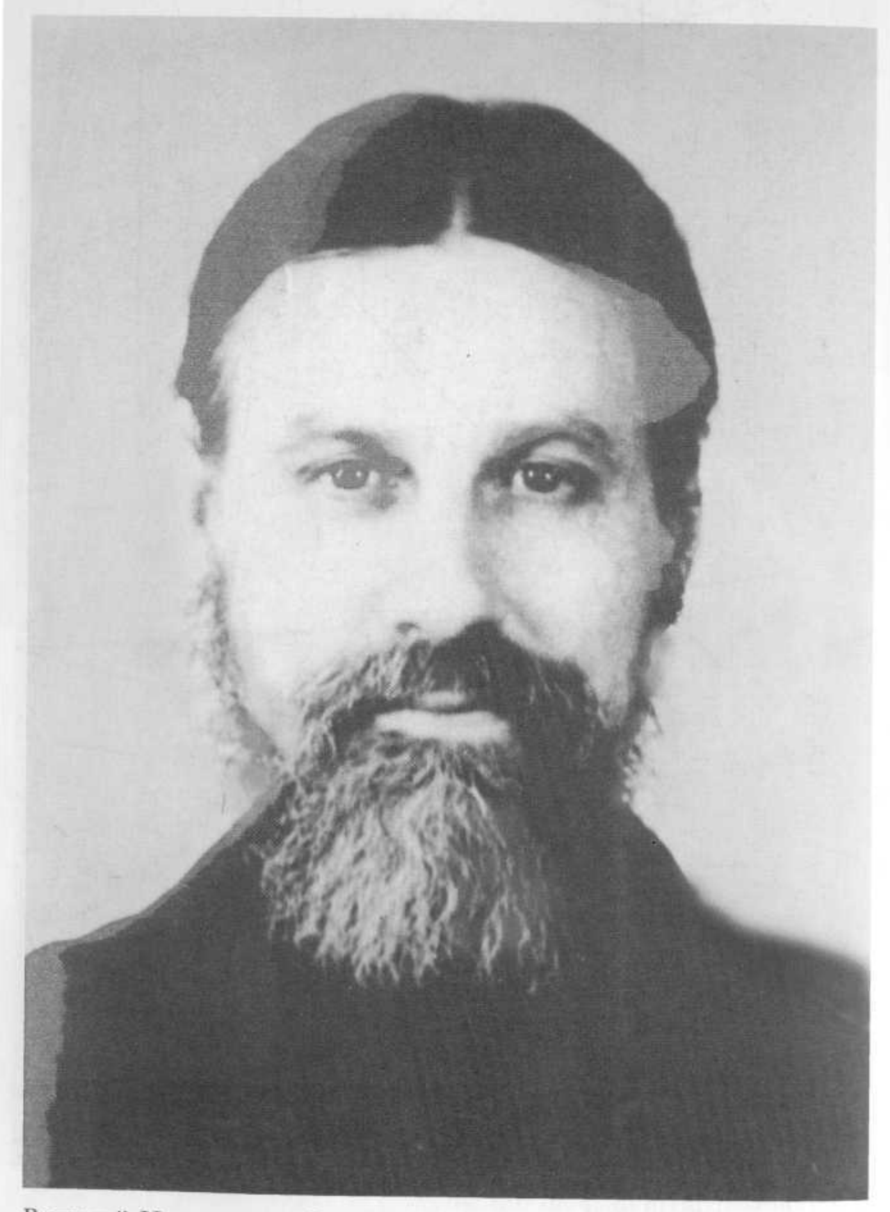
Схииеродиакон Исаакий.
Кавказ. Начало 1960-х годов

В ограде храма Святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси. Слева направо: архимандрит Модест (Гамов), митрополит Зиновий (Мажуга), схиархимандрит Серафим (Романцов), схиархимандрит Андроник (Лукаш).
Начало 1970-х годов

Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга).
Тбилиси. 1970-е годы

Виталий Николаевич Сидоренко. Фотография на паспорт.
Тбилиси. 1970-е годы

На отпевании схиархимандрита Андроника († 21 марта 1974 года). Справа от митрополита Зиновия брат Виталий

В День Ангела митрополита Зиновия. Отец Виталий следует за Владыкой. *12 ноября 1983 года*

Храм Вознесения Господня в селе Бурдино Липецкой области

Сестры общины храма Вознесения Господня в селе Бурдино. В центре монахиня Мария (Дьяченко). *Начало 1970-х годов*

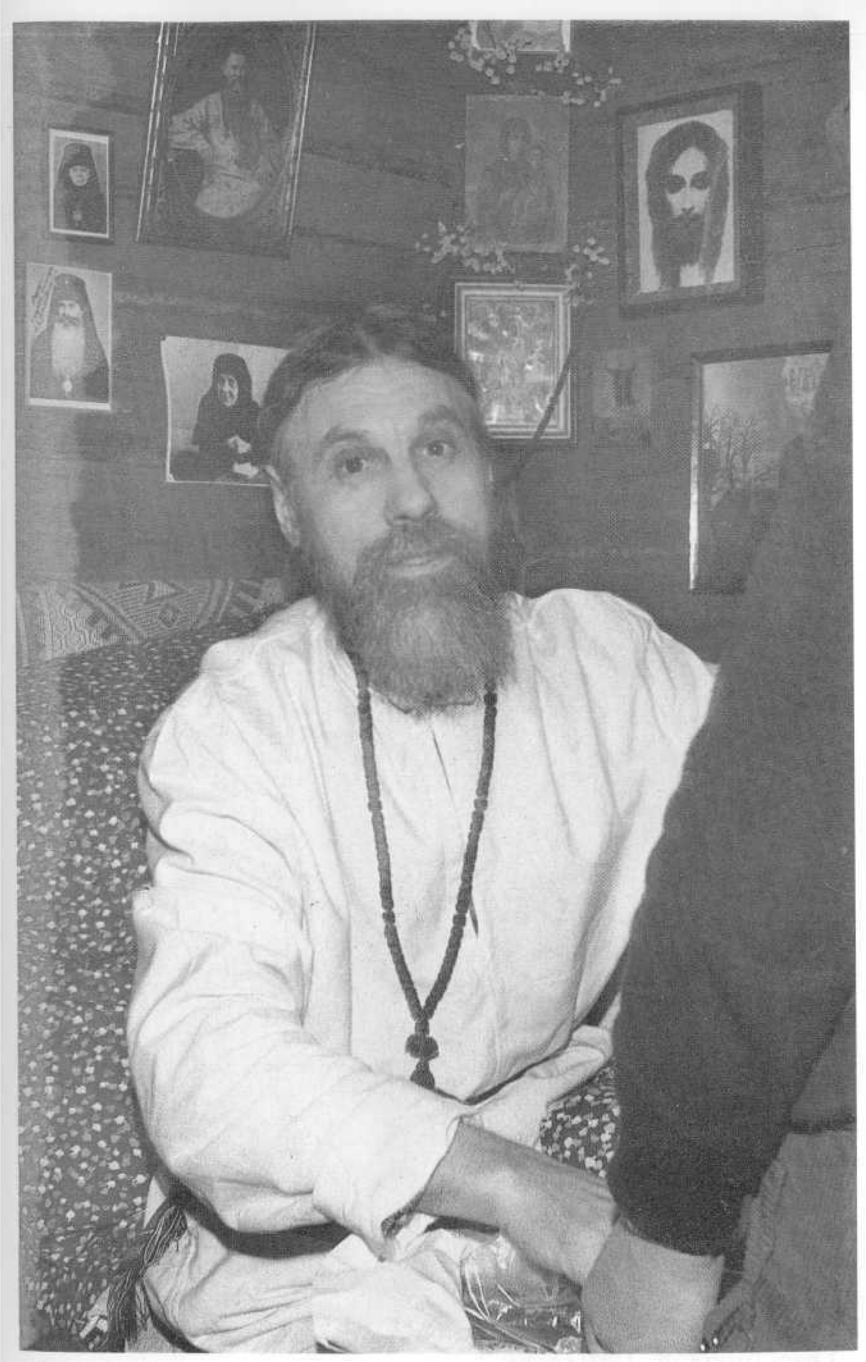

Община Бурдинских сестер. В центре сидят (слева направо): архимандрит Власий, митрополит Зиновий, иеромонах Виталий. *Начало 1980-х годов*

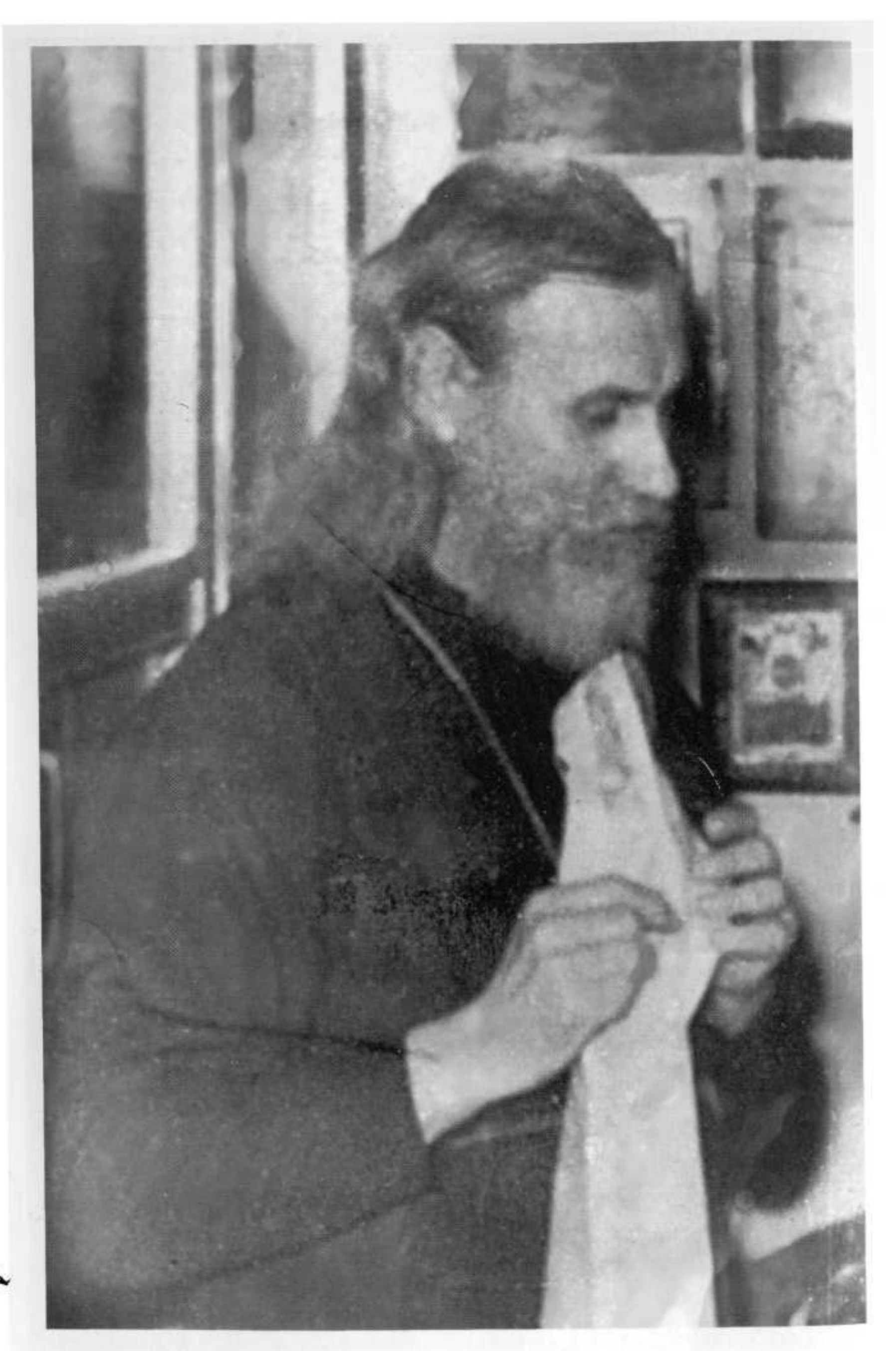
Владыка Зиновий с отцом Виталием. *Начало 1980-х годов*

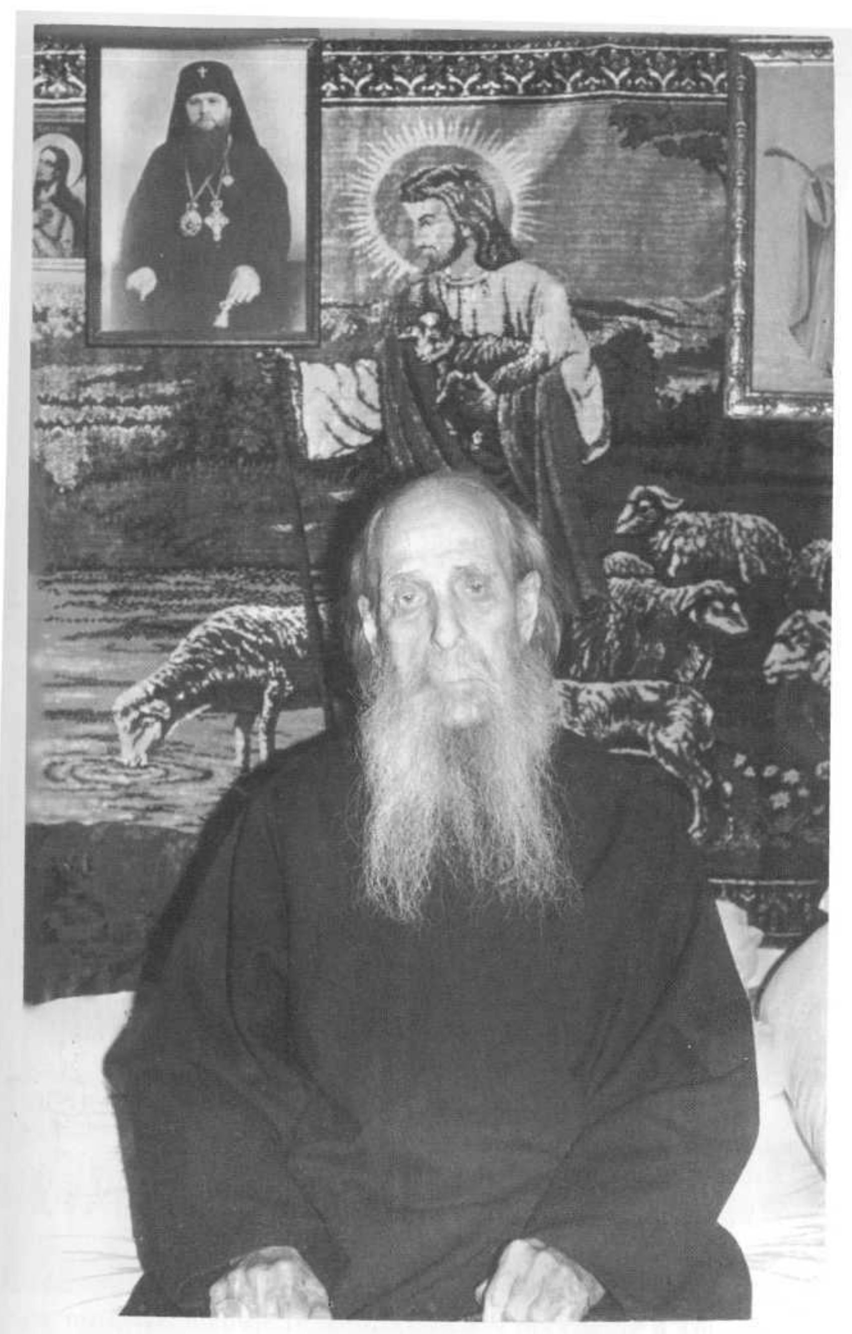
Митрополит Зиновий и иеромонах Виталий.
Бурдино. Начало 1980-х годов

Отец Виталий в Сергиевом Посаде. *1979 год*

Отец Виталий. *1980-е годы*

Старец-митрополит Зиновий (в схиме Серафим).
Последние годы жизни

Отец Виталий у Святого Престола в алтаре храма

Храм Святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси

Красный угол в комнате на Московском проспекте в Тбилиси, где жил отец Виталий и по благословению владыки Зиновия совершал Литургию

На могиле старца схиархимандрита Виталия. *Тбилиси. 1992 год*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Смертный час и после него

«Отец Виталий очень много пережил за всех нас и потому так рано умер», — с болью сказала однажды одна из духовных дочерей старца.

Тот, кто брал на себя телесные и душевные недуги многих людей, избавляя их от болезней и вымаливал у Господа им здравие; тот, чей организм был смолоду надорван суровыми лишениями подвижнической жизни, кто не раз переступал порог жизни и смерти и выживал вопреки всем законам медицины — тот, казалось, не может уйти, оставив всех сиротами.

Господь призвал его к Себе, когда он достиг полной своей меры и послужил ближним до самого конца своих земных сил.

Страдальческий путь старца схиархимандрита Виталия заканчивался на 65-м году жизни.

Схиигумения Серафима:

«Зная час своего отшествия, отец Виталий обрезал виноград в саду на Дидубе, закончил свои дела, а затем сказал: "Едем на Московский, я приму ванну и потом отслужу Литургию" (по благословению Владыки он мог келейно служить дома). Со всеми простился, но сестры почувствовали, что он уже не вернется домой. Завезли отца Виталия в храм, он обошел его весь, но класть поклоны, по обыкновению, перед иконами уже

не мог. Прощался со всеми, очень плакал. В машине сказал: "Я теперь буду всегда с отцами в храме". Никто не уразумел тогда этих слов».

За две недели до смерти отца Виталия его посетили сестры из Таганрога:

«Он был очень слаб, хлеба не ел уже шесть месяцев. Исповедовал нас сидя, потом пересел на диванчик и стал нам рассказывать, как совсем недавно, перед нашим приездом, ему был явлен мир горний: "Пришел Иоанн Богослов, взял меня и мы стали подниматься. Когда мы поднялись на Небо, там шла трапеза. За столами сидели святитель Николай, Святые, Апостолы, и Сам Господь сидел и трапезовал со всеми. Тогда Иоанн Богослов дал мне со стола сухарик, я положил его запазуху в подрясник, а Господь сказал Иоанну Богослову, что этому рабу Божию еще не время – отведите его на землю. Иоанн Богослов проводил меня на землю, и я почувствовал, как вошел в свое тело. Сразу же поспешил я достать сухарик, но его не оказалось..." Тут у Батюшки потекли слезы. Одна сестра сказала: "Отец, мы недостойны небесной части". Он промолчал.
Никто из нас не верил, что отец Виталий скоро уйдет от нас. За всю жизнь никто не слышал, чтобы он стонал или тяжело вздыхал; он никогда не подавал вида, что ему плохо».

Схимонахиня Елизавета (Александра Орлова)*:
«Отца Виталия обследовали в военном госпитале, где я работала. У него оказались пораженными почки. Главный хирург сказал, что надо бы заменить почку, но больной может не выдержать этой операции.

---

* Когда Александра молодой девушкой впервые увидела отца Виталия, он сказал ей: «У каждого человека в сердце как бы книжечка. Вот у тебя на одной стороне написано «Бог», а на другой – «врач». Значит тебе талант врача дан от Бога. Ты только не заносись». Ей, духовной дочери старца и его постриженице, суждено было находиться рядом с ним в его предсмертные дни, оказывая возможную врачебную помощь и облегчая его физические страдания.

Батюшку привезли в квартиру на Московском проспекте, и я стала ходить к нему каждый день. В один из вечеров он был очень возбужден, не мог понять, что с ним происходит. Я всячески старалась показать, что все будет хорошо, как он сам меня всегда учил ободрять больного, разговаривать добродушно и ласково, вселяя надежду на выздоровление, даже если дела его очень плохи.

Последними обращенными ко мне словами Батюшки были: "Следи за свечами". Как ему ни было плохо, он продолжал молиться за своих чад.

Мы с Анастасией вышли, чтобы приготовить теплую воду для ванны. Когда я вернулась в комнату, Батюшка лежал, но уже ничего не мог сказать – у него отнялась речь. Он попытался встать, чтобы что-то написать, но не смог. Оказалась парализованной правая сторона тела. Матушка Серафима побежала, чтобы по телефону сообщить о случившемся Патриарху, а я стала лихорадочно соображать, чем еще можно помочь Батюшке в данный момент: сделала кровопускание – ему стало немного легче.

Приехал Святейший Патриарх Илия, с ним врач – монахиня Евгения и другие врачи. Они привезли лекарства, которые отец Виталий послушно принимал. Только я каждый раз, прежде чем дать ему лекарство, спрашивала: "Отец Виталий, благослови. Святейший благословил". Батюшка не владел правой рукой и благословлял левой.

Так он лежал девять дней. Все это время у него было заметно ощущение внутренней радости. Он постоянно молился, четки из руки не выпускал, часто крестился. Потом он мне показал, чтобы я тоже его крестила. За три дня до смерти он уже не мог сам поднять руку; посмотрит на меня, а я подойду и спрошу: "Перекрестить?" Он глазами скажет: "Да". Я старалась почаще его крестить.

Были такие моменты: Батюшка лежит, потом вдруг обернется, посмотрит в сторону и кого-то благословит. У меня

тогда появлялось такое ощущение, будто кто-то просил его о помощи.

Всех приходящих к нему отец Виталий благословлял крестом, иконами. Как и прежде, никто не уходил от него без гостинцев – здоровой рукой он сам старался раздавать фрукты с блюда, стоявшего рядом.

В течение этих дней отец Виталий ежедневно принимал Святые Дары. Рано утром из Александро-Невского храма к нему обычно приходил отец Вячеслав, причащал его и шел на службу. Приходили и другие священники.

Когда отцу Виталию становилось совсем плохо, матушка Серафима шла звонить Патриарху, и Святейший обязательно что-нибудь присылал или приезжал сам. Как-то раз он привез масло от мироточивой Иверской иконы Божией Матери из Канады, помазал Батюшку сам и оставил нам, чтобы мы потом помазывали его. Все это время Святейший постоянно укреплял отца Виталия и всех нас. Зайдет, лучезарно улыбаясь: "Отец Виталий, все будет хорошо!" Когда же Святейший выходил из комнаты, было видно, как он скорбел, но отцу Виталию он никогда этого не показывал. После его посещений отец Виталий всегда бывал радостным, бодрым.

Перед смертью Батюшка показал, что жить ему осталось три дня. Я сделала вид, что не поняла. Тогда он взял мою руку в свою и спросил одними глазами: "Ты понимаешь, что я говорю?"

Тяжело было чувствовать свое безсилие. Я думала: "Господи, передай ему хоть немного моего здоровья, пусть мне будет плохо, а он еще поживет"».

Схиигумения Серафима:

«Врачи старались помочь ему чем могли, но воля Божия была иной. За день до смерти он вдруг рукой подал мне знак, чтобы я раскрыла штору на окне. Я спросила: "Кого видишь?" Он смотрел молча, потом поцеловал свою руку и показал на икону Божией Матери. Я подала образ и он всех им благословил.

Я спросила: "Приходила Матерь Божия?" Он кивнул головой и заплакал».

Схимонахиня Елизавета:

«В тот день, когда отцу Виталию явилась Божия Матерь, я спросила его, видел ли он владыку Зиновия, отцов Андроника и Серафима. Он дал понять, что они постоянно тут.

Как-то в полночь Батюшка, очень взволнованный, стал показывать, чтобы я помогла ему встать на ноги. Я уговаривала его не вставать. Он пытался мне что-то сказать и сделал несколько попыток подняться сам. Вероятно он увидел то, что от меня было сокрыто. В эти последние дни его связь с Небесным миром была постоянной.

Ночь на 1 декабря была очень тяжелой – у отца Виталия было несколько приступов. Мы с матушкой Евгенией чувствовали, как дрожит пол. Было такое ощущение, будто весь ад, издеваясь, хлестал и терзал его, чтобы заставить его возроптать. Видно было, как ему трудно, но он не жаловался на боли, был спокоен и даже радостен. Весь день около него были матушка Серафима и Евгения, Лейла и я».

Схиигумения Серафима:

«Видя ухудшение состояния отца Виталия, мы стали читать акафист Успению Божией Матери. Я позвонила в Москву отцам, чтобы читали Канон на исход души, позвонила Святейшему. Он, предвидя скорый исход, сказал: "Мать, пойди к отцу Виталию, посмотри". Я вошла в комнату, дала Батюшке в руку свечу и попросила прощения. Он открыл глаза и дал знать, что прощает. По его щеке потекла слеза...»

Схимонахиня Елизавета:

«Батюшка никого не отпускал от себя без своего благословения. К вечеру я почувствовала, что очень устала и попросила благословить пойти на кухню, поесть. Он благословил одними глазами. Я чувствовала, что оставались считанные часы его жизни, и поэтому попросила: "Отец Виталий, дождись меня". Наскоро перекусив, мы с матушкой Евгенией быстро вернулись. Я снова взяла у него благословение, как мы обычно делали после

трапезы. Поцеловала его руку, затем протерла его святой водой. После этого он тихо вздохнул и скончался, исполнив свое последнее "послушание" – дождался меня».

Было 1 декабря 1992 года, 18 часов 45 минут.

Приехал Святейший Патриарх Илия попрощаться с любимым Батюшкой. Лейле он сказал: «Вы не знаете, кого мы потеряли». Поблагодарил всех , кто «досмотрел» Батюшку и, указав на комнату, где жил, молился и умер этот великий старец, сказал: «Идите туда, поклонитесь месту».

Гроб с телом схиархимандрита Виталия поставили в храме Святого благоверного князя Александра Невского, в котором Батюшка служил двадцать лет. Здесь, в приделе святителя Николая Чудотворца, покоился его духовный отец и друг – любимый им владыка Зиновий.

Народ шел прощаться со своим пастырем в течение нескольких дней. Несмотря на сложившуюся в то время тяжелую военно-политическую обстановку в Грузии, приехали его духовные чада из России, Украины... Но далеко не все в эти дни могли приехать – из-за разразившегося конфликта с Абхазией плохо работал транспорт, через Сухуми поезда не ходили. Многие добирались чудом, своими слезами и молитвами старца прокладывая дорогу – и отец Виталий не мог оставить их неутешенными.

Рядом с ним не было ощущения смерти. Каждый, кто отдавал Батюшке свое последнее целование, отмечал, что тело его оставалось совсем теплым, а мягкая рука приобрела цвет восковой свечи. Он сам уже был подобен жертвенной церковной свече, продолжавшей тихо и ровно гореть постоянной молитвой к Богу.

«И скорби было много, и необъяснимой радости» – вспоминает схимонахиня Елизавета.

Елена Орлова (г. Сергиев Посад):

«Мы прилетели 4 декабря вечером. Отцы всю ночь читали Евангелие. Ночь была необыкновенная. Храм пылал свечами. Состояние было удивительно легким. Утром все причащались».

Это состояние духовного подъема ощущалось всеми, особенно в день погребения схиархимандрита Виталия, которое состоялось 5 декабря. Чин отпевания при большом стечении верующего народа совершал Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, в сослужении причта Александро-Невского храма, тбилисского клира и священнослужителей, приехавших из России и Украины. На погребении Святейший произнес проникновенное слово о кончине праведника.

Слово Святейшего и Блаженнейшого Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II, произнесенное на отпевании схиархимандрита Виталия в храме Святого благоверного князя Александра Невского 5 декабря 1992 года

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня, братья и сестры, все мы провожаем в последний путь нашего великого старца, схиархимандрита Виталия. Сегодня мы возносим наши молитвы, чтобы Господь упокоил его безсмертную душу в селениях праведных, идеже вси святии упокоеваются.

Тот, кто знал отца Виталия, кто имел радость общения с ним, – знает, насколько святой жизни был этот великий и дивный старец.

Удивительная и святая вера, необъятная любовь, удивительное и примерное смирение и послушание – все это создавало ту духовную атмосферу, которая несла любовь всем, кто хотел получить духовное утешение от него.

Действительно, братья и сестры, это был святой старец. И я, общаясь с ним, беседуя с ним, неоднократно видел эту святость, которую он источал вокруг себя.

Как говорил преподобный Богоносный Серафим Саровский: стяжи частицу благодати Божией, и вокруг тебя спасутся тысячи.

Действительно, есть духовные люди, которые и сами спасаются, и спасают очень многих. И удивительное свойство этих ду-

ховных старцев: иногда они могут даже ничего не говорить, но, находясь рядом с ними, человек, пришедший к старцу, получает Божественную благодать через невидимое и таинственное общение душ человеческих. Я очень многим пастырям указывал на схиархимандрита Виталия как на пример для подражания, как на пример смирения и послушания.

Сегодня, братья и сестры, мы провожаем его, но мы должны всегда помнить, что отец Виталий всегда с нами. И для того, чтобы все мы могли иметь ежедневное духовное утешение, мы приняли решение, чтобы погребение было совершено во дворе Александро-Невского храма. Это позволит всем нам часто приходить к нему, брать у него благословение. И как при жизни, он всегда будет помогать нам. Господь да упокоит его в селениях праведных.

Мы должны помнить, что это один из тех великих старцев, которых во времена тяжелых испытаний с любовью приняла благословенная Иверия, удел Пресвятой Богородицы. В этом храме покоится Высокопреосвященный митрополит Зиновий. Он мне особенно дорог, потому что когда я был студентом Духовной Академии, в этом святом храме, по благословению Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Мелхиседека III, Высокопреосвященный Зиновий постриг меня в монашество и нарек имя Илия в честь пророка Божия Илии. И я очень благодарен Высокопреосвященному владыке Зиновию за его любовь, за его пример, который он давал. Я с любовью вспоминаю схиархимандрита Андроника. Я с любовью вспоминаю игумена, а потом уже схиархимандрита Серафима, который находился в Сухуми. И вот, среди этих великих старцев пребывал и наш дорогой отец Виталий, молитвы о котором мы сегодня возносим. И мы должны помнить, что все они с нами. И все они молятся о нас, молятся о мире и благополучии России, молятся о мире и благополучии благословенной Иверии, Грузии. И мы верим, что их молитвами Господь умиротворит наши страны и наши Церкви. Их молитвами Господь приведет каждого из нас, каждого верующего человека к Богу. Господь да хранит вас всех их молитвами. Аминь».

Отец Павел Косач:

«Патриарх прочел разрешительную молитву и передал ее мне, чтобы вложить в руку отца Виталия. В это время большой палец на его руке отгибается, я вкладываю в ладонь лист с молитвой – и рука закрывается. Сама. Я был так потрясен, что от неожиданности вскрикнул: "Сам взял!" – и лишь позже осознал это как должное – ведь человек этот был не от мира сего».

«Сам взял!» — подтвердил стоявший рядом протоиерей Михаил Диденко*.

Святейший Патриарх молча утвердительно кивнул головой и продолжал службу**.

Это чудо, воспринятое видевшими его с благоговением и страхом, стало очевидным подтверждением Богоизбранности этого праведника, что давно уже было открыто его близким духовным чадам. За несколько лет до кончины отец Виталий сказал как-то своей духовной дочери схимонахине Ларисе (Вороновой): «За слезы сестер я из гроба протяну руку». Матушка Лариса эти слова запомнила и передала их сестрам, но тогда никто не придал им значения. Это чудесное событие и стало тем утешением, которое Господь ниспослал всем оплакивающим старца.

Не случайно и то, что произошло это в храме благоверного князя Александра Невского, в канун празднования преставления этого русского святого, которого особенно почитал отец Виталий. Ведь и кончина великого князя была ознаменована подобным чудесным явлением, описанным в его житии.

Погребен схиархимандрит Виталий по благословению Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха Илии

---

* Скончался в 2000-м году в сане архимандрита.

** Эта реакция священнослужителей зафиксирована видеосъемкой, проводившейся во время отпевания отца Виталия. Факт также подтвердили и находившиеся в этот момент возле гроба схимонахиня Елизавета (Орлова), схимонахиня Лариса (Воронова † 1993), схимонахиня Игнатия (Буховцева), Елена Орлова и другие.

против алтаря Александро-Невского храма, внутри церковной ограды. На его могиле возжена неугасимая лампада, не потухают свечи и всегда живые цветы. К могилке отца Виталия приходят и те, кто раньше не знал о нем — приходят за благодатной помощью старца, которую они реально ощущают в своей жизни.

При жизни Батюшка нередко говорил: «Когда умру, приходите ко мне на могилку и рассказывайте все, как живому. Я помогу».

Вот лишь некоторые свидетельства чудесной помощи отца Виталия после его смерти:

У Лии из Тбилиси дочь проживала с мужем в Америке. Пришло время ей родить, и мать очень переживала. Зная, что отец Виталий очень многим помогает, пошла она на могилку отца Виталия и как живому поведала ему свою скорбь. На душе у нее сразу стало спокойно и легко. Возвращается домой, а ей звонят из Америки — у дочки благополучно родился мальчик, и произошло это в тот самый час, когда она была у отца Виталия.

Монахиня Клавдия из Таганрога однажды легла спать с болезнующим сердцем и обидой на родственников, и вот приснился ей отец Виталий. Батюшка, стоя на амвоне, ласково и как бы уговаривая, произнес: «Надо прощать. Прощайте, прощайте всех». Потом быстро пошел к подсвечникам и стал возжигать свечи. Откуда-то появились дети, и отец Виталий стал давать им продукты, посылая отнести их нуждающимся и больным. Удивительно, что Батюшка называл имена людей, которых при жизни никогда не видел.

Анна Макарова (Москва):

«Мой муж много лет не мог справиться с недугом пьянства. Однажды вечером ему было особенно плохо. Я взяла фотокарточку отца Виталия и стала со слезами его просить: "Батюшка родненький, помоги, помолись за него, чтобы он не пил..." Наутро, как только открыла глаза, вижу – стоит отец Виталий в монашеском одеянии. "А он крещеный?" – спросил Батюшка и сам ответил: "Некрещеный".

Для меня это было полной неожиданностью. Мой муж воспитывался в детском доме и сам не знал, крестили ли его в детстве, а когда я заводила с ним разговор на эту тему, избегал подробностей и просто говорил, что крещен.
В этот же день я повела мужа в ближайшую церковь. Я все рассказала священнику, и он, поговорив с моим мужем, окрестил его. Это произошло в день празднования иконы Иверской Божией Матери».

Наталия (г. Таганрог):
«Я собиралась поехать в Тбилиси на могилку к Батюшке. Незадолго до отъезда снится мне, будто я занимаюсь гаданием, а потом вижу – стоит разгневанный отец Виталий и с возмущением говорит: "Как же ты после этого можешь называться моей дочерью?"
Через неделю я была в гостях, и хозяйка дома затеяла гадание на кофейной гуще. Я тоже искусилась погадать, смогу ли поехать в Тбилиси, а на следующий день сломала себе руку, да так серьезно, что два месяца была в гипсе. Так за молитвы Батюшки вразумил меня Господь».

Схиигумения Серафима:
«После смерти отца Виталия заболел юноша Мераби. Врачи сказали, что жизнь его на волоске, нужно срочно удалить почку. А у родителей его тяжелое материальное положение. Я втайне молилась, просила Небесные силы, Отцов и отца Виталия спасти юношу. Является мне во сне отец Виталий и говорит: "Ищи бумаги". Я спрашиваю: "Какие бумаги?" – "Отца Иннокентия", – отвечает он. Проснувшись, я позвонила в Москву отцу Иннокентию: "Прошу вас, спасите юношу. Мне отец Виталий велел вам позвонить". И вот чудо – отцы собрали помощь – три миллиона, необходимых на операцию. И до сего дня присылают из Москвы лекарства этому юноше».

Мераби Гогинишвили:
«Это было зимой, после смерти отца Виталия. Во сне я увидел мать Марию и отца Виталия. Он передал ей сверток и ска-

зал, что это для Мерабика на операцию. Там, видимо, были деньги. Тогда никто еще не знал, что мне предстоит тяжелая операция по пересадке почки. Потом нашлись люди, помогли деньгами – и мне удачно сделали операцию в Москве. Отец Виталий помогал, он молился за меня.

Однажды вечером после молитвы я оставил гореть свечу. Ночью проснулся оттого, что услышал голос дедушки. Мне стало страшно, ведь он умер. Я перешел в другую комнату к матери и там уснул. А утром в моей комнате мы увидели на полу черные следы от потушенного кем-то огня. Я понял: если бы отец Виталий не помог, случился бы настоящий пожар. Он охраняет нас и всех, кого знал. Я знаю, что он непрестанно молится за нас».

Анзор Гогинишвили:

«Когда матушка Мария в 1997 году лежала в больнице, мы очень переживали. Ей должны были делать операцию. Ночью я не спал. Вижу – в черной монашеской одежде входит в нашу квартиру отец Виталий и спрашивает: "А где матушка?" Я растерялся и только повторяю: "Матушка, матушка..." Тогда он говорит: "А, я знаю, где она. Она в больнице, и ей надо помочь", – и выходит, как обыкновенный человек. Утром прихожу я к матушке Марии в больницу, а она сидит на кровати довольная – операцию делать не стали. Вскоре ее выписали».

Лидия (г. Таганрог):

«У моего мужа Ивана болели ноги – полиартрит и кожное заболевание. После смерти отца Виталия Ваня поехал к нему на могилку. Там он снял носки и намазал ноги влажной землей с могилы. После этого все коросты сошли и ноги перестали болеть».

Схимонахиня Елизавета (Орлова) и монахиня Инна:

«У духовной дочери отца Виталия Клавдии (в схиме Виталии) была открытая форма рака груди. Когда она заболела, Батюшка спросил ее:

– Хочешь в рай?

– Хочу! – ответила раба Божия.
– Тогда не лечись.
Но он сам помогал ей переносить страдания. Матушка пережила своего духовного отца на два года. И когда ее спросили, как она выносит боли, она ответила: "Отец Виталий помогает. Ночью, когда нестерпимо больно, он является, прижимает меня к груди – и боль сразу отпускает"».*

Отец Серафим Косарев, священник Никольского храма в Таганроге:
«В августе 1996 года к нам в храм пришли недавно уверовавшие люди. Случайно в библиотеке храма они увидели фотографию отца Виталия и были очень удивлены. Дело в том, что одной из них приснился сон, будто стоят в храме соборные священники, а из алтаря в ослепительно белом облачении выходит отец Виталий, подходит к одному из священников и подает ему три шоколадки.
Удивительно то, что отца Виталия в жизни эта женщина никогда не видела, а священник, к которому он подошел в сонном видении, оказался духовным чадом Батюшки».

Монахиня Инна (г. Батуми):
«Однажды мне пришлось ехать на междугороднем автобусе. Была нестерпимая жара, градусов под 50 на солнце. И сделалось мне так плохо с сердцем, что чувствую – дальше ехать не могу. Стала я молиться: "Отец Виталий, помоги!"
Вдруг у автобуса одновременно лопнули две шины, мы остановились. Недалеко оказался сад, я пошла туда и легла под деревьями. За те три часа, что чинили автобус, стало заметно про-

---

* Схимонахиня Виталия († 1994) погребена в Ольгинском монастыре в Мцхете. По свидетельству монахини Елизаветы (Орловой), когда сняли крышку гроба, от тела пошло тепло и дивное благоухание, так что одна послушница даже вскрикнула: «Она же живая!» Схимонахиня Виталия, подвижница высокой духовной жизни, была на послушании у Батюшки примерно 12 лет; отличалась смирением, кротостью, молчаливостью и любовью ко всем. Перед смертью у нее были благодатные видения.

хладнее. Я почувствовала себя значительно лучше и благополучно доехала домой».

Лейла Гогинишвили:

«Я ездила в Турцию со знакомыми. Собрались мы возвращаться домой. Ночью во сне является мне отец Виталий и говорит: "Сегодня ехать не надо". Я удивилась – откуда здесь, в Турции, отец Виталий? Утром моя знакомая стала уговаривать меня ехать в этот день на автобусе, но я твердо решила: "Сегодня никуда не поеду". А потом мы узнали, что автобус перевернулся, и были жертвы. Отец Виталий нас тогда спас».

«Отец Виталий, помоги!», «Батюшка, дорогой, дай облегчение!» – призывают его чада – и скорби отходят, душа наполняется радостью, душевные и телесные недуги отступают.

После смерти Батюшки один епископ сомневался, неужели отец Виталий был таким великим подвижником? И вот он видит во сне: стоят у престола Божия святой Пророк Иоанн Креститель и Преподобный Серафим Саровский и говорят: «Позовите отца Виталия! Ему нужно служить с нами Богу».

А одной рабе Божией, которая очень сомневалась в том, как это мертвый человек может взять в руку листок с молитвой, отец Виталий явился во сне с разрешительной молитвой в руке и сказал: «А вот так – взял и держу».

Чудесное ощущение живого присутствия Батюшки дано было узнать очень многим. Он никогда не расставался с теми, кого любил.

Маленькая жительница города Тбилиси Луиза сильно скорбела после его смерти: «Дедушка, мы скучаем без вас – вас нет». Он явился ей во сне: «А я с вами, детка. Каждый день свечи ставлю».

Истаяла свеча земной жизни старца Виталия. Но Любовь истинная, Господня, не умирает. Так и Батюшка не умер, но его любовь по отшествии его в Горний Иерусалим неотлучно пребывает с нами на земле по слову святого Апостола Павла: «Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13, 8).

Воспоминания духовных чад

Зинаида Дубинец
г. Таганрог

«Мое знакомство с отцом Виталием произошло в 1956 году. Это были дни моей бурной молодости: танцы, клубы, беспечность. Мама заставляла меня ходить в церковь, но я была ленива и ходила редко. Однажды она привела домой на ночлег одну женщину с работы, так как было поздно и транспорт уже не ходил. Женщина оказалась баптисткой. Она вовлекла меня в свое собрание, и я с увлечением стала приходить на их встречи. Мама впала в большую скорбь. Со слезами она уговаривала меня пойти в церковь и поговеть. Но у меня уже почти не осталось веры в Православие, возникли сомнения в правильности почитания святых икон, только почему-то я не переставала креститься, даже на баптистских собраниях.

Бывало, выходим с мамой из дома и расходимся в разные стороны: мама в церковь, я — к баптистам. Однажды мама, придя в храм, встала у иконы Страшного Суда и горько заплакала. Подходит к ней женщина и спрашивает: "Что вы так плачете?" Мама рассказала ей обо мне и женщина решила помочь. Мама описала ей мою внешность.

Перед Пасхой мама с большим трудом уговорила меня пойти причаститься в церковь. Я пошла в другой приход, где меня никто не знал, с твердым намерением не говорить на исповеди о том, что хожу к баптистам. И в церкви со мной случилось невероятное. Духовник во время общей исповеди спрашивает: "Отрекались ли веры Православной?" Этот вопрос меня как громом поразил. При всем моем твердом намерении не говорить об этом грехе, я вся затрепетала и залилась слезами. Священник, видя мое состояние, поисповедовал меня отдельно и многое разсеял в моих сомнениях. После исповеди я не стала ходить к баптистам, но нанесенный ими вред остался в моей душе.

Я стала чаще ходить в церковь. Однажды подходит ко мне та женщина, которая познакомилась с моей мамой, и спрашивает меня: "Вы Зина?" Отвечаю, что я. Тогда она дала мне почитать книжечку про баптистов и сказала: "Приехал монах, не хотите его увидеть, познакомиться?" Этим монахом был отец Виталий, он тогда странничал. "Посмотреть на монаха" я пошла с мамой. Он остановился у одних надежных людей, где его скрывали от милиции. Там собралось очень много народа, комнаты были забиты людьми. Меня сильно устрашило, как кричали бесноватые. В душе я стала просить Бога: "Господи, я отдам Тебе всю жизнь, только не посети меня такой болезнью". Среди богомольцев было много молодых девиц, все они были одеты скромно, почти по-монашески. Я же была одета модно. Меня сторонились, видимо побаиваясь, что я могу донести. Поэтому, когда девушки стали по двое прикладываться к иконам, никто не захотел встать в пару со мной.

Батюшка только посматривал на меня, а потом сказал: "Я завит, как баран..." и прочее. Я поняла, что он обличает меня, хотя говорил как бы о себе.

В этот вечер отец Виталий всем раздавал подарки: кому иконочку, кому конфеты или мандаринку... Мой гостинец он

отдал маме, а я не поинтересовалась тогда, что это было. Домой мы ушли после двух часов ночи. Утром мама собралась на работу, а я осталась одна и стала читать акафисты Иисусу Сладчайшему и Божией Матери. Когда я взглянула на батюшкин подарок, по моему телу пробежала дрожь, меня объял страх и трепет — на иконе у Богородицы было три руки! Я тогда еще не знала историю иконы, именуемой "Троеручица"*, а отец Виталий, провидя мое состояние и помыслы иконоборства и неверия, дал мне именно эту икону.

Во время чтения акафиста я вдруг вспомнила, что забыла у отца Виталия свой жакет. Его необходимо было забрать до прихода мамы, чтобы она не ругала меня — новые вещи покупались тогда редко, времена были трудные. Но как найти дом, где мы были ночью? Дорогу я не запомнила и решила пойти к той женщине, которая пригласила меня к Батюшке. Стала собираться: намочила голову, расправила свою завивку, накинула платок и надела самую простую одежду. Женщина объяснила мне, как найти отца Виталия и сказала, чтобы я всю дорогу читала Иисусову молитву, иначе меня не пустят. Я сделала так, как она сказала. Когда я пришла, народу опять было много. Шла трапеза. Батюшка быстро поднялся и посадил меня на свое место, поставил передо мной всякие яства, но я ничего не ела, стеснялась. Сестры подталкивали меня: "Ешь, не бойся. Старец тебя кормит". А отец Виталий все не отходил от меня и напевал "Странника", "Что ты скучно сидишь в кельи", "Не ропщи на суровую долю" — песни, в которых говорилось о монашестве.

---

* Эта икона прославилась во время иконоборчества в VIII веке. По приказанию Византийского императора Святому Иоанну Дамаскину, защитнику иконопочитания, отсекли правую руку. Святой горячо молился перед иконой Божией Матери и получил исцеление. В память о чуде он поместил в нижней части иконы серебряное изображение руки, откуда и пошло название иконы — «Троеручица».

Вскоре по благословению Батюшки я поехала в Глинскую пустынь, где увидела дивных старцев, познакомилась с монашеской жизнью. Эта жизнь привлекала меня, но я еще не решалась сделать выбор. Однажды мне предстояла встреча с друзьями моей молодости, которые увлекали меня к мирским удовольствиям, настоятельно советовали выйти замуж. Я не знала теперь, как мне вести себя с ними. Ночью мне приснился Батюшка, облаченный в белые ризы, и с Евангелием в руках — он сказал, как я должна поступать в этом случае.

Через год я была уже послушницей Свято-Покровского женского монастыря в городе Бар Винницкой области. Отец Виталий указал мне мой жизненный путь, по которому я иду, подкрепляемая его молитвами. И по отшествии своем ко Господу он не оставляет своих чад.

Господи, молитвами отца моего духовного, схиархимандрита Виталия, прости и помилуй меня, грешную».

Лидия
с. Федоровка

«Об отце Виталии я много слышала от таганрогских сестер, и Господь сподобил меня встретиться с ним. Это произошло в 1956 году, когда мне было 19 лет. Он тогда жил у одной рабы Божией Татьяны на Северном поселке. Меня привезли к ней в дом. Дорогой я выучила молитву и несмело прочла ее у дверей. Отец Виталий ответил: "Аминь", открыл дверь и сказал: "Заходи, раба Божия Лидия". А ту, что привела меня, не пустил (позже стало известно, что из ревности к отцу Виталию она пыталась ему навредить). Посадил он меня на табуретку и спросил, как я крещусь. Я перекрестилась. Матушкам тем временем дал послушание — чинить старенькое пальто, которое где-то нашли (в то время одна фуфайка была на четверых, носили поочереди). Потом была общая

трапеза, после нее читали молитвы. Было уже поздно и меня оставили ночевать.

Утром я получила наставление: непрестанно читать Иисусову молитву, а утром и вечером ограждать крестным знамением все части тела – во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Батюшка сам надел на меня пальто и сказал, чтобы я все надевала сперва на правую руку, а потом на левую, и обуваться велел так же. Батюшка дал мне с собой денег, их оказалось ровно столько, чтобы доехать домой. Еще он подарил мне отрез на платье и мандарины, а я тогда даже не знала, что это за фрукт такой. Этим он как бы предсказал мне, что я побываю у него в Грузии. Так прошла моя первая встреча с отцом Виталием.

В то время отец Виталий много странствовал по святым местам, и брал нас с собой. Эти поездки были незабываемыми. Однажды, когда мы стояли в ожидании попутной машины на Ростов, отец Виталий сказал слова, которые мне запомнились: "Вас мне даровала Матерь Божия".

Никогда не забуду, каким я увидела отца Виталия в Глинской пустыни. В какой-то момент он весь преобразился, стал таким сияющим. Мы почувствовали на нем особую благодать Божию – это трудно передать словами. Мы были свидетелями многих чудес во время этих поездок.

Возвращались мы как-то с престольного праздника в селе Обуховка. От сестер я знала, что у Батюшки больные почки и ему надо кушать арбузы. Когда ехали мимо рынка, я отстала. Там одна женщина торговала арбузами: один арбуз стоил 3 рубля, но по надрезу было видно, что он не очень спелый, а другой, хороший, стоил на 20 копеек дороже. Я попросила уступить, потому что денег у меня хватало только на первый, но хозяйка не согласилась, и мне пришлось взять розовый. Прихожу к Никольскому храму, в ограде которого жила монахиня Нина, а она уже ставит на стол чугунок для Батюшки. Поднесла я ему арбуз и скорбно так говорю: "Вот вам арбуз, но он неспелый". Батюшка молча его

взял, а через несколько минут слышу, зовет меня. Прихожу, стоит на столе мой арбуз разрезанный – весь красный, сахарный. Батюшка всех угостил.

Когда мы с отцом Виталием были под Ростовом-на-Дону, сестры обычно в церкви читали в 12 часов ночи полунощницу. А мне однажды в это время так захотелось спать, что я тут же легла на голый пол на клиросе и уснула. И снится мне: ночь, город, большие многоэтажные дома, отец Виталий несет большое Распятие на плечах. Пронес полпути и дал его мне. Я понесла, а Батюшка за мной наблюдает со стороны. Потом подошел, взял у меня крест и поставил его на том месте, куда я донесла, и сказал: "Ну, теперь молись". Тут я проснулась. Потом Батюшка спросил, что мне снилось. Я рассказала, а он улыбнулся и сказал мне: "Сестра Лидия побила об двадцатый век железные подковы". Позже, когда мы были у него в пустыне, он сказал: "Такого креста, как сестра Лидия, никто не понесет из этих сестер".

С 1969 по 1988 год я не видела отца Виталия. У меня заболела мама раком желудка, потом она умерла. Я осталась жить в деревне, стала работать в колхозе, 17 лет мыла на ферме фляги. Ездила только в храм, да и то по большим праздникам. В 1988 году получаю от отца Виталия из Тбилиси письмо, в котором он писал: "Постарайся приехать. Знай, кто хочет спастись, все бросит и аки крылатая птица полетит, ища Бога". Это было последнее его письмо ко мне. Какой же он радостный был, когда я приехала. Сразу обнял меня, как отец блудного сына, повел на кухню и стал меня угощать. А мне глаза застилали слезы — ничего не видела. Батюшка сказал, что я приехала с благодатью. Это потому, что в поезде я помогла молодой женщине нянчить ее двух крохотных детишек. Все дни я проплакала – душа чувствовала, что больше не увижу своего дорогого отца. Батюшка несколько раз показывал на сердце: "Вот здесь у меня болит". Так он предсказал, что будет у меня по нему болеть сердце.

Когда я уезжала, он сказал мне: “А сестра Лидия будет слепая и глухая”. Я ожидала, что могу ослепнуть, а вот что еще и оглохну... И еще сказал напоследок: “Пусть тебя только кто обидит, так я им...” – и замолчал. А я теперь, как кто меня обидит, кричу ему день и ночь.

Мой дорогой светильничек, мое солнышко ясное, мой молитвенничек неусыпаемый, мой незаменимый наставничек, мой отец и мать, помогай нам!»

Нина Пономаренко
г. Таганрог

«Мой отец погиб на войне, а мама, Петренко Надежда, в 1968 году приняла монашество с именем Неонилла. Ее духовным отцом был отец Виталий. Она часто ездила по святым местам и к Батюшке. После общения с ним она всегда светилась, и эта ее любовь к Батюшке передалась и всей нашей семье, хотя мы никогда его не видели, а знали только по рассказам мамы.

Каково же было мое удивление, когда я получила письмо, где вместо адреса было написано: “Нине” – и все... В нем была открытка от отца Виталия, на которой был изображен большой крест...

Вскоре заболела раком моя сестра Валентина, а через некоторое время врачи поставили такой же диагноз и моей свекрови. Накануне ее болезни я снова получила от отца Виталия открытку, где был такой же крест и над ним изображение Спасителя. Обе они были маловерные; и когда мы предложили отслужить молебен о здравии, сестра отказалась, а вот свекровь с радостью согласилась. Через год Валентина умерла, а свекровь удачно перенесла операцию и прожила до 1994 года. Все это время она принимала каждый день по несколько капель освященной воды с молебна о ее здравии. Я не переставала обращаться в молитвах к отцу Виталию с моль-

бой о продлении жизни свекрови. Когда врачи узнали о ее смерти, они были удивлены, что она не умерла тогда же, в 1973 году, а прожила еще 20 лет и скончалась от инсульта. Это отец Виталий поддерживал ее жизнь своими молитвами.

У нас с мужем не было детей. Я мысленно обращалась за святыми молитвами к отцу Виталию, и вдруг получаю от него открытку с изображением младенца. Я со слезами мысленно благодарила отца Виталия, что он не оставил меня и вдруг слышу за спиной шелест одежды и голос: "Молись, раба Божия, и воздастся". По моему телу прошло тепло и такая радость вселилась в душу, что я, не помня себя, произнесла: "Спаси Вас Господи, отец Виталий!"

В 1970 году у нас появился сын.

В 1980 году мне опять принесли конверт от отца Виталия. Опять открытка без адреса – только слово "Нине" на конверте. Это было благословение из Псково-Печерской обители, отец Виталий призывал меня, недостойную грешницу, к Церкви.

Моя мама всегда очень желала чем-нибудь помогать храму, но у нее был один физический недостаток: на трех пальцах правой руки недоставало фаланг. В своей молитве она тайно молила Господа, чтобы Он помог осуществить ее желание, и вот однажды при встрече отец Виталий ей говорит: "Неонилла, будешь печь просфоры в церкви!" Мама даже заплакала от радости. Несколько лет по благословению отца Виталия пекла она в Георгиевской церкви очень вкусные просфоры.

Когда моя мама (монахиня Неонилла) чувствовала недомогание, врачом ее был один Господь. Она очень просила Его в своих молитвах укрепить ее здоровье, чтобы еще послужить в церкви. Однажды ей приснился отец Виталий: он повел ее в сильный мороз на озеро купаться в проруби и приговаривал: "Лечись, Неонилла, лечись". Сон ей приснился перед Крещением, и мама поехала с сестрами по святым местам. С тех пор мама каждый год омывалась в крещенской воде и чувствовала себя для своих лет хорошо.

В 1992 году мама неожиданно сообщила мне, что у нее рак, но молитвой, которую ей дал отец Виталий, она живет с этой болезнью уже 15 лет. Она медленно прочитала мне эту молитву, чтобы я успела ее записать, и тут же отобрала, сказав, что мне еще не пришло время.

Мама слегла и проболела полтора месяца. Перед смертью просила привезти врачей и составить справку с диагнозом, чтобы впоследствии не делали вскрытия. За неделю до своей кончины она, не встававшая уже с постели, вдруг сказала, что наготовила много еды: "Кушайте, еды много – хватит всем". Я поняла, что она дает мне наказ, как ее поминать. Отдохнув, она добавила спокойно: "Отец Виталий обещал послать мне навстречу дочь Валю".

Мамы не стало 9 июня 1992 года. Когда мы везли в последний путь монахиню Неониллу, машина на удивление всем въехала через главные ворота кладбища (что было непринято) и поехала по той аллее, где была погребена моя сестра Валентина. Вдруг возле ее могилы машина на несколько минут заглохла и также внезапно завелась. Водитель этому очень удивлялся...

Мамин холмик вырос недалеко от Валиной могилки, на той же аллее. В первую же ночь после похорон во сне я увидела отца Виталия. Он сказал: "Я не оставлю тебя, раба Божия Нина!"

Батюшка, наш наставник и молитвенник, и в Царствии Небесном молит Бога о нас, грешных, и помогает нам переносить все невзгоды в этой жизни».

Епископ Задонский Никон

«Моя встреча с отцом Виталием произошла в 1972 году. Я тогда узнал, что в селе Бурдино идут работы по восстановлению храма и поехал туда потрудиться. Клал печи, штукатурил ограду, колокольню. Многие тогда стремились помочь

благому делу, несмотря на то, что власти всячески пытались ему воспрепятствовать.

В 1973 году отец Виталий благословил меня поступать в Московскую Духовную Семинарию, но я не прошел по конкурсу. Приезжаю я в сентябре в Бурдино с такой мыслью, что быть мне всю жизнь печником. Там как раз находился в это время отец Виталий с матерью Марией. Узнав о моей неудаче, он сделал огромную восковую свечу в руку толщиной, возжег ее в алтаре и целую ночь молился. Прошел месяц, уже начались занятия, и вдруг неожиданно получаю телеграмму из Одесской Духовной Семинарии о моем зачислении. Как оказалось, секретарь Московской Семинарии отослал мои документы в Одессу, и оттуда мне пришел вызов. Я со слезами благодарил Батюшку. Отец Виталий сам провожал меня до аэропорта. Перед тем, как я сел в самолет, он показал мне на Небо и сказал: "Не забудь!" Это чтобы я никогда не забывал Бога. У меня и сейчас перед глазами тот полигон, трава, цветы и отец Виталий. Самолет готовится к взлету, а он бежит вслед и машет мне рукой.

После окончания семинарии я часто летал в Тбилиси. Придешь под благословение к владыке Зиновию, и он сразу отправляет к отцу Виталию. У него я исповедовался, получал наставления и утешался общением.

Батюшка, встречая священников, умывал им ноги, как Иисус Христос своим ученикам. Я старался первым помыть ему ноги, но он всегда останавливал: "Слушай, что тебе говорят".

Отец Виталий заложил очень многое в мою жизнь. Все это запечатлелось: и как он обращался с людьми, и как принимал, как поучал. Он говорил все то, что казалось нам известным, приводил примеры из тех же книг и патериков, которые мы читали, но мы очень внимательно его слушали – каждый из нас думал: "Может быть, Батюшка читает это именно для меня, для моего спасения".

Как-то я был в Свято-Троице-Сергиевой Лавре и там исповедовался у старца. Потом приезжаю к отцу Виталию, а он готовится меня вновь исповедовать. Я говорю ему, что недавно уже исповедовался в Лавре, а он мне: "Ну и что, что ты исповедовался". И я понял, что Батюшка отвечал за меня и за все мои действия; и где бы я ни исповедовался, я должен был обязательно все ему открывать, всю мою жизнь.

Однажды, через одну нашу болящую псаломщицу, бес стал мне подсказывать помысел воевать с ним: "Почему ты с нами не борешься? Почему меня отсюда не выгонишь?" и прочее. Я приехал с этим к Батюшке, а он говорит: "А ты не слушай бесов. У нас борьба идет с нашими страстями, а с демонами сам Господь борется".

У отца Виталия было обыкновение ничего не выбрасывать – он собирал все бумажки и каждой находил свое применение. Когда я выкидывал в корзину использованный авиабилет, он поднимал, разглаживал его и говорил: "А это я в письме отошлю". Он знал, кому... Когда кто-то получал от него в письме билет, это означало, что нужно лететь к Батюшке. Мне он как-то раз прислал старый железнодорожный билет за май. И с тех пор каждый май – я жду – мне всегда приходится куда-нибудь уезжать.

Однажды я получил от Батюшки открытку с изображением Божией Матери – большой Панагии. То, что я буду архиереем, он предсказал за 15 лет до моей хиротонии.

В течение 20-ти лет, что я знал отца Виталия, я бывал у него почти каждый месяц. По его благословению брал людей в храм, по его благословению делал постройки, по его благословению начал писать иконы.

Как-то раз отец Виталий приехал ко мне на приход. Произошло это, можно сказать, чудесным образом. Ехал Батюшка с матерью Марией в село Панино Липецкой области к знакомому священнику, а вместо этого таксист привез их в село Павловка, где служил я. Подъезжает машина – глазам не верю: мать Мария выходит с отцом Виталием.

Обошли вокруг храма с благодарственной песнью “Тебе Бога хвалим”, и я тут же к отцу Виталию: “Батюшка, благословите, где мне колодец копать”. Он показал: “Вот тут”. Выкопали мы колодец с правой стороны храма, и оттуда сразу живо пошла вода. Вода эта особая, очень вкусная, за ней и сейчас приезжают на машинах с бидонами. Так осталось в селе наследие от Батюшки — святой колодец.

В один из своих приездов к Батюшке я предложил ему обменяться шапками. Он только покачал головой: “Вот раб Божий!” Тогда мать Мария стала его просить: “Отец Виталий, ну дай Никону шапку. Что тебе, жалко?” Он опять: “Вот раб Божий!” — и не дает. Но мать Мария все-таки уговорила его. Сейчас эта шапка у меня, и если надеть ее, когда болит голова, боль проходит. А бесноватые, надев эту шапку, начинают кричать — не выдерживают благодати.

В 1989 году, когда я был еще на приходе, Владыка предложил мне организовать Алексеево-Акатов женский монастырь в Воронеже. Я еду к Батюшке. Он говорит: “Как Владыка благословил, так и делай”. Со мной была мать Анна. Она обратилась к отцу Виталию: “Батюшка, а благословите меня с отцом Никоном ехать в Воронеж”.

Он спрашивает:

— В Задонск?

— Нет, Батюшка, он в Воронеж едет.

— А я думал, в Задонск. Ну, Бог благословит.

Он уже знал, что через несколько месяцев я буду наместником Задонского Богородицкого мужского монастыря.

Отец Виталий благословил меня совершать монашеские постриги. И владыка Зиновий перед смертью сказал: “Отец Никон, утешай людей, постригай”. Так милостью Божией и по благословению старцев устрояется наша монастырская жизнь, растет число братии. В трудные минуты я и сейчас чувствую их поддержку и молитвенную помощь, их близость и участие».

*Монахиня Мария (Шнуровозова)**
г. Кольчугино, Кемеровской обл.

«Впервые я увидела отца Виталия в 1982 году летом. Он жил в то время после болезни на Московском проспекте в Тбилиси. Матушка Мария (ныне схиигумения Серафима), увидев меня, сказала: "Это – наша", – и повезла меня с сестрой к отцу Виталию. По дороге к Батюшке не прошло без искушений – видимо, лукавому не хотелось нас допустить до него. Шофер кружил, колесил, чуть не налетел на столб, что-то объезжая. Потом мы его спросили, почему он так странно ехал, а он ответил, что ему мерещились то бугры, то большие ямы, и он их "объезжал".

Приехав, мы увидели отца Виталия, сидевшего на полу скрестив ноги. Одет он был в старенький, полинялый подрясник с заплатками коричневого цвета. Я весьма удивилась про себя: "Такой знаменитый человек и так бедно одет". Он смотрел на меня веселыми, озорными глазами. А потом вдруг быстро повернулся к иконам, упал вниз лицом и замер, как бы заснув, а потом сказал: "Я так молюсь". Я удивилась и поняла, что это он меня обличает, и смеясь сказала: "Это я так молюсь".

Меня всегда поражали не только его прозорливость, но и редкое смирение и терпение. Кто бы ни пришел, он всегда первым падал в ноги, просил прощения и приветствовал. Глаза его всегда были веселыми, ласковыми, но ни разу я не видела его смеющимся.

В присутствии отца Виталия всегда было на душе покойно, тепло, уютно. Забывались всякие обиды, ссоры, недоумения, житейские проблемы, – будто их и не было. С нами был лишь Господь и отец Виталий, с которым никогда не хотелось расставаться. Также и с матушкой.

---

* Настоятельница Свято-Серафимо-Покровского монастыря.

Когда нас, его чад, собиралось много, и у Батюшки не было возможности побеседовать с каждым отдельно, отец Виталий, подробно отвечая кому-нибудь одному на его вопрос, часто вставлял предложение, которое совершенно не относилось к теме, но ты сразу понимал, что это сокровенный ответ на твой вопрос, который ты ему еще не задал. Так в течение одной беседы разрешались вопросы каждого.

Батюшка мог сидеть сколько угодно в одной позе – мы же и так сядем, и этак, и ноги вытянем, то вдруг пить захотим, то дремлем – нам самим становилось очевидным, насколько мы нетерпеливы, но все равно слушали его с открытыми ртами, пока матушка не попросит дать отцу Виталию отдых. Когда нас сажали за стол обедать, мы стеснялись и ждали, когда Батюшка начнет кушать первым, и он сидел с нами от начала и до конца обеда и через силу ел. Лишь позже мы узнали, что ему можно было есть понемногу и вообще побольше лежать, а он, по любви к нам, скрывал от нас свои болезни и терпел. Иногда он говорил: "Если бы не чада, находящиеся вокруг, я бы визжал от боли".

Батюшка не любил, чтобы о нем говорили, и особенно, – хвалили. Однажды я ехала к нему поездом с одной сестрой из его чад , и она много удивительного рассказывала мне об отце Виталии, о том, какой это благодатный Божий человек. Когда мы приехали, отец Виталий, по своему обыкновению приветствовал нас земным поклоном и, благословив, спрашивает меня: "Она тебе в дороге обо мне говорила?" Я утвердительно кивнула, а он серьезно так сказал: "Это все неправда, не верь".

В другой раз ехали мы с сестрами к Батюшке и позволили себе, как путешествующие, покушать рыбного фарша, а был понедельник Петрова поста. Приехав, мы стали готовиться ко принятию Святых Христовых Таин и пошли брать у Батюшки благословение, а он кротко нам говорит: "Так надо же попоститься, а вы вчера рыбным лакомились. Вот три дня попоститесь, и будете причащаться".

Его любовь ко всем была удивительна. Все у него были отцы, братья, сестры, матери. Он боялся нас крепко обличать, и обличал мягко, по-отечески, с любовью. Когда же мы просили его нас ругать, он отвечал: “Да вы не выдержите, если я буду строго вас обличать и ругать”.

Я всегда умилялась любви отца Виталия ко всем, в том числе и к животным. Когда он сидел в оградке на стуле или на раскладушке под гамаком, то у его ног всегда сидел кот и ждал, когда Батюшка его погладит. Однажды кот что-то натворил, и мать Серафима сказала, чтобы сестры унесли его куда-нибудь подальше и там выпустили. Мне было жаль кота, и я даже помолилась, чтобы мать Серафима изменила свое решение. Кот же тем временем куда-то спрятался, и унести его решили утром. Поужинали, помолились (утром и вечером Батюшка всегда молился с нами), легли спать. На другой день после утреннего правила все занялись своими делами, а про кота забыли. Когда же после обеда мы сидели и слушали поучения Батюшки, я, к своему удовольствию, снова увидела кота у его ног, а сам отец Виталий смотрел на меня веселыми глазами и гладил его.

Велика была сила его молитвы. Когда моя дочь с мужем-священником выехала из Курской епархии в Молдавию к его родственникам, я очень переживала, что это далеко, рядом с Румынией, да и неспокойно там было. Больше года от них ничего не было слышно. Особенно я боялась их отпадения от Православия и просила Батюшку помолиться о них. Отец Виталий писал мне и утешал, что “в молитвах не оставляет”. И вот однажды, к великой моей радости, получаю от дочери письмо – из Курской области, с родины преподобного Серафима Саровского. Оказалось, что они снова вернулись в Курскую епархию. Я сразу стала благодарить Господа и дорогого Батюшку за его молитвы. По его же молитвам и сын мой стал священнослужителем.

А сколько отцу Виталию и матушке пришлось претерпеть различной клеветы, оскорблений, преследований, по-

боев. Однажды он взял мою руку и приложил к своему телу, но там, где должны быть ребра, моя рука провалилась в пустоту. Сам же он никогда не рассказывал о своем подвижничестве и злоключениях; о них лишь иногда рассказывала нам матушка Серафима.

И много, много можно бы вспоминать об отце Виталии, о его жизни и чудесах, ибо воистину: "Дивен Бог во святых Своих" (Пс. 67,36)».

Схимонахиня Игнатия (Деспина Буховцева)
г. Тбилиси

«Я узнала отца Виталия в середине 1970-х годов, когда он недолгое время жил в семье одного священника в нашем доме. Его местопребывание держали в тайне, так как он жил в Тбилиси без паспорта и прописки, а это тогда строго каралось властями.

Мне одна женщина потихоньку сказала, что в нашем доме поселился необыкновенный монах. Я очень захотела его увидеть и по-соседски пришла к ним в гости. После этого я стала бывать у отца Виталия почти ежедневно. Отработаю днем, и к ним бегу: помогала по хозяйству, выполняла разные поручения.

Один раз Батюшка очень долго со мной разговаривал. Я слушала и думала: "Зачем он мне все это рассказывает?" И лишь потом поняла, что это он обо мне говорил, о моих грехах, но так, как будто это он их совершал. Он никогда прямо не обличал, не ругал, не накладывал епитимий. Своим примером учил, как надо исправляться.

После исповеди у Батюшки ощущалась какая-то особая легкость, домой не идешь, а словно летишь на крыльях. И так радостно на душе делается.

Огромное значение придавал отец Виталий послушанию. Воспитывал его в нас. Как-то приехала я из Ленинграда

в новом платье, женщины стали восхищаться: "Какая у Деспины, оказывается, фигура!" Батюшка услышал, и дал мне другое: "Надень-ка это". Я надела его не глядя и пошла домой. А дома дочка говорит: "Что это на тебе за платье? Ты как из зоопарка. Его словно звери на тебе рвали". Я гляжу, и вправду: там дырка, тут дырка. Люди на меня всю дорогу смотрели, а я не замечала, летела домой как на крыльях — так мне было хорошо. Вот что значит надеть за послушание.

Выдаю дочку замуж. Батюшка благословил свадьбу на четверг. Я говорю жениху: "Если хотите взять в жены мою дочку — делайте свадьбу в четверг, иначе не отдам ее".

В четверг во дворе сигналят машины, все думают: "Кого-то хоронят". А это свадебные машины с куклами впереди приехали за невестой. Соседи удивляются: "Ты что, Деспина, с ума сошла? Среди недели свадьба!"

А венчались молодые на родине жениха — в Алма-Ате. Батюшка и меня благословил туда ехать. Там в храме во время службы выносили большие листы, на которых крупными буквами были написаны молитвы "Символ веры" и "Отче наш". Весь народ поет, а я не могу, не успеваю — стою и плачу. Я тогда никаких молитв еще не знала. Как вернулась в Тбилиси — сразу к Батюшке: "Отец Виталий, благословите меня еще раз в Алма-Ату съездить. Там весь храм поет, и молитвы большими буквами написаны. Я перепишу и приеду". — "Не надо тебе никуда ехать. Божия Матерь тебе все даст". Потом он что-то завернул и дал мне. А Батюшка всегда так красиво упаковывал, что жалко было развязывать, и я положила этот сверток к другим его подаркам. А сама жду день, два, уже скоро месяц будет.

"Как же так, — думаю, — Батюшка сказал, что Матерь Божия даст, а она не дает?"

Пошла к Батюшке. Он зовет сестру Марию:

— Сестра Мария, слышишь, что она говорит: "Матерь Божия ей ничего не дает!"

— Как не дает? Она тебе все дала.

– Когда же она дала? Может, когда я на работе была? – спрашиваю. Я и в самом деле тогда так думала.

А сестра Мария говорит:

– Вот искушение с тобой! Что тебе отец Виталий дал?

А я: "Батюшка, вы так красиво завязали, что мне жалко развязывать".

– Благословляю тебя открыть.

Я пошла домой, открыла сверток, – а там Евангелие и молитвослов!

Потом Батюшка как-то дал мне "Жития Святых" и говорит: "Читай". А у меня образования – три класса греческой школы, а тут по-славянски. Я говорю:

– Батюшка, тут зигзаги какие-то. Я не могу.

– Все равно читай.

Раз Батюшка благословил, я начала читать – одну страницу целый час. Голова разболелась. А Батюшка как-будто уснул. Наконец я говорю: "Батюшка, мне плохо". А он: "Я тебе говорю – читай". Потом он спрашивает меня, что я читала, а я ничего не поняла. Тогда он сам рассказал мне смысл прочитанного. Потом я с трудом научилась читать молитвослов по слогам, но Батюшка всем сказал: "Как бы ни читала – не исправлять, а когда закончит читать, тогда садитесь рядом с ней и проверяйте". Так по его молитвам я быстро научилась читать и по-русски, и по-славянски.

А однажды я опечалилась очень сильно. Во время праздников, особенно в Рождество, Батюшку приходили поздравлять певчие из храма и так замечательно пели. А я не умею ни петь, ни читать. На это Батюшка сказал: "Будь у тебя голосок, ты бы тщеславиться начала, гордиться. А так у тебя свое послушание*.

---

* Послушание у Деспины было хлопотливое: встречать и провожать всех, кто приезжал к отцу Виталию в Тбилиси, доставать билеты, снабжать в дорогу всем необходимым, отправлять посылки батюшкиным чадам по всей стране, навещать тех, кто нуждался в помощи. Это послушание она продолжает нести и сейчас.

Каждому Господь дает свое послушание — одному читать, другому петь". Я и успокоилась.

Как-то к Батюшке приехала большая семья с детьми, и я без его благословения пошла и накупила всем мороженого. Думала, Батюшки нет дома, он и не узнает. А он увидел и разрешил дать только детям, а нам запретил есть мороженое совсем.

Сам Батюшка конфет никогда не ел, но меня посылал покупать шоколадные конфеты килограммами — и посылать, и раздавать его чадам.

От Батюшки ничего нельзя было скрыть. Он читал мысли, знал все, что с нами было. Зашли мы с Зиной полакомиться в кафе. Потом пришли вместе к нему, а он уже все знает. Ну и досталось же нам!

Однажды Батюшка рано утром стал бранить мать Марию. А я слышу и удивляюсь — за что ей достается? А днем к нему приезжают два молодых священника со своими матушками, с детьми: "Батюшка, благословите!" А он вдруг на них: "Вон отсюда! Заберите ваши сумки!" А мне потихоньку говорит: "Отвези их на вокзал, а потом — обратно сюда". Везу я их назад, а они мне и рассказали, что произошло в дороге. Оказывается, они крепко поругались: начали матушки — слово за слово, а потом и батюшки вмешались... А я и думаю: "Так вот почему от четырех утра до половины пятого бедная матушка получала от Батюшки нагоняй". Отец Виталий знал все — и кто к нему едет, и как в дороге себя ведет. Священники эти помирились, и когда мы вернулись к Батюшке, он их принял уже радушно.

За столом у Батюшки все ели из одной большой миски. Как-то раз он размешал в этой миске и борщ, и молочное, и селедку, и компот. Мать Мария говорит: "Люди все разные, есть с больными желудками — они отравятся!" Но ничего — всё скушали, только косточки вынимали — то от селедки, то от вишни.

Однажды я решила дать Батюшке 200 рублей. Но в последний момент подумала, как же я матушку оставлю без

подарка, и купила ей конфет на 50 рублей из этой суммы. А когда отдавала Батюшке деньги в конверте, он не глядя спросил: “А где мои 50 рублей?” – “Батюшка, простите”. Но он сказал, что если задумала какое доброе дело, обязательно выполняй его, так как оно уже записано Ангелами.

Со мной на Рождество такой случай был. Вечером в сочельник все садятся за стол, а мне Батюшка говорит: “А ты домой иди”. Все удивились: “Как? Скоро служба!” А он свое: “Пусть Деспина идет домой”. Батюшка благословил – я и пошла. А дома дочка встречает вся взволнованная – зять с внучкой попали в аварию, чудом остались живы. До этого случая зять не пускал дочку в церковь, а тут и сам пошел, и дочка в праздник причастилась. Всей семьей Рождество встречали. Батюшка это предвидел.

Одно время у меня было такое испытание: как что не так – Деспина виновата. Все шишки на меня. Мне почему-то доставалось больше других. Иногда мне становилось очень обидно, и я как-то раз пожаловалась приехавшему к Батюшке архимандриту Иннокентию. Он на это мне сказал: “Ты разве не знаешь, что золото блестит, когда его чистишь?” “Да, – подумала я, – как будто легко, когда тебя чистят”. Со временем я привыкла и даже стала сама брать на себя чужую вину. Кто-нибудь что-то не так сделает, недосмотрит – Батюшка сделает замечание, а я, чтобы покрыть сестру, говорила, что это я сделала. Он для виду ругал меня, но за то и любил.

Отношение Батюшки к монашескому постригу было такое: сам не проси, но когда предлагают – не отказывайся. Меня Батюшка постриг перед Вербным воскресеньем, в Лазареву субботу. Заранее мне ничего не сказал. Перед службой я услышала только, что Батюшка спросил мать Марию: “Для Деспины все готово?” А я: “Что готово?” Мне не говорят. Для меня так лучше было, потому что, узнай я заранее, испугалась бы, стала бы отказываться. А так приняла как

послушание. Батюшка любил повторять: "Послушание выше поста и молитвы".

Батюшка каждому давал молитвенное правило, а мне – нет. Он сказал: "Вот четки, молись. Сидя, лежа, где бы ты не была – всегда молись". У меня послушание такое – одних встречаю, других провожаю, посылки, письма отправляю. Если бы мне дали правило – где и как я бы его выполнила? Батюшка меня жалел, поэтому его и не давал.

Когда Батюшка умер, меня в городе не было. Перед отъездом я зашла к нему:

– Батюшка, так не хочу ехать, так тяжело на душе.

А машина уже пришла за мной.

– Надо, Деспина, поезжай. А приедешь, меня уже не будет. Но ты приходи на могилку. И как со мной разговариваешь, так и говори. Я тебя услышу и увижу. Только ты меня не услышишь и не увидишь.

Я каждый день звонила, узнавала, как Батюшка себя чувствует. 25 ноября его парализовало, а 1 декабря он скончался. Пять дней гроб стоял в храме Святого Александра Невского. Народ шел днем и ночью. К 5 декабря я смогла приехать в Тбилиси и была на отпевании. Если бы я не успела, пришлось бы, наверное, разрывать землю и открывать могилу, чтобы я могла попрощаться с дорогим Батюшкой.

На сороковой день очень много людей приехало к Батюшке в Тбилиси. Когда надо было уезжать – билетов не было. Тогда поезда чрез Сухуми не ходили – шла война. Я пошла в кассу – билетов нет. Что делать? Тогда я пошла на могилку Батюшки и говорю: "Батюшка, люди хотят уехать и не могут. Как же быть?" Прочитала молитвы, взяла мысленно благословение и вместо Дидубе, где находились железнодорожные кассы, пошла на площадь Ленина. Думаю, зачем я сюда иду? Там встречаю кассиршу, которая мне говорит: "Деспина, где ты ходишь? Билеты есть! Для тебя берегу". Я пришла домой и говорю: "Матушки, я вам достала билеты. Отец Виталий дал". А они – земной поклон, и плачут.

После этого случая, сколько ни ходила на его могилку со своими просьбами – все исполнялось. Хоть бы еще раз увидеть его. Надеюсь, ведь он говорил: "Мои дети будут около меня"».

Лейла Гогинишвили
г. Тбилиси

«Очень трудно найти слова, чтобы передать, каким был отец Виталий. Мы жили вместе с ним и матушкой Марией в одной квартире на Московском проспекте с начала 1970-х годов до дня его кончины.

Жили – как одна семья. Отца Виталия звали дедушкой, на его глазах выросли наши дети. Нонна и маленький Мерабик без дедушки не засыпали: успокаивались только, когда он их перекрестит. В детстве они всегда бегали "смотреть дедушку", и если заметят, какой ложкой он ел, старались тоже потом есть этой ложкой. А когда отец Виталий возвращался из церкви, дети радостно кричали: "Дедуска!" – и бросались раздевать его, подражая матери Марии, расшнуровывали ботинки, при этом смешно приговаривая: "Скушение".

Отец Виталий научил их хорошо говорить по-русски, так что когда Нонна пошла в школу, учительница решила, что у нее мама русская. Своими руками он вешал на стене иконы в детской комнате, учил детей молиться. С маленькими он был маленький, со взрослыми – взрослый, с учеными – ученый. В доме его все знали и любили. Если у кого что-то случалось – шли к нему. И он всем помогал – и духовно, и материально.

У соседа Важи сняли с машины покрышки – отец Виталий узнал об этом и передал ему деньги: "Не скорбите. Бог помог". Заболела маленькая девочка, а ее мама должна была идти в тот день на работу, – и отец Виталий становит-

ся нянькой. Он положил девочку на свою кровать, а сам лег на пол — следил, чтобы она не упала, и при этом так радовался, что ухаживает за ней.

В нашей семье всякое бывало в жизни — и сложности, и болезни. Но его молитва исцеляла. Просто посидишь рядом с ним после работы, и куда-то пропадают озабоченность, усталость, раздражение — снова прибавляются силы, становишься другим человеком.

По вечерам он приходил к нам смотреть по телевизору "Новости". И если сообщали, что кто-то погиб, во время войны или из-за несчастного случая, он шел ставить свечи и молиться за упокоение их душ. Отец Виталий молился за всех. Ночью он почти не спал. Мы всегда видели свет от свечей в его комнате и знали, что он молится. Молится за нас, за то, чтобы все спаслись. Он говорил, что людей спасет только вера.

Мы не знали, чем он жил. Матушка, когда уходила в церковь, оставляла ему диетическую пищу (у него был больной желудок), но он все отдавал Мерабику или нам. Мы сопротивлялись: "Дедушка, это вам оставили". Но он заставлял нас: "Кушайте, а то меня сестра будет очень ругать". Он мог днями не вкушать никакой пищи и ничего не пить. Спросишь его: "Дедушка, почему вы не кушаете?" Он, улыбаясь отвечал: "Я очищаюсь".

Бедным раздавал все что мог. Прислали ему из России ботинки, он даже не посмотрел на них и тут же отдал одному бедному. Сам будет голодным, а другим отдаст. Никого из приходящих к нему не отпускал с пустыми руками — всегда гостинец даст с собой.

Он и сейчас, как будто живой среди нас. Осознавать это — величайшая радость. Когда нам тяжело, мы всегда бежим на могилку к дедушке. И он помогает. Также и соседи наши. Если проблемы какие, сложности — сразу на могилку, просить отца Виталия. Отец Виталий очень много за нас всех пережил и потому так рано умер.

В день его памяти 1 декабря всегда на могилке около храма Александра Невского собирается множество людей. Сейчас в Грузии наступило тяжелое время и многие терпят нужду, как и предсказывал отец Виталий. В 1998 году поминальную трапезу в храме устраивали вскладчину: для борща пожертвовали кто лук, кто свеклу. Столы накрыли прямо в храме и накормили обедом всех, кто был на службе и на панихиде. Оставшийся борщ в трехлитровой банке принесли матушке на Московскую. А она благословила меня накормить этим борщом нищих. Я пошла на рынок и там накрыла стол на 10 человек. Потом подошли еще люди – и снова хватило на 10 тарелок. В банку словно кто-то подливал суп. Разлила и в третий раз. Тридцать человек удалось накормить в тот день. Так Батюшка и после своей смерти кормил бедных. Он не мог видеть, чтобы рядом кто-то голодал, и любил, когда все были сыты.

В этом же году дня за три до памятной даты я увидела сон, как будто отец Виталий дома, а матушка ушла в церковь. Вдруг открывается дверь, а там целая толпа людей – и монашествующие, и миряне. Батюшка говорит мне: “Пропусти всех”. А я испугалась: “Чем же я буду их кормить?” Входим в комнату – а там уже стоят накрытые столы, полные всяких угощений. Проснувшись, я поняла, что это наказ отца Виталия – пригласить людей и устроить поминки дома. Я решила во что бы то ни стало исполнить его волю, несмотря на материальные трудности.

В этот день у нас собралось почти 60 человек: пришли два епископа, игумении женских монастырей, монахи, певчие из Патриаршего собора, миряне. В Батюшкиной комнате отслужили панихиду. Пели духовные песнопения. У всех в этот день была великая духовная радость. Чувствовалось присутствие самого отца Виталия.

А поздно вечером, когда уже все ушли, я почувствовала, как я устала. Боль под лопаткой не давала покоя. Мне уда-

лось вздремнуть, и я увидела отца Виталия. Он подошел и погладил ладонью больное место. Сразу пришло облегчение, и я спокойно проспала всю ночь. Так меня "поблагодарил" дорогой дедушка.

И если у нас сегодня есть что-то хорошее – мы знаем: это Господь дает за молитвы отца Виталия. Трудно сказать, родится еще на свет такой человек, или нет. Это был человек-чудо».

Епископ Сагареджо и Гурджаанский Андрей (Гвазава)
г. Тбилиси

«Я узнал об отце Виталии в Оптиной Пустыни. Мы там жили некоторое время, и один иеромонах рассказал нам о Батюшке. Меня благословили передать подарки Святейшему Патриарху Илии, по приезде я спросил у Святейшего об отце Виталии – и он благословил меня пойти к нему. Это был 1992 год.

Впервые попав к отцу Виталию, я не задал ему никаких вопросов. Было лишь одно чувство – мне просто хотелось обнять его, как к маме прильнуть. Было не так важно, что он мне говорил, просто хотелось быть с ним рядом. И я стал часто бывать у него.

Когда придешь к нему, Батюшка выходил в переднюю комнату и делал земной поклон, а благословляя, целовал твою руку. Это было совершенно неожиданно – я терялся.

Очень скоро я сказал ему о своем заветном желании принять монашество и попросил благословить меня в Оптину Пустынь. Батюшка ответил: "Да, в Оптиной хорошо было бы. Но может и по-другому будет", – и рассказал мне, как к нему пришел один молодой человек и говорит: "Хочу в монастырь!" Но прошло два года, прежде чем он туда попал.

Я тогда и не подумал, что это относится ко мне.

А однажды он мне рассказал такую историю. В одном монастыре был эконом, и ему часто приходилось ходить по делам в село. А там он то к одному зайдет, то к другому – и проходилось выпивать. Братия стала искушаться, доложили настоятелю, а тот говорит: "Я по ночам хожу и вижу: у всех темно, в окнах света нет – спят, а у него одного свет горит – он молится. Как же я его выгоню?"

Потом, когда я сам пришел в монастырь, то вспомнил этот рассказ Батюшки. У нас тоже был эконом, который выпивал, но при этом был духовным человеком.

Отец Виталий говорил, что в монастырях всегда незримо присутствует Матерь Божия.

Осуществить свое намерение пойти в монастырь, как и предсказал отец Виталий, мне удалось только через два года. Этому помешала война в Абхазии. Я попросил у него благословение съездить в свой родной город Сухуми и должен был вернуться, но попав туда, уже не смог уехать. Я почувствовал, что должен быть там и сделать все возможное, чтобы примирить враждующие стороны. То, что там происходило, было противоестественно. Сухуми всегда отличался особой атмосферой, там вместе жили люди многих национальностей. Не было двора, где ни жили бы абхазец, русский, грек, грузин, армянин. И все друг друга знали, друг друга любили и всегда были готовы придти на помощь. Не было такой школы или института, где бы ни учились ребята разных национальностей. Думаю, что все происшедшее в Грузии – плод нашего безверия.

Перед отъездом в Сухуми отец Виталий дал мне с собой иконки и 90-й псалом: "читай", – сказал. И я всю войну носил на груди у сердца эти святыни, и остался жив.

В Тбилиси я приехал, когда узнал, что отец Виталий скончался. Попрощался с ним в храме и вернулся назад, не дожидаясь похорон. И всю войну я чувствовал, что он меня оберегает и помогает мне. Я за все благодарен отцу Вита-

лию: благодарен за то, что стал монахом, за то, что Господь поставил меня настоятелем Лавры святого Давида, за архиерейство мое*.

Я благодарен нашему Святейшему Патриарху Илии, архимандриту Иоанну (Крестьянкину) и всем людям, которые меня к этому привели. Отца Виталия роднила с этими пастырями та особенная любовь, которую они источают для всех. Это был очень нежный человек. Я благодарен Богу за то, что мне, пусть очень короткое время, посчастливилось быть рядом с ним».

---

* Отец Виталий предсказал юному Андрею архиерейство. Вот как вспоминает об этом матушка Серафима: «Когда Андрей вышел от нас, отец Виталий вдруг сказал мне: "Ты что же благословение у архиерея не взяла?" Я не поняла тогда, о каком архиерее он говорит, ведь Андрей тогда еще и монахом не был».

Письма к духовным чадам

О письмах схиархимандрита Виталия следует сказать отдельно. Живя в Тбилиси, он ежедневно отвечал на письма своих духовных чад, писал сам, чувствуя, кому необходимы в данный момент поддержка, наставления, или просто поздравлял с церковными праздниками, давая тем самым знать, что никто не забыт, за всех совершается молитва. Среди его адресатов – епископы и священнослужители, монашествующие и миряне, собратия по пустынническої жизни, ученые и простые люди, члены их семей и просто знакомые, о которых они упоминали Батюшке в своих письмах. На это ежедневно уходило по несколько часов.

Одна из духовных чад отца Виталия вспоминает, что, когда она однажды приехала к нему, Батюшка показал ей на чемодан писем, на которые надо было отвечать, а он по болезни не мог этого сразу сделать. Но ни одно письмо никогда не оставалось без ответа. В одних письмах были исповеди, в других – просьбы помолиться: кто-то должен скоро родить – Батюшка ставит свечу, другой сдает экзамены – снова свеча... Он утешал письмами людей, которые были далеко и не могли лично обратиться к нему. Но часто ему и не требовалось читать о скорбях своих чад в их письмах. Он знал об

этом сам: «Слышу Вашу скорбь, печаль, недоумение, болезни, душевные и телесные изнеможения и разнообразные искушения», — писал он в одном письме. И многие бывали поражены, получив письмо от Батюшки с утешением и наставлением в тот самый момент, когда они в этом так нуждались. Удивительно было и то, что письма от отца Виталия иногда приходили без полного адреса. На конверте могло стоять просто — «Нине» или только название города.

Многие его послания были с особым значением. Так на одном конверте он написал «Петербург» и вложил туда керенки. Тогда еще никто и не помышлял о возвращении Ленинграду старого названия и об обмене денег.

Чада знали: если отец Виталий вложит в письмо какие-нибудь старые билеты на самолет или поезд, значит они обязательно приедут к нему, имея благословение.

Иногда он без слов, с помощью изображений на открытках, предупреждал людей о грядущих событиях в их жизни, чтобы они были готовы встретить их по-христиански. Иногда он обличал в шутливой форме, и чада знали, что Батюшка, хоть и за горами Кавказа, а все видит, от него не скроешься.

Так в одном письме он воспитывал своих подопечных, приписывая их грехи себе: «Венедикт»* не смиряется, со всеми вздорит, пререкается, делает свою волю, и ему трудно жить. Надо бы молчать, трудиться, заниматься Иисусовой молитвой, никого не осуждать, любить, прощать, тогда и помощь Божия будет».

Или прибегал к такому приему, когда содержание письма надо было понимать наоборот. И это была еще одна форма ласкового обличения: «Благодарим, что всегда кланяетесь, поститесь, память смертную имеете, Иисусову молитву беспрестанно читаете, все раздаете...»

---

* Монашеское имя, данное ему при постриге.

В своих письмах отец Виталий старался не от себя говорить, а устами Святых Отцов. Обычно письмо начиналось пространной выдержкой из святоотеческих поучений или житий святых, а потом уже шла небольшая приписка отца Виталия. В этом он перенял образ общения в письмах от отца Серафима (Романцова). Как и отец Серафим, он давал приезжавшим к нему чадам переписывать отрывки из писем святителя Феофана, из творений святителя Игнатия Брянчанинова, святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников. Накопив стопку таких «заготовок» отец Виталий, отвечая на письма, брал «наугад» листок с поучением и на нем своей рукой делал приписку, обычно краткую. Как потом оказывалось, эти заготовленные поучения приходились многим очень кстати.

Публикуемые здесь избранные письма схиархимандрита Виталия включают только собственно авторскую часть письма. Для удобства чтения письма издаются в современной орфографии, хотя отец Виталий пользовался дореволюционными правилами правописания.

Милость Божия буди с Вами,

Богом хранимые рабы Божии <...>!

Поздравляем Вас с наступившими днями Рождественского поста, да сподобит Господь дождаться и светлого радостного Празднества Рождества Христова! Соутешаюсь с Вами и радуюсь о Господе, яко Он благ, яко в век милость Его. Щедроты Его на всех делех Его, но нам горько и тяжко, и несносно, и яко во огни жегомые и томимые. Все сие делают грехи. Что же делать? Как поступать? Всем одно прибежище и отрада: Господь и Матерь Божия. Много людей и много путей ко спасению, а недоумений и искушений такое множество и разно-

образие, что ум от соображения теряется, голова болит, а тело изнемогает. Молись, душа моя, особенно Иисусовою молитвою, которая все приведет в надлежащий порядок. Проси у Господа и Матери Божией умудрить во спасение и научить всему священному. Проси всего, что хочешь, доброго, но и другому желай и делай то же как себе. Во грехах будем каяться, исповедываться, сокрушаться, в молитвах пребывать, и себя каждый должен во всем окаявать, что сами виновны, а не кто другой, тогда скоро услышит нас Господь. Авва Макарий говорил: если мы будем помнить о зле, какое сделали нам люди – в нас ослабеет памятование о Боге, если же будем помнить о зле, наносимом демонами – будем безопасны от стрел их. Авва Ор говорил: в каком бы искушении ты ни был, не жалуйся ни на кого, кроме себя, и говори: это случилось со мною по грехам моим. Авва Пимен говорил: если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил. Все свои просьбы возложим на волю Божию, и чего не исполнит Господь по нашему желанию и просьбе – будем довольны. Он лучше знает, что нам для спасения полезно. Довлеет молитвы, которою беседуем с Господом и Матерью Божиею и угодниками Божиими. Величайший дар сея святые беседы. Как нам радостно и отрадно беседовать с теми, к кому имеем нужду и откуда получаем утешение, а тем паче в беседе с Творцом Своим. Итак, возрадуемся и возвеселимся о делах Божиих, превосходяй всяк ум человеческий. Все у Бога и от Бога, Ему слава с Сыном и Святым Духом во веки, аминь.

Пишет старец ученику своему: «За обидчиков молись, они твои друзья, через них тебе Господь дает венцы, а если ропщешь, да еще и сам обижаешь, то лишаешься венцов». Следовательно, избегай любопытства, пересудов и всего лишнего, не относящагося к тебе. Каждый день готовь себя к искушениям, скорбям и всякого рода обидам, клеветам и тому подобному, знай, это к тебе милость Божия идет. За претерпение всего станешь в ряды мучеников и без других подвигов сподобишься Царствия Небеснаго.

Помни главное:

1. Считай каждый день последним твоей жизни и проводи его в страхе Божием и сокрушении сердечном. Сокращай суету, избегай празднословия. Памятуй о Боге и взывай к Нему с покаянием.

2. Не суди и не осуждай никого, иначе себя осудишь. Не разбирай чужих мыслей*, дел, кляуз и сплетен, проходи мимо: это враг старается разсеять тебя и отвлечь от молитвы.

3. Знай Бога, храни Его Заповеди, слушай духовнаго отца; от ближних в свою душу принимай только доброе, что согласно с Заповедями Божиими. Старайся себе внимать и никого не осуждать, и не замечать чужих недостатков, — у нас своих много. Хульных, блудных, обидных и всех родов помыслов отвращайся и будь к ним без всякого внимания. Старайся всех любить, никого не огорчать, не сплетничать и всем уступать. Быть мирным и снисходительным ко всем.

Вот по милости Божией, вашими святыми молитвами, выписал для пользы своей души от святых книг и отцев, думаю и вы найдете здесь назидание, отраду, покой и утешение. Дай Вам Господи мирнаго устроения, любви, согласия, тишины, покоя, отрады на многие годы зде, а в будущем Царства Небеснаго, о Христе, аминь.

Виноват во всем и перед всеми испрашиваю прощения, святых молитв и благословения, с миром Христовым к Вам в молитвенной памяти Венедикт.

✢

Спасайся, сестра Мария, о Господе!

Вот образец, и дыхание, и жизнь действием Святаго Духа, как древние Святые Отцы учили чад своих и нам оставили образец своих изречений.

---

* Т. е. не выслушивай чужих мнений.

Братия! Господь сказал: «Овцы Моя гласа Моего слушают, и по Мне грядут» (Ин. 10, 27). И потому, кто истинный ученик, тот пребывает послушным своему Авве во всем до смерти, и все, что ни делает его Авва, он обращает себе в назидание, не смея разсуждать о повелеваемом ему или сказать: «Зачем это? Для чего это?» Иначе он был бы не учеником Аввы, но судиею; все же такое происходит не от чего иного, как от развращенной воли человеческой. Итак, если чей-либо Авва повелит ученику своему сделать какое-либо дело, а тот станет противоречить, то очевидно, что он желает поставить на своем и упразднить слово Аввы своего. Пусть таковый разсудит, кто в сем случае будет Аввою: тот ли, чье слово упразднилось или тот, чье осталось? Кто хочет исполнить свою волю, тот сын диавола, а кто исполняет волю таковаго, тот исполняет волю диавола. Если же он и исполнит волю свою, то и тогда не получит покоя. (Я всегда от своеволия не покойный, простите мне, сестры.) А что в сем заключается? Лишь одно непослушание, которое есть погибель души.

Итак, кто видит себя, что он соблазняется своим Аввою, тот должен отойти от него, дабы не погубить души своей и не понести осуждения за других, которых он развращает. Не зная, хорошо ли, или худо сделал Авва его, он соблазняется безвременно, ради своей воли, потому что, если бы и сделать по воле его, праведнее Аввы своего никто не был. А когда он лучше Аввы своего знает полезное, оставаясь еще учеником его, пусть отойдет и сам научит других. Не прельщайтесь от диавола и не следуйте внушениям своей воли во вред себе, — никогда не будет по воле вашей, ибо зло не истребляет зла. Но если предоставите волю вашу Богу, то Он сотворит как Ему угодно.

Сестра! Надобно потерпеть, ибо Господь сказал: «В терпении вашем стяжите души ваши» (Лк. 21, 18) и Апостол: «Терпения имате потребу» (Евр. 10, 36). Если Бог восхотел испытать тебя, можешь ли ты потерпеть что-либо, то ужели ты окажешься не имеющей терпения? Почему не сказала ты своему

помыслу: «Сколько времени я прожила, ужели не потерплю и остальные немногие дни?» А когда помысел скажет тебе: «Как же Авва другим сделал?» — то отвечай ему: «Потому что они святы, а я недостойна, и, напротив, достойна всякого оскорбления». Если ты считаешь Авву твоего человекоугодником, а он в самом деле не таков, то ты губишь душу свою; если же он и действительно человекоугодник, то ты не дашь за него ответа, а он должен дать ответ за тебя. Кто желает получить что-либо и не получает сего, тот должен разсмотреть время, удобства и досуг, и тогда узнает, почему не случается то, чего он желает; но кто и не дознался сего, не должен порицать кого-либо другого, а только себя, говоря: «Я недостоин». Таков путь желающих спастись и жить по Богу.

Если хочешь помолиться о многих предметах, то поелику Бог знает, в чем мы имеем нужду, молись так: «Владыко Господи, Иисусе Христе, настави мя по воле Твоей!» Если же о страстях, то говори: «Исцели меня по воле Твоей». А когда об искушениях, говори: «Ты знаешь полезное мне, помоги моей немощи и даруй мне по воле Твоей избавление от искушений». Или: «Господи! Я в руках Твоих, Ты знаешь полезное мне, наставь меня по воле Твоей, не попусти мне впасть в заблуждение и злоупотребить даром Твоим. Устрой же, Владыко, чтобы сие совершилось в страхе Твоем, ибо Твоя есть слава во веки, аминь».

Мы должны всегда иметь такую уверенность, что согрешаем во всем — и в слове, и в деле, и в помышлении, а говорить при всяком случае: «я согрешил», — не можем. Это внушают демоны, которые хотят повергнуть нас в уныние. Они же внушают нам, будто, если не говорим таким образом о каждом своем деле, то считаем себя не согрешившими. Но вспомним Екклезиаста, который говорил: «Время глаголати и время молчати» (Еккл. 3, 7). И поутру за прошедшую ночь, и вечером за день, скажешь с умилением в молитве нашей Владыке Богу: «Владыко! Прости мне все имене ради Твоего Святаго и исцели душу мою, яко согреших Тебе». И достаточно тебе сего, подобно тому, как если кто-либо, имея постоянного заимо-

давца, берет у него деньги разновременно и, не будучи в состоянии каждый раз расчитываться с ним в точности, расплачивается вдруг; так и здесь.

Вот взяты изречения от древних Святых Отец. Пользуйся ими во славу Триипостасного Бога, молитвами Богородицы, предстательством Безплотных Сил Небесных, и всех Святых, от века Богу угодивших и отец наших, ныне подвизающихся и о нас молящихся. Аминь.

Спрашивайтесь у Старцев.

Возлюбленне отче!

Благослови поздравить тя со Святой Страстной седмицей, где воспоминаются страдания Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Даруй, Господи, слезы, без которых трудно, ибо лень и прочее воинство грехов нападает на мя, и я безсилен, потому что богатырь греха влечет мя в огнь мучения. Молчаливый — из мудрецов мудрец, смиренный — из силачей силач. Я ни того, ни другого не имею. Слеза, аки капля дождевая питает растение, слеза душу очищает и с Богом сродняет<...>

Отошла ко Господу сх[имонахиня] Феофила, и я задолжал 2.800, а со слезами легко все погасить, аз же не имею их. Прости мя, Человеколюбче, Ему слава. Аминь.

Кланяемся, благодарим, простите.

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреподобие отче <...>!

Господь сотворил человека не на погибель, а на спасение, надобно сему по-детски верить и трудиться. Господь Своею милостию наградит Вас. На земле труды, а после — на-

града и утешение. Смотря на детей, диву даешься: оно, дитя, ничего такого не знает, как взрослый, но всегда в восторге и радости, бодрости и веселии, в усердии и бдении.

Когда мы мыслим, то на все надобно смотреть, что везде и всюду Бог, и ничего нет, где бы Его не было. Эта мысль будет связана и с Богомыслием, и молитвой, и благодарными чувствами вездеприсутствия Божия. И слова, и дела наши должны быть перемежены Богом, Святым Писанием, крестным знамением, благословением. О том, что у нас это отсутствует, сказал Святой Иоанн Кронштадтский, а потому, как туманом и тучами закрывается Солнце Правды Христос, Который да благословит, подаст Вам Святаго Духа, Ему слава во веки, Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Аминь.

Благословите, молитвой всегда с Вами, простите.

Возлюбленне отче <...> !

Бог наш на небеси и на земли, вся елика восхоте, сотвори, Ему слава. Аминь. Надо себя считать неоплатным виновником, принося покаяние. Видишь, Святой Серафим Саровский, чудотворец, стоя на камне, 1000 дней и ночей молился молитвой: «Боже, милостив буди ми, грешному». Святой Ефрем Сирин называл себя мерзостью, а в молитве произносил: «даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Святой Царь и Пророк говорил: «Я червь Израиля». Апостол Павел называл себя извергом. И каждый из Святых себя хулил и плакал о гресех. Есть икона Святителя Николая, где изображены на лице полосы-рытвины, которые образовались, когда по щекам его струились слезы*.

Святой Великий Антоний молил Бога указать, кому он подобен. И Господь сказал, что он не пришел еще в меру са-

---

* На иконных ликах многих подвижников веры под глазами изображены следы от пролития обильных покаянных слёз.

пожника, живущего в городе. Святой пришел к сему человеку и узнал, что тот так мыслит: «Все люди спасутся, а я один погибну», — и всегда плакал.

Старайся всегда читать: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Всех считай святыми, никого не осуждай, терпи находящие испытания, за скорби и радости благодари Бога, понуждай себя на делание добра, не унывай, исповедуй грехи Богу, смиряйся, помни Страдания Христовы, имей память смертную, трудись, неся послушания, и тако с Господем будеши. Он да благословит тя, Ему слава. Аминь.

Кланяемся, благословите, трудитесь, спасайтесь, простите.

Возлюбленне отче!

<...> Вы мне предлагали на Старый Афон и милости с проездом, визой, жительством, а когда я спросил Владыку схимитрополита Серафима, он ответил, что все сделают и помогут, и задал вопрос: «А Бог этого хочет?» Я сказал: «Не знаю». — «Будь на месте, это и есть воля Божия!» Вот почему я и не поехал<...> Святое Писание вещает: будут искать правды и пойдут с Востока на запад и во все стороны. Правду надо искать в себе: смиряться, терпеть, молиться, не осуждать, не любить мира, ни яже в мире, не иметь пристрастия ко всему земному, отсекать своеволие, нести крест жизни, уповая на Господа, этим и совершается воля Божия. Кто у нас — стремится к Вам и в те места, а кто во Святой Лавре — те намереваются на Кавказ. А надо спросить у Господа, изволяет ли сего Господь и Божия Матерь. Надо быть на месте. Господь и Матерь Божия Вас призвали на путь, по которому Вы идете и труд, который делаете, — и будьте на месте, в сем спасение.

Спасайтесь, простите.

Благословите, Вл[адыко], отче <...> !

Премного Вам благодарны. На день памяти святителя Николая Мирликийского чудотворца получили 2 письма, на день памяти преподобного Патапия отвечаем. Спаси Вас, Господи. За вас всегда свеча умоляет Бога о здравии, помощи, благопоспешении. Премного Вас благодарим за великие труды, заботы, святую память, молитвенные бдения. Если не буду я чинить одежду или не мыть ее, когда она не будет новая, то меня не пустят за праздничный стол. На то Господь дал мне воду, чтобы мыть, иглу, чтобы починить и указал: в поте лица твоего снеси хлеб твой, т. е. трудись, исповедуйся, смиряйся, советуйся, кайся. Как узнаю, правильный ли путь мой, если молчу и не советуюсь с духовником. Хотя какую-то часть его прошел, а может путника обидел, недружелюбное слово сказал, чем-либо смутил его доброе устроение или еще что сделал? Вот поэтому и должно открывать свои намерения духовнику и без его совета ничего не предпринимать и планы не строить. Свое намерение, без откровения, есть грех, и намеченный план будет трудный, а мы в трудностях не благодарим. Господь учит благодарению, а оно будет при совете и откровении.

Челом Вам до лица земли. Ваши грешные питомцы. Владыко шлет Вам молитвенное благожелание. Простите.

Христос Воскресе!

Возлюбленне отче! Писано есть: Многи скорби праведным и от всех их избавит я Господь (Пс. 33, 20). Господь рек: возьми крест и вслед Мене гряди, а без креста и не ходи, Ему слава. Аминь.

Благословите, благодарим, простите.

Возлюбленная мать В., все родные и присные о Господе!

Владыко шлет Вам благословение Божие, молитвенное благожелание! <...> Надо просить, молить, плакать, каяться всю жизнь и предаваться воле Его Святой. Соблюдать посты, носить крестик на груди, молясь с поклонами, соблюдать праздники, а когда нарушаем, тогда каяться, а нарушаем всю жизнь. Всегда проси и моли Господа и Матерь Божию, говоря: да будет воля Твоя, Господи, — но не настаивая на своем, это свое нам и дает тяжесть. Господь рек: «Сыне, даждь ми твое се́рдце» (Притч. 23, 26), — это что бы мы ни делали, ни мыслили, а от Господа не отступали сердцем, но мы так не поступаем. Но Господь нам все равно помогает и ведет путь человека ко спасению.

Целуем, кланяемся. Ваши грешные питомцы о Господе, Ему слава подобает во веки. Аминь. Ангела Вам Хранителя. Благословите, простите.

Благодать Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, любы Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди с тобою, сестра В.!

Не смущайся бывающими испытаниями. Господь рек: «Терпением вашим спасайте души ваша» (Лк. 21, 19) и «Претерпевый же до конца, спасется» (Мф. 10, 22). Старайся аккуратно молиться утром, вечером и при всяком деле, хотя бы так: «Благослови, Господи». И вместо других мыслей говори: «Господи, помози ми. Господи, защити мя. Господи, научи мя творити волю Твою». — Тако творя, ты будешь беседовать с Богом, что и есть молитва. Другие мысли не принимай, они не Божии.

Всегда молимся и помним Вас, с любовию Ваши питомцы грешные. Простите.

Возлюбленная мать В.!

Бог Неба и земли да благословит тя и поможет. Надо предаваться воле Божией и за все благодарить. Никогда не забывать грехи свои, тогда и терпеть нечего. Святой Петр всю жизнь плакал – ему надо подражать. Святой Иоанн Богослов – пример послушания. Надо жить их жизнью, тогда получим спасение.

За начальников надо молиться такою молитвою: «Господи, благослови, кого я осудила (имена) и их святыми молитвами и мя, окаянную, помилуй». 12 поклонов поясных и сию молитву. Мы всю жизнь читаем – так учил отец Серафим.

Кланяемся, целуя стопы Ваши о Господе. Ему слава. Аминь. Спасайтесь, простите.

Возлюбленная мать <...> !

Благослови тя Господь и управи путь твой во спасение. Благодарим, что совершаешь множество поклонов, безпрестанно читаешь Иисусову молитву, читаешь «Богородице Дево, радуйся», соблюдаешь пост, все раздаешь, что есть. Венедикт этот: жадничает, обрезывает волосы, посты не соблюдает, ропщет, унывает, злится, ярится, покоя не находит, потому и ропщет. А тебя Господь любит за труды и подвиги и спасение уготовляет.

Целуем. Коленопреклонные дети Ваши. Спасайтесь, простите*.

---

* В этом письме отец Виталий (тогда монах Венедикт) обличает свое чадо, приписывая ей подвиги, которые она не исполняет, а ее грехи относит к себе.

✣

Возлюбленные сестра В., папа и вся семья!

Благословение дедушки Зиновия* да почиет на тебе во веки! В день его именин он был на Бдении и потом на Божественной Литургии, и теперь уже на ножках своих.

Почему ты не молишься? Ходишь, ездишь, сидишь, бежишь, кушаешь — всегда молись. Говори Богу и Матери Божией все, что тебе хочется, а молитву заключай: да будет воля Твоя, Господи. И ежели что не совершится по твоему желанию, ты ясно будешь знать, что такова воля Божия.

Читаешь ли «Богородице Дево, радуйся» 24 раза с поклонами? Нет. Кому же нужна накрашенная, волосы урезаны и главное, не молящаяся? Зачем все себе так делаешь? Надо Бога просить, а на улице друзей не искать. Кто найдет друга уличного, то плохо будет ему, а ежели в доме — то богатство ему. Ищи Жениха красивее, мудрее, богаче всех, Ему слава. Аминь. Возлагайся на волю Божию. Не оставит тя Господь. Ему слава. Прости.

✣

Возлюбленные мамы <...> родные и присные!

Если душе тяжело, то надо помногу поклонов творить, несколько Акафистов молитвенно прочитать, безпрестанно Иисусову молитву творить, а главное: отсекать своеволие, никого не осуждать, все раздавать, волосы не резать, ни капли не только спирта, а и вина не пить, молчать, благодарить, терпеть, не роптать, тогда придет помогающая благодать.

Святая Феодора однажды согрешила и всю жизнь каялась, а за человека убиенного надо великие подвиги нести. Для кого трудишься? Для спасения своей души. Что приобрела

* Владыки Зиновия.

Благодать Господа † и Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа, любы Бога и Отца и Причас-
тие Святаго Духа буди со всеми вами
наши радосте: мать Мария, Владимире,
Марина со сродниками! Благослови Васъ
Господи Своею Нетленною Десницею, утешая,
помогая, заступая, сохраняя, милуя,
спасая, украшая добродетелями, сообщая
Святаго Духа, путеводя прямо во Оби-
тели Небесного Нерукотвореннаго Божія
Царя! Покровит Васъ Матерь Божія Свя-
тымъ Своимъ Омофоромъ во вся дни
живота Вашего. На Святой Горе Афонской
всегда брали благословение у Божіей Матери
Святой Ея иконы. Вы всегда такъ делай-
те сделавъ 3 поклона Святой иконе гово-
рите: благословите Господи и Матерь Божія
да будетъ помощь наша отъ Господа, который
хранитъ насъ, помогаетъ путеводитъ пря-
мо во Обители Небесные. Спаси Васъ
Господи, Ему слава подобаетъ со
Отцемъ и Животворящимъ Духомъ во
веки. Аминь. Премного благодарные
нитолизы Ваши. Простите и Въ Бозе
живите

Письмо отца Виталия.

раздавай, возьми найди нуждающагося и помогай ему, и будет тебе венец спасения. Жалеешь, что диаволу не послужила, потому и ропщешь. Также и мать М. Где поклоны ея? Почему не смиряется перед мужем? Зачем его укорять? Надо любить, терпеть, молчать, благодарить. Если бы была одинокой, то это одно. Не надо было выходить замуж, а если вышла, то терпи, а теперь этот крест жизни [надо] нести со благодарением. Везде надо смиряться.

<...> Я поминаю грехи своя и рад, если бы убили, или расстреляли, дабы спаслася душа. Говорю: все надо раздавать, но не слушают. А Вы стремитесь к тому, чтобы избавиться вечных мук. За все будем отвечать. Кланяемся, целуя стопы Ваши о Господе, Ему слава. Аминь. Спасайтесь, терпите, смиряйтесь, благодарите и спасетесь. Простите.

✢

Возлюбленная мать М.! Христос Воскресе!

Мне вознаграждений не надо, папа мой, мама моя, вы мамы мои, вы мои родные во Христе, какие-же вознаграждения. Это Богу благодарения. Я разве сирота? Весь мир мои папы и мамы, и Вы так поступайте. Это диавол учит роптать, чего-то искать, желать, а Господь велел: «Не любите мира, ни яже в мире» (Ин. 2, 15). Господь Вас не наказал, а наградил великими и богатыми милостями. Учитесь всех любить, привечать, тогда никогда одни не будете. Квартиранты — это Ангелы Божии. Так мыслите и благо Вам будет.

Проснулась — не о делах думай, а Иисусову молитву читай, да Святаго Ангела Хранителя зови, Матерь Божию, Святых. Вот отец Андроник, отец Серафим, владыко Серафим, папа Андроник, мама Анастасия — они не умерли, а живы. Их всегда надо поминать в домашней молитве, а они неразлучны с нами. Я не сирота, а богач — весь мир папы и мамы. Так поступай сама и благо Вам будет.

Целуем стопы Ваша о Господе, Ему слава. Аминь. Ангела Вам Хранителя. Благослови, Господи. Простите.

Возлюбленная мать Е., все родные и присные о Господе!

Вот Господь сподобил быть возле Святого Сергия в Дому Живоначальныя Троицы. Никогда не огорчайся, возверзи печаль на Господа, Матерь Божию и Святого Сергия. Святые потому сделались друзьями Богу, что терпели, верили, мужали, смирялись, плакали, каялись, молились, а Бог их укрепил и ввел во обители небесные, где нет ни скорби, ни печали, ни воздыхания. И Вас Бог любит, бдит и ведет путем спасения. Читайте Святое Евангелие, Псалтирь, Акафисты, занимайтесь Иисусовой молитвой. Понуждайте себя понемногу. Когда мы кушаем пищу, то на столе разные продукты: и хлеб, и чай, и овощи и фрукты. Так же и духовно себя питайте, читайте, молитесь, пойте. Не обращайте внимание на мысли, которые надоедливо внушают нехотение делать святое, а Вы себя понуждайте, не унывайте, не приходите в безнадежие, и помощию Божиею и Богоматери обрящете искомое, т. е. спасение. Благословляющему Вас Господу, Слава, Честь и Поклонение во веки. Аминь.

Возлюбленная мать Е. со всеми о Господе присными!

Покрый Вас Матерь Божия Святым Омофором во вся дни живота Вашего. Себя всегда надо упрекать, каяться, смиряться, всех считать святыми, а себя великой грешницей, никого не осуждать, помнить смерть, суд, ад, заниматься Иисусовой молитвой, что ни делаете говорите: «Господи и Матерь Божия, благословите...» Вот и будет отсечение своеволия. Всех считайте родными, все раздавайте, всех любите и уважайте.

Свои сбережения надо раздавать. Бог позаботится о нуждах. Кто отпевать будет, Бог тоже определит. Друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим. Ему слава. Аминь.

Христос посреде нас. Спасайтесь, не скорбите, простите.

Возлюбленная сестра З. и все о Господе присные!

Благословите поздравить Вас со Святой Страстной Седмицей, где воспоминаются и воспеваются страдания Христовы. Поминая, человек благодарит Бога и спасается. Тако и ты, радость наша, не скорби, люби, терпи, предаваясь воле Божией. Скажешь, не соболезнуют тебе, а ты вспомни, что Спасителю никто не соболезновал, когда били, бичевали, плевали, хулили, пхали, ударяли бичами, руками, завязывали глаза, ударяли и кланялись, смеялись, издевались, вымогали, чтобы сказал Господь слово нетерпения, но Господь терпел, молчал, смиренно молился за обидчиков, а когда наступило [время] прибивать гвоздями, Сам пошел на крест с радостью страдать, за меня, тебя и весь мир. А мы должны за свои грехи терпеть, а помощь Небесная придет от Господа и тебя укрепит, Ему слава. Аминь.

Кланяемся, целуем, благодарим. Спаси, Господи, тя. Спасайся, не скорби. Прости.

Возлюбленная мать Е., мать М., родные и присные о Господе!

Надобно терпеть и молиться за соседку мать З. Заказывайте о ней заздравные литургии, ставьте свечи, подавайте просфорки, подавайте милостыню, совершайте поклоны по 12 за день с молитвою: «Благослови, Господи, рабу Твою З. и святыми ея молитвами помилуй мя, грешную». Тако творите

и приидет вожделенный мир. Никогда не ропщите, любите, терпите, не осуждайте и получите венец спасения. Помогающему Вам Господу Слава, честь и поклонение. Аминь.

Кланяемся, спасайтесь, простите.

Возлюбленные радосте наши мать О., С. и все о Господе присные!

Да благословит Вас Богомладенец Христос и подаст великие Свои милости. Для того чтобы кушать хлеб, требуется великий труд: пахать, садить, полоть, косить, молотить, молоть, печь, — так достается насущный хлеб, а спасение тоже сопряжено с трудом. Надо только любить, а любящему этот труд — сладок. Мы не хотим ходить в Божий Храм, а там Господь и Его таинства, молитвы, службы, исповедь, Причастие — все для нас, а мы не хотим. Идите к отцу А. , спрашивайте, советуйтесь, любите, ищите и найдете. За безрукавку ничего не думайте, у нас их много, и пусть Вам это как благословение и не скорбите, Благослови Господи. Осуждать никого не надо. Вы не одинокие: Господь, Матерь Божия, Ангел Божий, вокруг люди Божии, эту мысль, что одинокая не принимайте. Господь рек: «Ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся» (Мф. 7, 7). Молите Господа и получите просимое. Уже хорошо, что знаете дорогу в Божий Храм, а Храм ведет в рай. Благослови Вас Господи, Ему слава. Аминь.

Спасайтесь, не скорбите, простите, молимся.

Возлюбленные радосте мать О., С., родные и присные о Господе!

Слава Богу, что сынок побывал в Святой Обители, надо бы и жить там, а ежели нет такой возможности, то дома проводить жизнь, аки во Святой Обители. Ежедневно у мамы брать благословение, соблюдать посты, трудиться, любить Божий Храм, стремиться к Богу всей душой и телом. Глубока пропасть ада и страшные муки огня. Не дай, Господи, никому туда попасть, а для сего надо усердно любить Матерь Божию, совершая поклоны, читая: «Богородице Дево, радуйся» по 150 раз и Акафист Матери Божией ежедневно. Она непременно того спасет, кто к Ней прибегает. Да благословит Вас Господь, помилует и спасет, Ему слава. Аминь.

Кланяемся, целуя стопы Ваши, благословите. Спасайтесь, простите.

✢

Возлюбленные наши родные папа, сестры, братик, родные!

Благословение Владыки да почиет на Вас во веки!

Получили письмо, читали. Да поможет Вам Господь!

Зачем ты много думаешь о суетном, а не читаешь умом молитвы? Что не веришь Богу? Если бы я думал, то давно с ума бы сошел или еще что-нибудь нехорошее было бы со мною. А я вот спрошу – мне сказали и я верю, а себе и своим мыслям не верю, вот мне и легко. Скажу тебе: не верь мыслям и найдешь покой, именно то, что ищешь, оно прийдет к тебе, ненадуманным планом, а милостью Божией.

Ваши грешные питомцы. Простите.

✢

Возлюбленные радосте наши, золотые папы и мамы!

Владыко шлет Вам благословение Божие и молитвенное поздравление с Рождеством Матери Божией, Престольным

праздником Глинской обители. Мама моя! Никуда не надо ехать, а сюда приезжай, Владыко ждет, здесь и отдохнешь. Живи в Боге, пей святую воду во исцеление, ешь пищу благословенную Матерью Церковью, одевайся скромно, как говорили святые, только ради прикрытия наготы и тела в стужу, следи за собой, чтобы не опорочить себя. Человеку дана святая жизнь, а ты ведь не желаешь быть наказанной, так Господь и рек: «Ищите прежде Царствия Божия, а вся прочая приложится Вам» (Мф. 6, 33).

Хорошо, что по 5–6 часов молишься, но надо и смиряться; хорошо, что постишься не вкушая пищи до 9-го часа, но надо и слезы покаяния лить; хорошо, что милостынею все раздала, но размышляй, что положила все сие в Небесные обители – тогда увидишь, что никого на свете нет чужих – родные все, не будешь завидовать, только диавол завидует, а Господь указал на необходимость всех любить. И если хочешь с Богом быть, то ревности святой будешь подражать Святого Иоанна Киевского*, закопавшему себя в землю, да с Богом будешь и все поймешь. Ему слава. Аминь.

Целуем, кланяемся, прости.

Возлюбленные радосте наши, родные и присные о Господе!

Благословите поздравить Вас со Страстной Седмицей! Дай Боже слезы омовения. Вы не одни, а вокруг Господь, Божия Матерь, Святые Ангелы, Небожители, Божии люди. Только любите – и весь мир Божий, и все станут Вам родными. А

---

* Прп. Иоанн Многострадальный (память 18 июля), подвизавшийся в Киево-Печерской Лавре в XII веке, дважды закапывал себя по грудь в земляную яму: когда боролся с блудной страстью и впоследствии, провидя свою кончину. // Киево-Печерский Патерик. М. 1996. С. 252–257.

чтобы быть счастливыми, творите Иисусову молитву — и она Вам родит детей неоцененных, добрых, благословенных: смирение, кротость, любовь, терпение. Все раздавать милостыней, о земном не радеть, ради Господа терпеть, благодарить, отсекать свою волю, не унывать, а благодарить и всегда славить Бога. Слава Богу во веки. Аминь.

Кланяемся, благодарим, простите.

✣

Возлюбленные радосте наши отче Н., с. А., причет и присные о Господе!

Пожалуюсь Вам на Венедикта*.

Какой позор ему и срам: не смиряется, лежа молится, лентяйничает, иногда стонет. Я ему скажу: «А не стыдно притворяться?» — А он, как безсовестный, молчит, потом потянется и спит, и Иисусову молитву не творит. Я его давай журить: а смерть, а суд Страшный, а огонь, а муки ада? Он немного помолчит и лежит. А я ему паки: да встал бы, да поклоны, [а то] брать — здрав, а молиться — так лениться. Говорю ему: безсовестный ты человек, тунеядец. Говорю, что люди скажут? Пузан такой, потому и поклоны не кладешь, что страха Божия не имеешь — а он себе молчит. Ну немного помолится, когда ест, а поевши — лежит. Ну какой же чурбан безстыдный. Ни укоры, ни уговоры, ну ничего твердолобия не освежает ума: надо о земном нерадеть, на Бога глядеть, слезы покаяния лить, и умным деланием гореть. Ну ему стыдно. Шлет он Вам и с. Мария и Святый Тбилиси земной поклон, благодарение. Он еще и кланяется, целуя стопы Ваши о Господе, Ему слава. Аминь.

Спасайтесь. Спаси Вас Господи. Простите.

---

* Здесь отец Виталий (тогда иеромонах Венедикт), рассказывая как бы о себе, обличает свое духовное чадо.

✣

Христос Воскресе!

Возлюбленне отче! Во святой Обители Покрова Матери Божией были скорби, боялись, что закроют Святую Обитель. Мать Игумения раздала каждой матушке по Акафисту. Их 70 человек, каждой по Акафисту читать после правила в ночное время келейно. Из города Золотоноши видели, что монастырь как бы горел. Пришли люди утром из города, а никакого пожара, конечно, не было, это был Божественный свет от молитвенного чтения Акафистов, и до сих пор молит Бога Святая обитель не закрытая. Все сестры пусть читают Акафисты разные, одна – Божией Матери, другая – Спасителю, а третья – Святителю Николаю, и все разные, а Господь и Матерь Божия и Святые сотворят чудо. Прописываться в Воронеже сестрам не надо. Терпеть, а Господь управит Сам. Во все свободные минуты всем безпрестанно читать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею помилуй нас грешных». Бог и Его Пречистая Матерь сотворит милость Вам и утешение, а терпеть со смирением надо. Отцу Н. без размышления и со смирением надо идти во Святую Обитель! Сначала чего-то будет недоставать, неустроенно, но нужно обходиться тем, что есть, а по времени Господь сотворит великие и богатые Свои милости. Святый Сергий совершал службы при лучине, в скромных ризах, деревянной чаше, сам копал огород, сажал, колол дрова, воду носил и стал Святым. Это делали все Святые в тех местах где жили.

Бог да благословит всех Вас, Ему слава. Аминь. Кланяемся, не унывайте, терпите, взирая на Господа. Простите.

✣

Мир и благословение от Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего на Иордан от Крестителя Иоанна прияти

Крещение, с сим Святым праздником Богоявления и поздравляем Вас!

Благодарим за чудные гостинцы, полученные в сохранности. Надо всеми силами хранить мир, — идеже мир и любовь, там Бог, там всякое благо. В крайности, когда это нарушается — просить друг у друга прощение, памятуя слова: «солнце да не зайдет во гневе Вашем» (Еф. 4, 26). Матере А. так лечиться: вставше с постели утром прочесть один раз «Отче наш» и один раз «Богородице Дево, радуйся», один поклон, выпить чайную ложку крещенской воды. Вечером перед сном: один раз «Отче наш», один раз «Богородице Дево, радуйся», один поклон, святым елеем помазать сердце и больную грудь, говоря: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». Совершать это 40 дней и будет благополучна. Это от всех болезней лекарство, говорил Иоанн Киевский, уча людей как быть здравым.

Целуя стопы Ваши, кланяемся, благодарим. Спасайтесь, простите.

Из наставлений схиархимандрита Виталия

Об исполнении Заповедей Божиих

Надо раздавать, а мы приобретаем, надо слушать, а мы ропщем, надо отсекать волю, а мы ею живем, надо возненавидеть сей мир и все его утехи, а мы его любим – и в итоге мы идем наперекор заповедям Божиим. И тогда везде тяжело.

Поминая смерть, суд, ад, мы приходим в Божий страх, а страх как уздой удерживает на пути заповедей Божиих.

О спасении

«На первом месте у человека должно стоять спасение души», – учил Батюшка. Одна его духовная дочь после длительного плавания поехала домой, а не к Батюшке. На что он сразу написал ей письмо, в котором указывал, что надо спешить туда, где «можно услышать слово спасения. Отец Андроник из ссылки не домой пошел, а прямо в Дом Спасения*. Надо отсекать свою волю».

Легкий путь спасения – это не осуждать никого, – и Господь не осудит.

---

* Схиархимандрит Андроник (Лукаш) в 1939 году был сослан на Колыму. После освобождения в 1948 году он сразу приехал в Глинскую пустынь.

О терпении

Лучше потерпеть боли и очиститься от греха, нежели быть здравым и быть обреченным на муки огня.

Если благодати нет, то человек не может сам по себе терпеть.

Одна духовная дочь старца вспоминает: «Я прожила с неверующим супругом, богохульником, 23 года. Много раз думала разойтись, а отец Виталий не благословлял. Он говорил: "Кто терпит свой крест до конца, тому венец готовится, а награда на Небесах такая от Бога, что человек даже не может себе представить"».

Об Иисусовой молитве

Надо не помыслы принимать, а молитву совершать.

Молитву творите во всякое время и положении – вот будет Вам моление, бдение, чтение и благодарение.

Творите молитву – она все восполнит.

Всегда надо читать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных». Сидишь, кушаешь, беседуешь, идешь, стираешь, стряпаешь, моешь, копаешь, носишь – всегда надо читать Иисусову молитву. Тогда не будет тоски.
Говоря так, и Господа радуем, живых и почивших, и свою душу обогащаем, и в рай вселяемся о Христе Бозе.

Как дышишь, не спрашивая, как это делается, так и молитву читай да читай – и получишь спасение.

Читайте Иисусову молитву во всякой нужде и печали, тогда приидет по времени искомое.

Когда будешь безпрестанно творить молитву, будет благо, а ежели не радостно, так потому, что не творим молитву.

Во время тоски и других изменений надо безпрестанно творить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею

помилуй нас грешных». Отец Андроник говорил: «Кто молитву не читает, тот тоской заболевает, с нею и уныние приходит – и тако себя отягощает».

Хотя бы ты находился в смятении ума, когда он бывает увлечен чем-нибудь, и тогда не оставляй молитвы Иисусовой.

Эта молитва избавит от печати антихриста, простит грехи, украсит добродетелями и с Богом соединит.

Люби Иисусову молитву, а она тебя оденет, яко ризою, добродетелями, поведет путем спасения, ободрит, обвеселит и жребий спасения со избранными дарует.

С людьми, когда они прекословят или порицают, надо молчать да молитву Иисусову творить. Это чудное средство.

Отец Виталий говорил, что к молитве надо относиться с большим рассуждением, дабы не впасть в прелесть. В письме к одному архимандриту он так отвечал на его вопрос: «Почему Отцы не велят заниматься Иисусовой молитвой? Это в области сердца. Кто прежде времени берется за сей подвиг, а не стяжал молчания, терпения, отсечения своеволия, и емлется за великий подвиг, оттого бывает прелесть. Поэтому Отцы, остерегая от сего дела, строго говорят не входить в сие делание прежде времени»*.

Мы горды, потому и молитвы Иисусовой нет.

За гордость молитва не дается.

Молитва с гордостью не принимается Богом.

О молитвенном правиле

Батюшка учил не скорбеть и не унывать, если не успеваешь вычитать утреннее правило, а неустанно читать в течение дня

---

* Здесь отец Виталий говорит о третьей степени Иисусовой молитвы – об умно-сердечной, к которой Святые Отцы не рекомендовали приступать без опытного духовного руководства.

Иисусову молитву, 150 раз «Богородице Дево, радуйся» и Пяточисленные молитвы. Он говорил, что Иисусовой молитвой можно заменить все правило, а кто каждый день читает 150 раз «Богородице Дево, радуйся», того Матерь Божия спасет.

Если после молитвы попьешь чаю или покушаешь, заново надо читать молитву на сон грядущим.

Всегда читайте «Богородице Дево, радуйся» по 150 раз с поклонами – и Матерь Божия совершит спасение.

Батюшка советовал утром, выходя из дома, прочитать 26, 50 и 90 псалмы, а между ними, в начале и в конце по одной молитве «Богородице Дево, радуйся». После этого, он говорил, если рядом разорвется снаряд или пуля, или случится пожар – никакая беда тебя не коснется.

Читайте 26, 50, 90 псалмы, и Господь и Матерь Божия подадут Свои милости.

Раз есть тщеславие исполнением правила, много не бери, а тяни четки с Иисусовой молитвой, не считая, но только смиренно и со вниманием.

Старайся аккуратно молиться утром, вечером и при всяком деле, хотя бы так: «Благослови, Господи. Слава Тебе, Господи». И вместо других мыслей говори: «Господи, помози ми. Господи, защити мя. Господи, буди врач души и телу. Господи, научи мя творити волю Твою». Тако творя, ты будешь беседовать с Богом, что и есть молитва. Другие мысли не принимай – они не Божии.

При крайнем затруднении к прочтению правила ко Причащению позволял прочитать 5 четок Иисусовых молитв.

Требовал молиться за всех, но при крайней занятости позволял даже так: «Благослови, Господи, всех здравием и помяни всех усопших во Царствии Твоем. – Вот и помолились, тогда не будете унывать».

О церковной молитве

Отвечая духовным чадам о важности частого посещения Церкви, отец Виталий говорил: «Домашняя молитва за несколько дней не заменит одного «Господи помилуй» и поклона, сделанного в Церкви».

«Внимайте, как вы креститесь: махаете, как мух гоняете», — предупреждал он своих чад, обращая внимание на то, что перенося руку с плеча на плечо нужно делать прямую линию, а не гнутую дугу.

Батюшка считал важным совершать крестное знамение и поклоны не самочинно, а в согласии с церковным уставом, который должен знать каждый православный христианин.

О посте

В Страстную Пятницу Батюшка совсем не разговаривал. Так он почитал день страданий Спасителя.

Учил всю Страстную седмицу ходить в храм, суетой не заниматься, только приготовить пищу разрешал. Он говорил, что днями Страстной седмицы освящаются дни всего года. Великим Понедельником освящаются понедельники всего года, Великим Вторником — все вторники года и т. д.

О христианских добродетелях

Терпение, благодарение, молитвенный труд — все недоумения, препятствия и скорби сотрут, и в тихое пристанище приведут...

Будете любить — ни тоски, ни уныния не будет.

Господь учить нас быть подобно детям, не осуждать, не обижаться, всех любить, терпеть, благодарить, на промысел Божий возлагаться.

Никогда не должно падать духом, а всегда уповать на помощь Божию и на милость Его.

Знайте, что за послушание Господь подаст терпение, великую милость и спасение.

Смиряйтесь, терпите, любите. Любовь будет – и стены разойдутся.

Любовь – единственное, что надо стяжать.

Учил со всеми жить в мире, говорил: «Лучше пусть дело разорится, чем нарушать мир».

О неосуждении

В письмах Батюшка постоянно повторял, чтобы никого не осуждали, ибо от сего греха «благодать уходит, а тогда – тоска, уныние, леность, ожирение, похоти, алчность, жадность, шутки, многословие находят, а также нетерпение, неделание ничего доброго».

Чтобы научиться любить, надо молиться так: «Господи, благослови всех, кого я осудил (имена), и их святыми молитвами и мя, окаянного, помилуй». – С этой молитвой 12 поясных поклонов. Так учил нас отец Серафим*, и мы все ежедневно сие совершаем.

Когда не можешь отстать от осуждения, тогда надо совершать 150 раз «Богородице Дево, радуйся», – и Матерь Божия поможет никого не осуждать.

Одна духовная дочь отца Виталия вспоминает: «Как-то Батюшка на ходу, как бы между делом, сказал: "Лучше бы вы объелись, чем осудили человека"».

Одна из его духовных чад поехала в Сочи. В храме она соблазнилась тем, что на престоле не горели свечи и сокращают службу, и не стала причащаться. На это Батюшка ответил: «Причащаться надо, и надо самому гореть свечой. За то, что привыкли осуждать, покоя нигде не находят люди.

* Духовник Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Романцов).

Осуждай себя каждый человек... Все грехи нас борют потому, что мы горды».

При злопамятности, когда зло внутри гнездится, тогда скажи себе: «Бог – Любовь, а я не люблю, значит меня Бог отринет!» – И сим помыслом выгонишь злопамятство.

Не осуждай, люби, себя вини, всех за Ангелов считай – и будут слезы.

Батюшка приучал в общении с людьми постоянно думать: «Все как Ангелы, а я хуже всех».

Об отношении к обидчикам

Если кто на тебя обижен или недоволен, ты за него поклончики положи, а то и гостинчик пошли.

О нестяжании и милостыне

Нищим всегда помогай. Хоть копеечку подай, если больше нет – и она возносится на Небо.

Старайтесь все раздавать, оставьте только самое необходимое – тогда отрада будет на душе.

Говорю: все надо раздавать, но не слушают. Всего имею аки склад – вот мне и ад.

О жилище

Дом освятите непременно. Где человек живет – там и обитель святая.

Ежедневно кропите квартиру святой водой.

Нельзя говорить, что в доме грязно. Бог все сотворил чисто и свято.

Берите икону Божией Матери утром и вечером, и все четыре стороны крестите, читая «Богородице Дево, радуйся». И придет помощь от Господа.

Об отношении к родителям

Приехала одна женщина к Батюшке, целует ему руки. А он ей говорит: «Тебе легко мне целовать руки, а ты дома матери целуешь руки?»
– Нет.
– Значит, твоя любовь лицемерная.

Часто спрашивал тех, кто к нему приходил: «Как ты с матерью обращаешься? Берешь ли у нее благословение?» И учил брать у родителей благословение, целовать у них руки, слушаться, смиряться перед ними.

Дочь после размолвки с родителями умерла без примирения. Матери часто снился ее гроб, стоящий в доме. Тогда отец Виталий дал такой совет: пойти на могилку и сказать: «Прощаю от всех руганий, проклятий и обид, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь», – крестя при этом могилу. После того, как это было исполнено, такие сновидения прекратились.

И в письмах Батюшка постоянно учил почитать родителей: «Маму простите, и если она жива, пойдите к ней и просите прощения, а если не жива, пойдите на могилку, поклонитесь до земли и скажите: «Мама, прости меня во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». И сами скажите: «Прощаю, мама, Вас, когда ругала или кляла. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Перекрести могилку, поцелуй землю».

Люби маму, ежедневно бери у нее благословение.

Непокой от неповиновения родителю. Всегда берите у папы благословение и целуйте руку.

Любите детей, всех благословляйте, не укоряйте, а ласково обращайтесь. Ласковое слово, аки вода: вода мягкая, а камень пробивает.

О пристрастии к земному

Не ищи вкусной, сладкой, жирной пищи. Надо всем пользоваться так, чтобы была сила на труды, а прочее не во спасение.

Чтобы победить врага, надо победить свое тело, себя победить. А мы, то и дело, даем себе поблажку – то переели, то переспали. А надо помнить: переел – капкан, переспал – капкан. У нас ни у кого нет решимости.

Когда получаем телесные удовольствия, прогоняем благодать. Например, если спим в мягкой постели.

Отец Виталий учил, что всякое пристрастие к земному удаляет от нас благодать Божию.
Одна раба Божия покрасила дома балкон, приехала к Батюшке и говорит:
– Отец Виталий! У меня теперь такой красивый балкон, сижу – не налюбуюсь.
– Правильно. Благодать прогнала и сидит любуется.

Одна женщина пришла к отцу Виталию и говорит:
– Отче, я ни в чем не согрешила, но молитва ушла от меня. Чувствую какую-то сухость, как будто благодать ушла.
– А что ты сделала? Чем дома занималась?
– Уборкой. Стирала занавески, покрахмалила, погладила.
– Вот тебе и благодать ушла.

Особо выделяя дни больших церковных праздников, отец Виталий строго запрещал в эти дни заниматься уборкой, стиркой и другими делами. Он говорил: «Все, что сделано в праздник, придется исправлять в будни».

Батюшка учил во время повседневных дел и забот не оставлять в уме Господа: «Что ни делаете, помышляйте, наблюдая за сердцем, что все делаете Господеви. Вот и пойдут дела Ваши во славу Божию. И Иисусову молитву творите – и будет двойное дело: и молитва, и труд и тако всегда с Господем будете».

«Полюбите Любовь»

О чем эта книга? Если ответить одним словом – о Любви, о том, что может человек творить силою Божественной Любви, живущей в нем.

Любовь старца Виталия к людям была поистине жертвенной. Он всегда говорил: «Надо другому помогать, не щадя себя». И он себя не щадил, к себе был самым требовательным и строгим.

Сколько разных людей приходило к отцу Виталию, и ни один человек не вызвал у него какого-либо неудовольствия или раздражения. В его сердце никому не было тесно – все в равной мере ощущали на себе его внимание, сочувствие, теплоту, любовь. Он радовался с радующимися, плакал с плачущими и служил каждому как Самому Христу.

Для отца Виталия не было большей боли, чем видеть, как человек духовно погибает. И он готов был терпеть любое безчестие, укоризны и искушения, лишь бы поддержать падающего, принести ему духовную пользу. И в этом служении ко спасению душ заключается высшее проявление христианской любви, ибо «никто не может более Христа любить, как тот, который спасения ближнего ищет» (свт. Тихон Воронежский).

Один великий старец молился так: «Владыко! Или вместе со мною введи и чад моих в Царство Свое, или изгладь и

меня из книги Твоей». Любовь старца Виталия простиралась до того, что он был готов сам пойти в ад, если бы это было нужно для спасения тех, кого вверил ему Господь. Свое пастырское служение он не мыслил без крестоношения. А крест, по слову святого Исаака Сирина, — «есть воля, готовая на всякую скорбь».

Безропотное терпение всех скорбей и трудностей, которое истекало от безграничного доверия Господу как своему Отцу, преобразило его настолько, что он стал земным ангелом и небесным человеком. Трудно, да и невозможно нам проникнуть в эту тайну взаимоотношений Бога и человеческой личности. О духовном облике этого подвижника мы можем судить лишь по внешним проявлениям его сокрытой в Боге жизни.

У знавших отца Виталия было внутреннее чувство, что человек этот не от мира сего. Это выражалось и в поведении, и в мышлении — все было не так, как у всех. И когда отец Виталий хотел найти себе друга в земной жизни, духовный отец ему сказал: «Не ищи, друга себе не найдешь. Тебя не один человек в мире не поймет, поэтому ты будешь один». На первый и поверхностный взгляд это может показаться парадоксальным, ведь вокруг старца всегда было множество любящих его сердец. Но вот смиренное признание одной его духовной дочери: «Я знала Батюшку больше сорока лет, и как-то раз он мне сказал: «Вот ты меня хорошо знаешь». А я подумала, как можно его знать, ведь ему сам Господь тайны открывает».

Отец Виталий и своих духовных чад настраивал так же: «Один Господь Бог нам и Отец, и Друг, и Брат». Утешая в письме свою духовную дочь, он писал: «Где бы я ни был, а один не был. И ты не одна — с тобою Господь, Матерь Божия, Ангел-хранитель, Святые...»

По какому-то особому внутреннему камертону он ощущал духовную связь с миром Святых. Самым близким по духу отцу Виталию был великий светильник земли Русской — преподобный Серафим Саровский, наставлениям которого он следо-

вал со времени своего поступления в монастырь. Не раз в письмах он сообщал, что «посещает умом» святого Серафима, «мысленно бывает в Дивеево». И как же радовался Батюшка, когда в 1991 году обрели святые мощи Саровского чудотворца и среди лета запели Пасху, а в числе тех священнослужителей, кто сопровождал святыню из Москвы до Дивеева, были и его духовные чада.

Тем, кто утверждал, что в наше время уже не может быть таких великих подвижников, как в прошлые века, Батюшка отвечал: «Сила благодати та же, что и во времена апостольские, все дело в нас самих».

Однажды его посетили монахи с Аляски и задали ему вопрос: «Есть ли в XX веке такие подвижники, о каких мы читаем в древних патериках?» Отец Виталий ответил утвердительно: «Мы их видим, слышим, с ними бываем, но не имеем веры и послушания, какие были у древних отцов, поэтому мы их и не знаем».

Простые, чистые сердца видели Богоносность старца и в трепете поклонялись Тому, Кто жил в нем. Одна женщина, побывав у Батюшки со своей семьей, поделилась своим впечатлением: «Выше той любви, какая есть у него, человек уже не может достигнуть. Если у человека такая любовь, а ведь ему дал ее Бог, то какой же тогда Сам Господь!»

Силою Любви человек может творить великие чудеса. «Любовь будет — и стены разойдутся», — говорил отец Виталий. Не здесь ли объяснение некоторых чудесных случаев его помощи страждущим.

У Батюшки было необыкновенное лицо. Любовь делала его ангельски красивым, трудно было оторвать от него взгляд. Но фотографировать себя Батюшка не позволял, говорил: «Награда уменьшится». Сохранилось лишь несколько случайных снимков, о которых Батюшка или не знал, что его снимают, или сделанные за послушание (например, рядом с владыкой Зиновием или фотография на паспорт). Не осталось и записей его бесед. Он ушел подобно ангелу, не оставив после

себя почти ничего из мира вещественного. Но он завещал своим чадам нечто несравненно более великое – свою Любовь, которая живет теперь в сердцах людей, а драгоценнее этого дара нет ничего на свете.

В пасхальном письме к чадам незадолго до своей смерти он отправил одно замечательное поучение, которое можно назвать духовным завещанием самого отца Виталия: «Полюбите ближнего! И вы полюбите Христа. Полюбите обидчика и врага! И двери радости распахнутся для вас, и Воскресший Христос сретит вашу воскресшую в любви душу. Вот и все! Так мало ждет от нас Господь! В этом – наш рай! Это – наше Воскресение! Полюбите Любовь и живы будете Воскресшим в страдании Любви Спасителем!»

Трудно расставаться с дорогим Батюшкой и заканчивать повествование о его жизни, далеко не полное. Продолжение этой книги будет зависеть от тех, кто знал отца Виталия и мог бы поделиться своими воспоминаниями. Ждем Ваших писем и отзывов по адресу: 115172 Москва, Крестьянская площадь, 10. Новоспасский монастырь.

Содержание